

ОХОТНА

и ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

6

1969

На первой
странице обложки:

Котики на лежбище
Фото Ю. СИДЕЛЬНИКОВА

На второй
странице обложки:

Над водным простором
речная чайна
Фотоэтюд В. МАРКОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

охота
и охотничье хозяйство · 6 · 1969

Ежемесячный массовый журнал
Министерства сельского хозяйства СССР
Год издания пятнадцатый

пушнину — государству!

Пушнина всегда играла заметную роль в жизни нашего государства. Многочисленные печатные источники свидетельствуют о том, что «пышнина», или «мягкая рухлядь», имела очень большое значение в «российской коммерции при всех портах и границах, от древних времен до настоящего». Пушнина и сейчас остается основной экспортной продукцией нашего охотничьего хозяйства. По производству пушнины СССР прочно занимает первое место в мире. Только в 1967 г. у нас было заготовлено около 40 миллионов шкурок диких пушных зверей на сумму 22686 тыс. руб., а также 4,1 миллиона шкурок клеточных пушных зверей — в основном норки, серебристо-черной лисицы, голубого песца.

Несмотря на некоторое увеличение заготовок «охотничьей» пушнины, по сравнению с дореволюционным временем, несмотря на быстрый рост мощной индустрии клеточного звероводства, потребности внутреннего рынка в пушно-меховых товарах удовлетворяются крайне слабо. Меха не хватает. В связи с этим особую озабоченность охотоведов в последние годы вызывает все большее и большее оседание пушнины на руках у охотников и быстрое развитие так называемого «черного рынка».

«Невероятно, но в Ленинграде, в городе, где проходят пушные аукционы, образовался «черный аукцион». На базаре изпод полы вам предложат шкурку соболя, выдры, куницы, бобра... Бобра! Уже много лет мы бережем некогда почти истребленного зверя. Не жалея денег, расселяем бобра, и, кажется, не напрасно — уже запланирован первый отстрел зверей. Первые шкурки пойдут на продажу. А хищники посмеиваются: «Ждите, ждите», и предлагают: «Шкурка бобра! Две тысячи за штуку...».

Эти взволнованные строки, принадлежащие перу известного журналиста В. Пескова, появились в «Комсомолке» в 1961 году. Они предупреждали: с пушницей неблагополучно! Браконьеры и спекулянты утаивают от государства ценнейшее сырье, наживаются на нем. Примите срочные меры!

Говоря откровенно, в те годы выражения «черный пушной аукцион», «черный рынок» звучали как-то необычно, резали слух. Произносили их вполголоса, как бы извиняясь за столь резкие и чуждые нашему обществу слова.

Через 7 лет «Комсомольская правда» возвратилась к той же теме. На этот раз — в специальной статье «Шапки слева». В ней уже прямо говорилось о том, что «подпольный пушной рынок» стал реальностью наших дней. Беда в том, что было пресечено в зародыше. Напротив, оно распространилось, приняло опасные размеры. Под угрозой оказалось поставленной государственная монополия на заготовки охотничьей пушнины. В статье содержались конкретные предложения по борьбе с т. н. «оседанием пушнины».

Газета получила ряд откликов на статью «Шапки слева», подтверждающих правомерность и своевременность постановки этой проблемы. В одном из них, опубликованном 23 марта 1968 г., начальник Тюменского областного управления охотничьего хозяйства Г. Сидельников приводил факты незаконной продажи и переработки пушнины в Тюменской области. Он предлагал повысить закупочные цены на шкурки пушных зверей, установить полную ответственность браконьеров и перекупщиков.

Не прошла мимо этой темы и «Правда». 15 марта 1968 г. газета опубликовала большую статью С. Богатко и Г. Птицына «Ходит шуба по долам». Авторы (в числе прочих фактов) сообщали о том, что Свердловское управление охотничьего хозяйства проверило четыре швейных ателье и обнаружило в них 25 неучтенных шкурок куницы, 30 соболей, 500 ондатр, 30 белок, три шкурки белого песца.

«Появились и «твердые» рыночные цены, — писали далее авторы. — По сообщениям управлений охотничьего хозяйства Кра-

ноярского края и Приморья на рынке шкурка песца белого стоит примерно 100 рублей (заготовительная цена около 20 руб.), норки — 15—30 руб. (заг. цена — 8), лисицы красной — 25—50 руб. (заг. цена — 4—5), ондатры — 5—10 руб. (заг. цена — 0,8—1,6) и т. д. Не случайно в некоторых промысловых районах около 30% добываемой ондатры до государственных заготовок не доходит».

«Работники Свердловского ОБХС и областного управления охотничье-промыслового хозяйства провели в прошлом году рейд по некоторым ателье города, побывали и на вещевом рынке. За один только день ими было изъято восемьсот шкурок ондатр, тридцать пять — соболей и куниц. В одном из ателье пожали плечами: «В октябре «левых» мехов было в десять раз больше» (А. Раков, «Советская Россия», 19/III 1969).

Очень важно знать, какое количество пушнины оседает на руках у охотников и уходит на черный рынок. Не зная размеров оседания пушнины, мы не сможем понять причин снижения ее заготовок, судить о запасах пушных ресурсов и, следовательно, не в состоянии планировать добычу многих ценнейших животных. Таких данных об оседании пушнины крайне мало, но и те, которыми мы располагаем, говорят о чрезвычайном положении с заготовками пушно-мехового сырья.

По данным Д. Н. Данилова (1968), товарный выход шкурок зайца-русака составляет 20% от его общей добычи, беляка — всего 8%. В 1967 г. у нас было заготовлено немногим более одного миллиона шкурок зайца-русака и более 800 тысяч зайца-беляка. Легко подсчитать, что только в одном этом году государство потеряло около 4 миллионов шкурок русаков и более 10 миллионов беляков — всего около 14 миллионов заячьих шкурок. Большая часть из этих 14 миллионов шкурок пропала зря, не найдя никакого применения в хозяйстве охотников.

В статье Э. Шашкова «Определение продуктивности угодий» (1967) приводятся любопытные цифры. В Островском районе Костромской области в один из последних охотничьих сезонов 9% шкурок добытых куниц не попали в государственные заготовки. По свидетельству В. В. Василькова (1969), в Белоруссии оседание пушнины приняло массовый характер — 40,1% шкурок добытых охотниками куниц, 41,7% выдры, 47% норки, 48,9% хоря, 14% лисицы и т. д. не попадает здесь в государственные заготовки. По данным Н. Н. Гракова (1969), оседание шкурок куницы в Архангельской, Свердловской областях и Коми АССР составляет 10—15%, а в Мордовской АССР достигает 50%.

Мы намеренно так подробно остановились на корреспонденциях, появившихся в центральной прессе. Они показывают, что неблагополучное положение с заготовками охотничьей пушнины стало достоянием гласности, что о нем через центральные органы печати доведено до сведения всех организаций и ведомств, причастных к охотничьему промыслу и пушным заготовкам. И если в начале 60-х годов факты, наподобие описанного в Ленинграде В. Песковым, были единичными, из ряда вон выходящими, то в наши дни они стали обычными. Работники охотничьих и заготовительных организаций, охотоведы и охотники хорошо знают о них.

Что же произошло за последний год? Какова реакция в связи с выступлениями в печати? Нельзя сказать, что ничего не было сделано. Значительное повышение закупочных цен на пушнину для северных районов (особенно на ондатру), несомненно, снизило размер оседания пушнины в этой зоне. Принято решение об увеличении на 5 млн. руб. фондов пушнины и меховых товаров для внутреннего рынка. Некоторые мероприятия были проведены в отдельных республиках. Ну, вот, пожалуй, и все. И этого явно недостаточно, о чем свидетельствует все увеличивающийся объем незаконных операций с пушницей в большинстве районов нашей страны.

Коллектив меховых изделий кустарной и полукустарной выработки у населения все возрастает — это заметно даже и не для очень опытного глаза. Выдра, бобр на воротниках, неокрашенная ондатра на шапках, самодельные беличьи паркы, собольи шапочки — все это можно увидеть часто. Торговля пушниной на рынках, особенно в сибирских городах, процветает. И, если, например, в Хабаровске продавцы подвешивают шкурки соболя с внутренней стороны пальто и демонстрируют их возможным покупателям осторожно, с выбором, то в Красноярске торговля происходит откровенно, при всем честном народе.

Появились региональные нелегальные закупочные цены на «левую» пушнину и изделия из нее. И хотя официальных сведений об этом почти нет, мы уверены, что существуют специальные подпольные заготовительно-производственные пушные «синдикаты», имеющие своих скупщиков, скорняков, продавцов, свою клиентуру и т. д. Словом, «черный пушной рынок» благоденствует.

О причинах возникновения и развития этого явления уже говорилось и писалось. Перечислим их коротко.

Основное — огромный (и все увеличивающийся) спрос на меховые изделия на внутреннем рынке и невозможность в сколько-нибудь значительной степени удовлетворить этот спрос при существующих квотах на сырье, выделяемое для промышленности, и меховые товары, представляемые торговой сети.

Второе — низкие (в ряде случаев — чрезвычайно низкие) закупочные цены на шкурки многих видов диких пушных зверей и колоссальные «ножницы» между официальными закупочными и спекулятивными ценами (вспомните: за шкурку ондатры 80 коп. и 5 руб.!).

И наконец — почти полное отсутствие ответственности за различные формы посягательства на государственную пушную монополию, слабый оперативный контроль за действиями браконьеров, перекупщиков и спекулянтов. Надо заметить, что даже среди специалистов охотничьего хозяйства сейчас появились лица, сомневающиеся в целесообразности дальнейшего сохранения монопольных прав государства на промысловую пушнину.

«Если охотник имеет право оставить себе отстрелянного зайца или убитую утку, то почему же нельзя разрешить ему сделать то же самое со шкуркой дикого пушного зверя? — спрашивают они. — Ведь все равно пушнина остается внутри страны, будет использована нашими людьми».

Такая точка зрения, конечно, неприемлема. Интенсификация и даже просто сохранение охотничьего хозяйства невозможны без увеличения его товарности. Исключение пушнины из государственных заготовок подрывает экономические основы существования этой отрасли хозяйства. Кроме того, государству будет нанесен большой экономический ущерб, а плодами труда охотников-промысловиков станут пользоваться недобросовестные люди, барышники и спекулянты. Необходимо и в дальнейшем укрепить государственную монополию на пушнину.

Порядок в пушных заготовках можно навести только путем проведения целого комплекса различных мероприятий — единого рецепта здесь не существует. Должна быть укреплена заготовительная система, значительно расшатанная непродуманными реорганизациями. Необходимо изменение принципов планирования производства и заготовок охотничьей продукции, проведения лицензионного отстрела. Важное значение будет иметь и нормализация экономики охотничье-промыслового хозяйства в духе осуществляемой в Советском Союзе экономической реформы. Наш журнал уже неоднократно писал о необходимости повышения закупочных цен на промысловую пушнину, упорядочения оплаты труда штатных охотников-рабочих, о внедрении научно обоснованной системы ценообразования на пушное сырье и меховые изделия. Нет необходимости останавливаться на этих вопросах более подробно. Совершенно ясно, что разумное и своевременное использование экономических стимулов и рычагов — один из важнейших способов борьбы с «оседанием» пушнины.

Укрепление экономики охотничьего промысла позволит не только более полно собирать в государственные закрома уже добытую пушнину, но и даст возможность освоить охотничьи ресурсы отдаленных угодий, получить дополнительное количество пушного сырья и другой «сопутствующей» продукции. Государство сможет увеличить рыночные фонды на меховые изделия, что выбьет почву из-под ног спекулянтов и подпольных скорняков.

Кстати, распределение пушнины между внутренними и внешнеторговыми организациями имеет одно следствие несколько парадоксального свойства, мимо которого проходят заинтересованные ведомства. Планирующие организации и Союзпушнина считают, что передача для экспорта подавляющей массы ценного пушного сырья выгодна для государства, так как это сырье служит источником валюты. Они добиваются сохранения высокой

квот для внешней торговли. Но образующийся на внутреннем рынке «вакуум» самым отрицательным образом сказывается на состоянии заготовок охотничьей продукции. Возрастает ее оседание и, как следствие, сокращаются экспортные ресурсы. Только насытив внутренний рынок, мы быстрее сможем увеличить общий подъем заготовок охотничьей пушнины и поставки ее на экспорт.

Важным средством борьбы с оседанием пушнины и незаконными операциями с ней должны явиться меры правового характера. Мы не уповаем слишком на значение санкций и считаем, что они должны применяться только после решения всех упомянутых выше вопросов. Однако необходимость их сейчас уже очевидна.

Известно, что государственная монополия на пушнину была установлена постановлением ВСНХ от 30 января 1919 г. Оно гласило: «Вся пушнина в сыром, выделанном и окрашенном виде, в шкурках и мехах, имеющихся на территории РСФСР в настоящее время, а равно и та, которая будет добываться впредь, передается и заготавливается в твердых ценах исключительно государством».

25 сентября 1939 г. было принято постановление ЭКОСО при СНК СССР № 1336 (п. 7 б), в котором говорилось: «Запретить частным лицам обработку в виде промысла и скупку всякого рода пушнины и мехового сырья».

Итак, формально государство как будто бы объявлено единственным распорядителем пушных ресурсов (хотя упомянутые акты имеют, по-видимому, ограниченный характер, не являясь законами и нуждаются в настоящее время в подтверждении на более высоком уровне). Ну, а какая ответственность предусмотрена для лиц, посягающих на государственную монополию на пушнину? В Российской Федерации, являющейся основным поставщиком этого сырья, почти никакая. Здесь к уголовной ответственности могут быть привлечены только люди, занимающиеся скупкой и переработкой пушнины в виде промысла, то есть систематически, в больших размерах, в целях получения средств к существованию и обогащения. Имеется возможность в административном порядке наказывать официальных лиц (например, работников ателье, принявших на переработку шкурки, не имеющие специального клейма), которые нарушили правила, утвержденные местными органами Советской власти. И все. А разве этим исчерпываются нарушения?

Как поступать с охотником, который нарушил свой гражданский долг и утаил добытую им ценную пушнину для личных нужд или — что еще хуже — продал ее посторонним лицам, перекупщикам? Какого наказания заслуживают люди, скупающие шкурки для своих личных надобностей? Что следует делать с должностными лицами, нарушающими установленные правила приемки, переработки и комиссионной продажи пушнины и меховых изделий? Перечень возможных нарушений этим не исчерпывается.

Не дело журнала рекомендовать меры наказания для нарушителей установленных правил и преступников. Думается, однако, что в целом ответственность за все виды посягательства на государственную пушную монополию должна быть значительно усилена. Конфискация незаконно проданной и приобретенной пушнины, изделий из нее, лишения прав на охоту, штрафы и, наконец, уголовное наказание особо опасных преступников помогут навести порядок в этом важном деле.

Министерство сельского хозяйства СССР, Центросоюз, Министерство легкой промышленности СССР, Министерство внешней торговли СССР, Главохота РСФСР — все организации и ведомства, занимающиеся охотничьим хозяйством и пушными заготовками, должны подготовить и внести на утверждение проекты Указа Президиума Верховного Совета СССР и Постановления Совета Министров СССР, предусмотрев в них развернутые мероприятия по борьбе с «оседанием» пушнины, с ее незаконной скупкой и продажей. Это совершенно необходимо для исправления сложившегося положения.

Органы Министерства внутренних дел СССР, сотрудники ОБХС должны более глубоко вникать в наши пушные дела, разоблачать злостных скупщиков пушнины и подпольных скорняков.

Большое значение в предотвращении нарушений может сыграть разъяснительная работа среди членов обществ охотников и всего населения. Ведь многие покупают шкурки у частных и несут их в ателье, просто и не подозревая, что это запрещено законом. Разъяснительную работу должны возглавить республиканские и областные общества охотников, заготовительные организации, органы охотничьего надзора, используя для этого печать, радио, телевидение, беседы.

Можно выразить уверенность в том, что если все перечисленные выше предложения будут претворены в жизнь, «черный пушной рынок» уже в ближайшее время исчезнет. Вся пушнина будет идти государству, которое сможет более полно удовлетворить потребности наших людей в прекрасных русских мехах.

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ ОХОТЕ

М. КАЛИНИН

Богата и разнообразна отечественная охотничья литература. Первые годы Советской власти ознаменовались выходом в свет ряда работ таких выдающихся охотничьих писателей, как С. А. Бутурлин, Н. А. Зворыкин, Д. Н. Каверзнев, Г. Е. Рахманин. О жизни и плодотворной деятельности последнего мы и попытаемся кратко рассказать.

...Григорий Евгеньевич Рахманин родился в Петербурге 28 декабря 1897 г. На лето многочисленная семья Рахманиных выезжала в Лебяжье — поселок на южном берегу Финского залива. Виталий Валентинович Бианки так писал про Лебяжье: «Неспроста эта деревня носит такое поэтическое название. Искони веков ранней весной, когда еще не весь залив освободился ото льда, против этого места на песчаных отмелях останавливаются стада лебедей. Серебром отливают их могучие крылья и серебряными трубами звучат в поднебесье их могучие голоса. Здесь пролегает Великий морской путь перелетных из жарких стран на родину — в студеные полные ночи края. Осенью здесь тоже валом валит морская птица, совершая обратный путь с рожденной у нас молодежью».

По всему побережью здесь живописные названия мест: Лебяжье, Красная Горка, Черная Лахта, Серая Лошадь. И есть у этих мест еще одно свойство: поразительное сочетание моря и леса.

Одно из самых поэтических лесных таинств — глухариний ток. Весной в лесу на темноты слышится страстная до самозабвения, до минутной глухоты песня огромного бородастого петуха. И есть ли еще на свете место, где эту песню услышишь под аккомпанемент ритмичного плеска морской волны и далеких лебединых труб?

Здесь — на золотом берегу Лебяжьей, в его прекрасных борах и рощах — выросли люди, влюбленные и в лес и в море, становились певцами их».

Именно здесь, в Лебяжьем, проходили юношеские годы братьев Бианки, братьев Ливеровских, братьев Рахманиных.

Прошли годы. Виталий Бианки стал всемирно известным писателем; Юрий Ливеровский — почвоведом и поэтом, творчество которого навеяно охотничьими и экспедиционными впечатлениями; Алексей Ливеровский — лесохимиком, охотничьим писателем; Сергей Рахманин — художником, иллюстратором книг о природе и охоте; Григорий Рахманин — охотоведом и автором многочисленных охотничьих книг и статей. Но это потом, много позже...

А пока компания молодых лебяженцев упоенно играла в футбол, в котором особенно отличался «стремительный» центр Форвард, кумир дачных девушек — Гриша Рахманин*. И, конечно, охотились. Охотились много, самозабвенно, пылливо. С тех пор охота прочно вошла в жизнь каждого «лебяженца». Для Григория Рахманина она сделалась делом жизни. Уже в ноябре 1918 г. он начал трудовую деятельность сначала инструктором-организатором, затем старшим инструктором и, наконец, заведующим отделом заготовок пушнина и дичи в Совнархозе Северного района. В 1919—1920 гг. он работал также заведующим отделом охоты Псковского губсовнархоза. Так началась плодотворная работа Г. Рахманина по организации охотничьего хозяйства в северных районах страны.

На I Всероссийском съезде охотников он был избран в состав Центрального комитета Всероссийского союза охотников, в котором возглавлял организационно-инструкторский отдел и являлся членом президиума. Организационная работа продолжалась до мая 1928 г., когда профессор Соловьев предложил Рахманину в качестве своего заместителя принять участие в экс-

Г. Е. Рахманин на Ямале. Весна 1960 г.

педиции по обследованию охотничьих промыслов Туруханского края. После успешного завершения экспедиции Рахманина пригласили на должность редактора журнала «Охота и природа». К этому времени уже увидели свет его книги — «Утиная охота», «Тетеревиная охота», «Календарь охотничьих зверей и птиц», а также ряд научных статей, посвященных нуждам охотничьего промысла.

1929 г. был началом не только редакционно-издательской, но и педагогической деятельности Г. Рахманина. В 1929 г. он работает в качестве старшего ассистента на кафедре охотоведения Института прикладной зоологии и фитопатологии, а с 1930 по 1936 г. — в Институте народов Севера доцентом охотоведения и заведующим промысловой кафедрой.

В 1936 г. по просьбе Г. Е. Рахманина он был откомандирован на два года для работы в Тазовский район Омской области.

Сначала работа на Тазовской культбазе и в Обдорской промконторе в качестве охотоведа. Потом — начальником Пуровской производственно-промысловой станции. С 1939 г. Г. Е. Рахманин работал охотоведом в глухом Байкитском районе Эвенкийского национального округа. Летом 1941 г. он переводится в Усть-Енисейский район Красноярского края, а в октябре 1943 г. его отзывают в Дудинку, где он становится председателем правления окружного рыболовпотребсоюза. Весной 1949 г. Рахманин назначается директором Таймырской комплексной оленеводческой станции Научно-исследовательского института полярного земледелия, где разрабатывает тему «Охотничий промысел Ямальского национального округа и пути его реконструкции». С 1951 г. Рахманин — директор окружной заготовительной конторы Ямало-Ненецкого рыболовпотребсоюза, которую он оставляет только в 1960 г. в связи с уходом на пенсию.

За безупречную работу Г. Е. Рахманин получил три правительственные награды; в том числе орден Трудового Красного Знамени, десятки раз был премирован.

Таковы лишь краткие вехи жизненного пути Г. Рахманина. Но даже этого вполне достаточно, чтобы понять, сколь много сделано этим незаурядным человеком для развития охотничьего промысла в северных районах нашей страны.

С самого начала трудовая деятельность Рахманина теснейшим образом переплеталась с литературной работой. И здесь его вклад огромен. Более 300 работ общим объемом около 200 печатных листов, 25 книг, и среди них такие, как «Утиная охота», «Ружейно-спортивная охота», «По косым», «Снаряжение охотника».

Научные труды Рахманина касаются всех проблем промысла: от практики штурок до роли охотничьего промысла в бюджете населения Крайнего Севера. Человек деятельный, горячо любящий охотничье хозяйство — дело всей своей жизни, Г. Е. Рахманин, будучи уже на пенсии, не прекращает работу. На Ямале он изучает результаты расселения и динамику численности ондатры, в Ханты-Мансийском округе производит учет и обследование поголовья охотничьих лаек. И, как всегда, досуг посвящает охоте.

К сожалению, за последние годы в печати почти не появлялись произведения Г. Е. Рахманина, если не считать маленькой статьи «Стрельба уток» в ленинградском сборнике «Наша охота». А ведь ее автор, несмотря на то, что ему перевалило за семьдесят, полон сил и бодрости.

Заканчивая наш краткий очерк, от лица многих тысяч охотников мы говорим:

— Мы помним и любим Вас, дорогой Григорий Евгеньевич! В наших книжных шкафах бережно хранятся Ваши книги, и мы уверены, что «рахманинская полка» еще пополнится новыми

* Сборник «Жизнь и творчество Виталия Бианки». Статьи авторизованная библиотека А. Ливеровского «Память сердца».

Скопление самок сайгаков на местах отела в Сарпинской низменности.

перспективы промысла сайгаков

Л. ЖИРНОВ,
кандидат биологических наук
Фото автора

В последние 10—15 лет обширные пространства сухих степей, полупустынь и пустынь СССР стали ареной интенсивной хозяйственной деятельности человека, в результате чего произошли коренные изменения природных ландшафтов. Освоение территорий засушливых зон в первую очередь отразилось на состоянии ресурсов копытных животных. В настоящей статье мы попытаемся осветить вопросы многолетней динамики численности сайгаков, обитающих в полупустынях западного Прикаспия. Эта группировка сайгаков в достаточной мере самостоятельна, регулярного обмена с казахстанскими группировками не отмечается, и поэтому проследить движение численности в такой изолированной популяции весьма интересно как в практическом, так и в теоретическом отношении. В западном Прикаспии регулярные авиаучеты сайгаков проводились начиная с 1950 г., что дает возможность проследить ход изменений их численности почти за двадцатилетие.

Динамика численности и состояния запасов сайгаков (1950—1968 гг.). Усиленное преследование сайгаков человеком с применением истребительных способов добычи, распашка и освоение степей, джугуты, обилие волков — таковы были в прошлом основные причины сокращения ареала и уменьшения численности этой антилопы. В итоге к двадцатым годам настоящего столетия только немногие сотни сайгаков сохранились в самых глухих уголках Калмыкии и Казахстана. Сайгак стал везде редок и, по мнению многих зоологов, был обречен в ближайшее время на полное вымирание.

Совское государство уже с первых дней своего существования встало на защиту природных богатств нашей Родины. В 1919 г. был принят закон о полном запрещении всякой охоты на сайгаков. Однако результаты охраны сказались только через 15—20 лет. Медленное нарастание общих запасов сайгаков определялось малочисленностью оставшегося поголовья и обилием в те годы волков. В 1940—1945 гг. сайгаки вновь стали обычными во многих районах Казахстана и Калмыкии. К пятидесятым годам численность их достигла уровня, отмечавшегося примерно 100—150 лет тому назад. Произошло восстановление ареала. В 1950 г. запасы сайгаков составляли около 850 тыс. голов: в западном Прикаспии — 100 тыс., в Казахстане — 750 тыс. голов. В последующие годы поголовье сайгаков продолжало увеличиваться и к 1957—1958 гг. общие запасы их достигли более 2 млн. голов, т. е. менее чем за десять лет поголовье возросло почти в три раза. После 1960 г. в некоторых частях ареала наметилась тенденция снижения численности.

Многолетняя динамика численности сайгаков наиболее четко может быть прослежена в западном Прикаспии, где с 1950 г. учеты ресурсов этих животных проводились ежегодно.

До 1959 г. происходило увеличение поголовья сайгаков. При этом с 1950 по 1958 г. оно возросло более чем в пять раз. Вместе с тем наблюдалось снижение численности поголовья вследствие суровой зимы 1953/54 г., когда наблюдался массовый падеж животных. В 1958 г. численность сайгаков была максимальной: весной до появления молодняка их насчитывалось 540 тыс. голов, а перед промыслом — 800 тыс. голов. В последующие годы происходило уменьшение численности; к 1963 г. поголовье сайгаков по сравнению с 1958 г. сократилось примерно в 4—5 раз. Как показали учеты, за последние пять лет (1963—1968) запасы сайгаков составляли 75—130 тыс. голов (весна). Таким образом, к 1968 г. поголовье животных уменьшилось по сравнению с годами максимальной численности в пять раз, а общие (весенние) запасы их не превышали 100 тыс. голов. Наименьшая численность была отмечена в 1965 и 1968 гг.

Следует заметить, что если до 1958 г., несмотря на периодическое снижение численности сайгаков, происходило довольно быстрое — через 1—2 года — ее восстановление до высокого уровня, то в последующие годы, особенно после 1963 г., роста поголовья по существу не наблюдалось. В последние годы низкая численность явно стабилизировалась, и основное стадо насчитывало не более 100 тыс. голов. Это обусловлено многими факторами, среди которых, по нашему мнению, решающее значение имели негативные изменения среды обитания, характер промыслового использования и состояния охраны сайгаков.

Влияние промысла совершенно очевидно. Промысловая охота на сайгаков в западном Прикаспии была открыта в 1951 г., но только с созданием в 1956 г. специализированного Астраханского госпромхоза хозяйственное использование запасов сайгаков приобрело значительные масштабы. Результаты сайгачьего промысла в западном Прикаспии за 11 лет (1957—1967) показаны в таблице. За этот срок госпромхозом было заготовлено около 850 тыс. сайгаков, государство получило более 11 тыс. тонн высококачественного дешевого мяса, много кожаного сырья и другой ценной продукции. В денежном выражении продукция сайгачьего промысла оценивается почти в 8 млн. рублей. Следует подчеркнуть, что сайгачий промысел очень рентабелен. Так, в 1967 г. госпромхоз получил от него свыше 103 тыс. руб. прибыли.

До 1965 г. Астраханский госпромхоз ежегодно заготавливал от 21 до 35% общих запасов сайгаков в западном Прикаспии. Однако нужно учесть, что общий размер добычи примерно на

Годы	Заготовлено сайгаков (тыс.)	Продукция						
		мясо		шкуры		рога		
		т	тыс. руб.	тыс.	тыс. руб.	т	тыс. руб.	
1957	97,4	1373	617,8	99,2	89,3	—	—	
1958	157,9	2123	955,3	172,4	173	—	—	
1959	180,0	2108	952,6	180,0	198,1	3,5	14,3	
1960	38,4	526	1236,7	38,4	41,3	2,4	9,6	
1961	118,9	1637,9	737,1	120,9	129,9	2,0	8,0	
1962	124,9	1535,7	691,1	130,8	211,9	2,0	8,0	
1963	40,0	541,5	358,2	40,6	81,2	3,0	12,0	
1964	40,0	523,1	340,6	40,1	80,2	6,7	26,8	
1965			Промысел закрыт					
1966	22,0	282,8	184,9	22,4	43,7	0,5	3,1	
1967	30,0	390,8	222,8	31,0	74,2	2,0	14,3	
			Промысел закрыт					
Итого	848,6	11041,8	6197,1	875,8	1516,2	22,1	95,2	

5—10% превышает официальные цифры заготовок, так как часть отстрелянных животных бракуют сами охотники, часть — на приемных пунктах. Поэтому в некоторые сезоны размеры промысловой добычи фактически достигали 40—45% всего поголовья сайгаков. Наиболее низкая численность стада отмечалась в 1960 г. (186 тыс.) и в 1963 г. (125 тыс.), т. е. как раз в те годы, которым предшествовал особенно интенсивный отстрел. Более того, в эти же годы для животных складывалась неблагоприятная обстановка — тяжелые условия зимовки (1960—1962 гг.) и сильные летние засухи (1959 г.), что влекло за собой повышенную их смертность.

Таким образом, размер промысловой добычи с учетом естественной смертности в некоторые годы превышал ежегодный прирост популяции.

Кроме прямого воздействия, промысел оказывал на популяцию сайгаков еще и косвенное влияние. В прошлые годы практиковался усиленный выборочный отстрел взрослых самцов (до 37% всей добычи). Сроки промысла были сильно растянуты (с октября по февраль), увеличилась яловость самок, что привело к снижению плодородности популяции.

Существенное влияние на снижение численности сайгаков оказывало также браконьерство. В 1959—1962 гг. охрана животных была ослаблена, так как Астраханский госпромхоз не имел достаточного количества автомашин и служба охраны не была приспособлена для действенной борьбы с браконьерами.

В сентябре 1963 г. Главное управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР разработало и внедрило в практику мероприятия по усилению охраны сайгаков и упорядочению промыслового отстрела этих животных. Но, несмотря на принятые меры, снижение численности сайгаков продолжалось, и в 1965 г. Главохота РСФСР установила запрет на промысел.

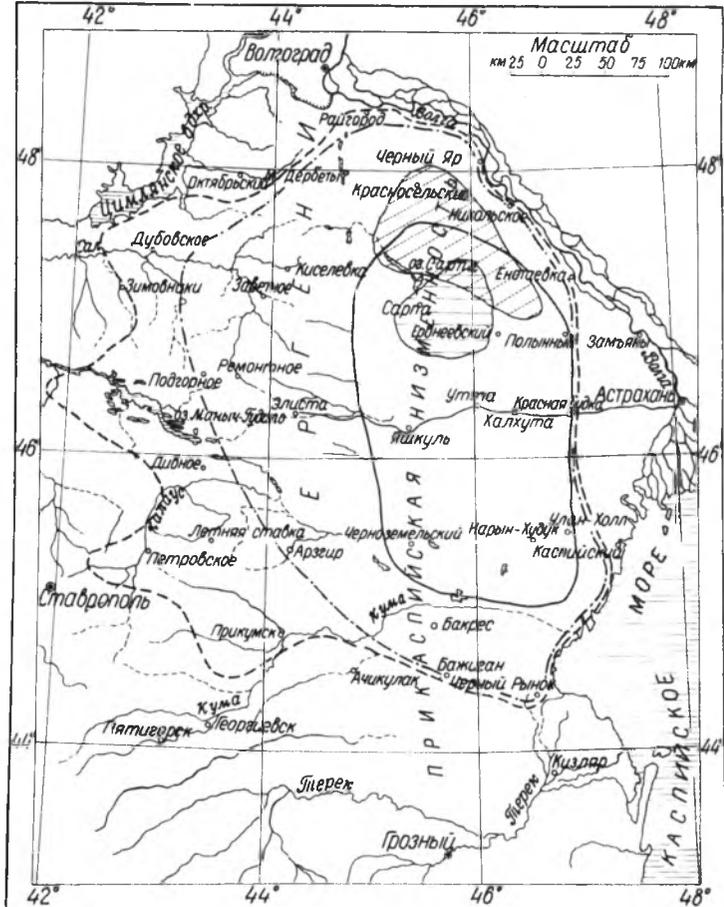
В последующие годы (1966—1967) численность сайгаков несколько возросла и был открыт промысел в пределах 10—15% их общих запасов. Но в 1968 г. в целях сохранения и увеличения поголовья сайгаков Главохота РСФСР приняла решение о запрете отстрела животных на два года.

Таким образом, в последние годы, несмотря на ограниченные масштабы промысла и запреты охоты, численность сайгаков продолжает оставаться на низком уровне. Это определяется в значительной степени негативными изменениями среды обитания, обусловленными хозяйственной деятельностью человека в зоне полупустынь.

Современные условия существования сайгаков в западном Прикаспии. Сухие степи и полупустыни, в которых лежит экологический оптимум сайгака как вида, стали ареной интенсивной хозяйственной деятельности человека.

За последние 10 лет (1958—1968) в Калмыкии интенсивно развивалось отгонное животноводство с круглогодичным вольным выпасом скота на пастбищах. Каковы же здесь взаимоотношения сайгаков и домашнего скота?

В среднем нагрузка овец на пастбища составляет в Калмыкии 0,5 головы на 1 га при норме 1 овца на 1 га. Вместе с тем нагрузка овец на отгонных пастбищах «Черные земли» уже в 1963 г. составляла 1,1 овцы на 1 га, т. е. коэффициент использования пастбищ достиг предела. Тем не менее сайгаки не вступают здесь в острые конкурентные отношения с домашним скотом. В прошлые годы при высокой численности сайгаков отмечалось частичное вытравливание пастбищ около водоемов, но это происходило только в годы засух. Сайгаки используют более удаленные от кошаков водоемов пастбища, куда не

Районы отела (1957-59гг.)
Районы отела (1966-68гг.)
Граница области постоянного обитания (1957-60гг.)
Граница забоев (1957-60гг.)
Область постоянного обитания (1966-68гг.)

Схема размещения сайгаков в западном Прикаспии.

заходят овцы. Более того, сайгаки поедают многие растения, которые овцы совсем не едят.

Широкие кочевки, столь характерные для сайгаков, определяют частую смену районов их обитания и тем самым исключают деградацию и вытравливание пастбищ. При численности в 200 тыс. голов сайгаки не наносят ущерба и культурным посевам.

Несмотря на отсутствие острой конкуренции между сайгаками и домашним скотом, интенсивное развитие животноводства все же влияет на состояние популяции сайгаков, но в другом плане. Дело в том, что вместе со скотом в степях и полупустынях появляются люди, автомашины, строятся новые фермы, поселки, кошары. В местах обитания сайгаков расположено более 5 тыс. кошаков. На «Черных землях» кошара от кошары расположена на расстоянии 3—4 км и с любой точки видно до десяти кошаков. За каждой кошарой или группой их закреплено по несколько автомашин, которые летом возят воду, а зимой сено и другие корма. Таким образом, фактор беспокойства необычайно возрос. Более того, каждая автомашина — потенциальный враг сайгаков, ибо автобраконьерство остается бичом охотничьих животных наших степей и полупустынь. С этих позиций интенсификация животноводства в Калмыкии за последние годы резко ухудшила условия обитания сайгаков.

Наряду с животноводством в Калмыкии развивается полеводство. Все земли сухих степей, лежащие в западных и северных районах этой республики (Ергени, Сарпинская низменность), заняты культурными посевами. Кроме того, большие участки полупустыни в центральной и южной Калмыкии также распаханы. Достаточно сказать, что только за последние пять лет площадь пашен увеличилась здесь почти на 100 тыс. га.

В настоящее время строятся мощные обводнительно-оросительные системы (Сарпинская, Черноземельская и др.), с вводом которых Калмыкия получит более 50 тыс. орошаемых земель и будет обводнено около 1 млн. гектаров пастбищ. Уже сейчас действует первая очередь Сарпинской системы, и на месте хороших пастбищ пролегла густая сеть оросительных каналов

Самка с новорожденным сайгачоном.

В западном Прикаспии в последние годы усиленно ведется разведка и разработка полезных ископаемых (нефть, газ). В Калмыкии в местах обитания сайгаков работают десятки крупных геологических партий, каждая партия располагает десятками автомашин — от легковых до многотонных грузовиков. Буровые вышки стали неотъемлемой частью полупустынных ландшафтов. В последние годы созданы и уже эксплуатируются предприятия по добыче нефти и газа, прокладываются газопроводы. Интенсивное развитие сельского хозяйства и промышленности сопровождается строительством новых и расширением старых населенных пунктов. Одновременно с развитием хозяйства появилась сеть магистральных грейдерных и проселочных дорог.

Интенсификация хозяйственной деятельности человека в степных и полупустынных районах западного Прикаспия привела к общему ухудшению условий обитания сайгаков в этой части ареала. Постоянная область их обитания, сократившаяся более чем в два раза, лежит исключительно в зоне полупустынь. Массовые выселения сайгаков, особенно в годы засух, в степи Сало-Ергенинской возвышенности и Кумо-Манычского междуречья прекратились, поскольку распаханная земля стала для них непреодолимым барьером на пути сезонных миграций. Соответственно, западная граница ареала сместилась на восток на 100—150—200 км. Еще 10 лет назад основные районы летовок размещались за пределами полупустынь Прикаспия и сайгаки осваивали не только сухие степи, но частично проникали и в дерновинно-злаковые. Хотя выселения сайгаков в эти районы не были регулярными, они тем не менее играли существенную роль в годы засух, поскольку полупустынные районы Калмыкии не могли обеспечить животных сочными кормами и водопоями.

Размещение мест отела за этот период также изменилось. В 1957—1960 гг. самки весной концентрировались в северной части Сарпинской низменности, где они находили не только безопасные удобные места для рождения молодняка, но и наиболее богатые злаковые, злаково-полынные и эфемеровые пастбища. После строительства Сарпинской оросительной системы места отела передвинулись много южнее, где условия для рождения молодняка менее благоприятны: раньше усыхает растительность и сам набор кормов (солянки, полыни, ковыль) совсем иной, чем на севере Сарпинской низменности. Более того, и в этих районах с каждым годом увеличивается площадь распаханной земель. Поэтому самки лишены глухих мест, где они могли бы спокойно принести потомство и провести с молодняком первые 7—10 дней. Сайгаки по существу не находят нормальных условий для существования с самого момента рождения.

Итак, приведенные материалы достаточно четко указывают, что за последние десять лет интенсивное развитие хозяйства в полупустынях и степях западного Прикаспия привело к резкому ухудшению общих условий существования сайгаков.

Если в пятидесятых годах временное падение численности могло быть компенсировано высокой продуктивностью этих животных, благодаря которой популяция быстро восстанавливалась, то после 1960 г. произошло резкое сокращение пригодной для их обитания территории. Усилился и фактор бесплодия. В результате биологические адаптации оказались не в состоянии возмещать отрицательный баланс в популяции. Продуктивность популяции понизилась — убыль стала превалировать над приростом, и численность сайгаков стабилизировалась на низком уровне. Этот сдвиг был в значительной степени усилен отрицательным воздействием промысла и ослаблением охраны.

Анализ многолетних материалов по динамике численности сайгаков в западном Прикаспии дает основание считать, что

высокий уровень их численности возможен только в условиях обитания на больших территориях, как это и было в пятидесятых годах. Резкое сокращение пригодной для обитания территории привело к стабилизации численности сайгаков на относительно низком уровне.

Перспективы существования сайгаков и предложения по их охране и хозяйственному использованию. Существование сайгаков, а тем более хозяйственное использование запасов этого вида, возможно лишь при определенном оптимальном уровне численности. Таковым, по нашему мнению, следует считать предел не ниже 200 тыс. голов (весенняя численность) основного поголовья. Этот уровень численности дает возможность избежать резкого катастрофического сокращения поголовья в неблагоприятные годы, а также влияния отрицательных экологических факторов, возникших в местах обитания этих животных под действием антропогенных причин.

Как биологическая форма открытых засушливых пространств сайгаки могут нормально существовать и обеспечивать высокую продуктивность только при общей высокой численности особей данного вида в том или ином регионе. Наличие таких биологических адаптаций, как полигамия, номадизм и высокая стадность, целесообразно при высокой численности популяций. Исходя из опыта прошлых лет мы считаем, что при численности в 200 тыс. голов сайгаки не будут вступать в острые конкурентные отношения с домашним скотом или наносить значительного ущерба посевам сельскохозяйственных культур. Такого уровня численности популяция может достигнуть при соблюдении научно обоснованной системы охраны и биологических основ промысла.

Применительно к сайгакам западного Прикаспия охрана мест обитания приобретает исключительно важное значение, ибо хозяйственная деятельность человека преобразует ландшафты степей и полупустынь. Трудно говорить о принципиальном решении этого вопроса, но пути есть — создание охраняемых территорий с ограниченной хозяйственной деятельностью человека.

О создании заповедников, по-видимому, не может быть и речи, поскольку выделение огромных по площади территорий, вовлеченных уже в хозяйственный оборот, практически неразрешимо по экономическим мотивам. Другое дело — создание специализированных зоологических заказников. Для улучшения системы охраны сайгаков Калмыцкая госохотинспекция в 1967 г. предложила проект создания на территории Калмыцкой АССР степного заказника. По этому проекту Центральной лаборатории охраны природы МСХ СССР подготовила заключение, в котором отмечено, что территория, выделенная под заказник, не может служить делу коренного улучшения условий обитания сайгаков в западном Прикаспии. Поскольку зоны покоя нужно создать в районах массового отела и основных зимовок, необходимо провести детальное обследование этих мест, подготовить научно обоснованные предложения по организации такого заказника, разработать соответствующий режим охраняемой территории. Заключение по проекту было направлено Главохоте РСФСР, Астраханскому госпромхозу и Калмыцкой госохотинспекции. Однако проект, предложенный Калмыцкой госохотинспекцией, в спешном порядке был утвержден. Роль этого вновь созданного заказника в деле охраны сайгаков весьма сомнительна. Таким образом, проблема создания научно обоснованного заказника для сохранения поголовья сайгака в западном Прикаспии остается нерешенной.

В деле охраны сайгаков ведущее значение имеет борьба с браконьерством.

Сохранение любых крупных животных, в частности копытных, может быть обеспечена только в том случае, если ресурсы этих животных будут включены в комплексные планы экономического развития тех или иных территорий (область, край, республика). Поэтому первоочередной задачей является разработка мер по включению сайгаков в хозяйственные планы развития и освоения территорий. Необходимо «вписать» сайгаков в хозяйство, и тем самым «узаконить» их положение, увязав промысел с развитием сельского и других отраслей хозяйства. Сайгачье промысловое хозяйство должно стать полноправной отраслью животноводства, необходимо срочно разработать экономические аспекты промыслового использования сайгаков. В этом направлении и нужно действовать экономистам и охотоведам-биологам.

Деятельность Астраханского госпромхоза и Калмыцкой госохотинспекции в деле охраны сайгаков по существу никак не координируется. Целесообразно конкретизировать охранные функции промхоза и госохотинспекции и, в частности, порядок выдачи лицензий, контроль за охотниками и т. д.

Эффективность борьбы с браконьерством определяется технической оснащенностью егерской службы. В настоящее время служба охраны имеет всего пять автомашин, состояние которых оставляет желать много лучшего. До последнего времени егеря не были обеспечены нарезным оружием, форменной одеждой

ПОВЫСИТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОХОТНИКОВ

Сайгаченок в возрасте 3—4 дней. Внизу слева — кладка журавля-красавки.

и полевым снаряжением. Как положительный момент следует отметить применение с 1965 г. приборов ночного видения, с помощью которых борьба с браконьерством оказалась весьма эффективной.

Необходимо обеспечить службу охраны специальными быстроходными автомашинами с усиленными моторами, оборудованными приборами ночного видения и радиостанциями типа АС-Гранит.

Только полная ликвидация браконьерства даст возможность сохранить популяцию сайгаков в западном Прикаспии.

Недостаточная эффективность борьбы с браконьерством обусловлена также несовершенством существующего охотничьего законодательства (размеры штрафа, порядок наложения взыскания через административные комиссии, безнаказанность браконьеров за использование государственных автомашин и т. д.). Все эти вопросы были поставлены перед Главохотой РСФСР еще несколько лет назад, но каких-либо конструктивных решений на этот счет не было принято.

Охрана и рациональное использование ресурсов животного мира невозможна без хорошо налаженных достоверных учетов. Еще 10 лет тому назад лаборатория по изучению сайгака рекомендовала Главохоте и Астраханскому госпромхозу внедрить в практику учетных работ метод аэрофотосъемки, поскольку применение этого метода биологически вполне обоснованно. В начале мая примерно 80—90% всего поголовья сайгаков держится на площади 80—100 км², образуя несколько многотысячных скоплений. Именно в этот период наиболее целесообразно учитывать поголовье с помощью аэрофотосъемки. Эта задача технически вполне выполнима.

Следует отметить, что Астраханский госпромхоз до последнего времени не наладил проведения полноценных учетов поголовья и возрастного состава поголовья сайгаков, не ведутся работы по выявлению гибели молодняка и взрослых животных. Только регулярные учеты дадут возможность устанавливать ежегодный реальный прирост стада.

При достижении поголовья сайгаков 200 тыс. необходимо открывать промысел. Величину ежегодной добычи следует устанавливать в строгой зависимости от реального прироста популяции в данном конкретном году. В целом размер промысловой добычи при существующей экологической обстановке в западном Прикаспии не должен превышать 10—15% общих запасов этих животных. При планировании размера добычи следует также нормировать отстрел сайгаков по отдельным возрастным и половым группам.

Необходимо повысить качество заготавливаемой продукции сайгачьего промысла. Если в зарубежных странах рыночная стоимость мяса диких копытных в 3—5 раз выше, чем мяса домашнего скота, то у нас почему-то наоборот: рыночная стоимость мяса диких копытных очень низкая. Астраханский промхоз не может заготавливать мясо сайгаков согласно экспортным требованиям, хотя заказы на сайгачье мясо поступают из многих зарубежных стран. Повысить культуру охотничьего промысла — первоочередная задача. В наши дни авторефрижераторы — не роскошь, а простая необходимость, без которой даже нельзя говорить о современном охотничьем хозяйстве.

Учитывая высокую валютную ценность сайгачьих рогов на внешнем рынке, следует повысить закупочные цены и на этот вид продукции. Целесообразно усовершенствовать формы и сроки промысла с учетом возможности заготовки не только мясной продукции, но и рогов.

Охота с каждым годом привлекает все больше людей. На примере Ленинского межрайонного общества видно, как ежегодно увеличивается количество охотников. Если в 1965 г. у нас было 3390 членов общества, то в 1966 г. — 3532, в 1967 г. — 3655 и в 1968 г. стало 3973. Такая же картина наблюдается повсеместно. С одной стороны это хорошо — общества имеют больше средств, больше людей принимает участие в их работе. Но я хочу остановиться и на отрицательных сторонах этого явления.

Начну с того, что первичному коллективу гораздо лучше иметь два-три десятка активно работающих, чем полтора-два человека, которых очень трудно собрать вместе, извещать о каких-то мероприятиях, организовывать на выезды и т. д. Как правило, рост числа членов охотничьего общества не прямо пропорционален увеличению количества активно работающих. Однако у коллективов с числом охотников менее 300—400 человек собственных средств нет. Нам кажется, что назрела необходимость изменить устав Росохотрыболовсоюза и разрешить первичным коллективам, где более 150—200 человек, иметь свои денежные отчисления. Это значительно стимулировало бы их работу, позволило бы приобретать необходимый инвентарь.

С другой стороны, следует строже относиться к приему в члены общества охотников, целесообразно ввести кандидатский стаж, как это сделано на Украине. Покажет себя человек в работе — пусть вступает. А работы у нас непочатый край, поэтому пассивных охотников, не участвующих в биотехнических мероприятиях, охране фауны, нам не надо. Пока же в общество нередко попадают случайные люди, вступающие лишь для приобретения оружия или получения лицензий на лося, кабана. Прежде всего, надо усилить требовательность комиссий по приему охотминимума.

Велика текучесть членов общества охотников. Выбивают (чаще всего за неуплату членских взносов) и вновь вступают в ряды общества до 30—40% охотников. Вероятно, следует осторожнее относиться к таким людям. Выбыл — объясни причину. А то лишний рубль уплатил, и снова «охотник», а не принимает — пошел в другой коллектив.

Сейчас в общество можно вступать и по месту жительства и по месту работы. Поэтому, если нарушитель правил охоты исключен из первичного коллектива по месту жительства, он без труда может вступить в коллектив охотников по месту работы, и наоборот. Какой здесь выход? Очевидно, нужна общая картотека охотников не в районных или межрайонных обществах, а в областных или городских, где учитывались бы все поощрения и взыскания охотника.

Слишком либеральны мы к нарушителям. То, что административные комиссии слабо штрафуют и наказывают браконьеров, еще можно как-то объяснить — там не охотники. Но когда бюро первичных и районных обществ слишком легко прощают расхитителей природных богатств, — это уже совсем никуда не годится.

Наконец, о ружьях. По учетным карточкам у 20—30% числящихся в первичных коллективах охотников ружья нет. Однако проверка показала, что очень многие охотники имеют незарегистрированные ружья или они занесены только в охотбилеты. Нам кажется, что необходимо усилить ответственность охотников за регистрацию оружия, змінив в обязанность егерей и охотинспекторов тщательную проверку на охотах регистрации его в билетах, а председателям и бюро коллективов — в учетных книгах и карточках. Это не призы к лишней канцелярщине, а путь к избавлению от случайных людей. Пусть охотник дорожит званием члена общества и своим билетом!

В. ЛОБАЧЕВ.

председатель охотколлектива № 23 Ленинского межрайонного общества охотников и рыболовов Москвы (Биолого-почвенный факультет МГУ)

Возобновить промысел малого суслика

И. КОЛЕСНИКОВ,
Ф. ПУШНИЦА,
кандидаты биологических наук

Посев пшеницы, поврежденной сусликами. На переднем плане — вход в нору малого суслика.

Фото И. КОЛЕСНИКОВА

Малый суслик — один из наиболее широко распространенных и массовых видов грызунов в северо-западном Прикаспии. Из общей площади около 20 млн. га этими грызунами здесь заселено примерно 10 млн.

О вреде, наносимом сусликами сельскому хозяйству, в литературе накоплено достаточно данных, так же, как и о том, что в ряде мест эти зверьки в прошлом играли важную роль в распространении чумы.

В некоторых районах Прикаспия до тридцатых годов плотность населения сусликов достигала 30—50 и более зверьков на одном гектаре. В соответствии с государственным планом ликвидации чумной опасности в период с 1933 по 1958 г. здесь проводилось массовое истребление сусликов, после чего численность их значительно снизилась. Борьба с сусликами в ряде мест была повторена на одних и тех же площадях до трех и более раз.

До 1947 г. для борьбы с сусликами использовали различные отравляющие вещества и лишь в 1947 г. А. К. Шишкин и другие провели опыт по истреблению сусликов механическим путем (вылов зверьков мелкими дугowymi капканами) на площади 12,9 тыс. га. Позднее, в 1952 г., И. З. Климченко, И. М. Колесников и В. Ф. Кондрашов повторили опыт на Ергенинской возвышенности на площади 78,7 тыс. га и в 1953 г. — на площади

94,4 тыс. га. Эту работу выполняли специальные бригады ловцов-охотников. Было доказано, что при умелой организации дела может быть уничтожено до 90% взрослых зверьков и в заготовительные пункты сдано сотни тысяч шкурок сусликов. Известно, что меховые изделия из этих шкурок пользуются большим спросом.

В ряде районов Ростовской, Волгоградской и Астраханской областей, Калмыцкой АССР и Ставропольского края, в которых работы по истреблению сусликов химическим путем вообще не проводились, стал развиваться промысел их. Многочисленные группы ловцов-охотников работали буквально на всех землях, заселенных сусликами. Отдельные охотники, имея 80—100 капканов, добывали по 150 и более зверьков в день. В результате заготовки шкурок сусликов неуклонно возрастали. Например, в Ростовской области в 1949 г. было заготовлено 2,3 млн. шкурок, в 1950 г. — 3,8, в 1951 г. — 6,8, а в 1953 г. — 13,5; в Волгоградской области в 1954 г. — 4,4 и в 1955 г. — 5 млн. шкурок.

Интенсивное развитие промысла привело к значительному снижению численности и плотности населения зверьков. Так, по нашим наблюдениям, в пяти колхозах Зимовниковского района Ростовской области, где борьба с сусликами не проводилась с 1940 г., за период с 1947 по 1951 г. в результате промысла численность взрослых зверьков ежегодно снижалась на 25—90%.

это касается всех!

В большинстве центральных районов нашей страны дичи с каждым годом становится меньше. Как будто напрашивается простейший вывод — причинами этого являются интенсивная охота и широко распространившееся браконьерство. Безусловно, простые выводы всегда привлекательны, но не всегда внешне ясная связь событий является всеобъемлющей, ибо подлинные связи зачастую скрыты более глубоко, чем это кажется поверхностному наблюдателю.

На факторах, наносящих урон нашей фауне, неизмеримо более ощутимый, нежели пресс многотысячной армии охотников, я и хочу остановиться.

Несмотря на созданные в стране общества охраны природы и организован-

ные в ряде республик соответствующие комитеты, несмотря на неоднократные высказывания печати по этому поводу, проблема охраны природы и рационального использования ее богатств, к сожалению, до сих пор остается весьма далекой от действительного решения.

Казалось бы, эта проблема, нашедшая свое отражение в решениях XXIII съезда КПСС, достаточно ясна для всех, казалось бы, многое делается в этом направлении. Сошлюсь на пример Украинской ССР. Обычным явлением стало здесь появление на окраинах сел и городов лосей, косуль, кабанов и некоторых других животных, которых не так давно трудно было встретить даже в глухих районах. В республике делается многое для того, чтобы привлечь общественность к охране охотничьей фау-

ны, ее воспроизводству, к регламентированию спортивной охоты и это, безусловно, дает себя знать. Однако наряду с увеличением численности копытных зверей, несмотря на все принимаемые меры, наблюдается неуклонное сокращение численности объектов массовой охоты — зайцев, водоплавающей и боровой дичи. И, поверьте, основная причина этого не интенсивная охота.

Копытные звери обитают главным образом в лесных массивах и на территории заказников, где природа в той или иной степени сохраняет свой первоначальный вид. Местобитаниями же зайцев-русаков служат разнообразные сельхозугодья, и тут-то выступает на сцену новый весьма существенный фактор — агрохимия.

Ее роль и влияние на популяцию зайцев стали предметом исследования Института зоологии АН УССР. На основании уже имеющихся данных можно с уверенностью сказать, что ряд применяющихся ядохимикатов — гербицидов и пестицидов, наряду с защитой сельскохозяйственных культур от сорняков и вредителей, оказывает резко отрица-

Особенно заметное снижение численности сусликов в результате промысла начало отмечаться в северо-западном Прикаспии в связи с освоением целинных и залежных земель. Распашка больших массивов целины обуславливала концентрацию зверьков на сравнительно небольшой площади по границе распаханых участков, что делало промысел более добычливым.

В результате массового истребления сусликов, развития промысла его и освоения целинных земель, а также в силу неблагоприятных для размножения этих зверьков условий в 1960—1962 гг. численность их почти на всей территории северо-западного Прикаспия к 1963 г. снизилась до 2—5 зверьков на одном гектаре и лишь на небольшой участках она достигла 5—10 и более зверьков. Естественно, что интерес охотников к промыслу суслика резко снизился, о чем свидетельствуют данные о заготовках шкурок. Если в 1953 г. в Ростовской области было заготовлено 13,5 млн. шкурок, то в 1961 г. — только 535 тыс., в 1962 — 1379 тыс., в 1963 г. — 768 тыс. и в 1965 г. — 1451,8 тыс.; в Волгоградской области объем заготовок сусликовых шкурок снизился с 5 млн. в 1955 г. до 1,9 млн. в 1965 г., а в Астраханской области с 494,5 в 1961 г. до 71,3 тыс. в 1965 г.

В 1964 г. и особенно в 1965 г. сложились благоприятные погодные условия для интенсивного размножения сусликов, а промысел к этому времени перестал действовать как фактор снижения их численности. Плотность населения зверьков вновь почти повсеместно резко увеличилась и в ряде мест превосходит численность, отмечавшуюся в тридцатых годах. Так, на Ергенях (Калмыцкая АССР) сейчас нередки поселения в 100 и более особей на одном гектаре; в юго-восточных районах Ростовской области — в 40—60 особей, а на юге Волгоградской области отмечается свыше 60 зверьков на той же площади.

В связи с тем, что довольно большие массивы целинных земель на значительной части северо-западного Прикаспия освоены и распашка этих земель продолжается, площадь, заселенная сусликами, по сравнению с тридцатыми годами уменьшилась. Однако эти грызуны, значительно размножившись, вновь стали наносить сельскому хозяйству серьезнейший вред. Например, в июне 1965 г. в Зимовниковском, Дубовском, Заветинском и Ремонтненском районах Ростовской области, Красноармейском районе Волгоградской области, в Сарпинском, Садовском и других районах Калмыцкой АССР в связи с засухой огромные массы сусликов устремились на посевы зерновых. Они уничтожили многие тысячи гектаров посевов пшеницы, ячменя, ржи и других культур. Не лучше было и в 1968 г. Суслики «выкашивали» не только окраины посевов, а зачастую проникали и в глубь массивов на 400—500 и более метров, образуя здесь поселения с постоянными (зимовочными) норами.

Создавшееся к настоящему времени положение настоятельно диктует необходимость в 1969 г. вновь приступить к широкому проведению промысла сусликов.

Известно, что, например, в 1947—1953 гг., когда средняя плотность населения только на отдельных участках достигала 25—30 зверьков на одном гектаре, а в среднем равнялась 11—16 особям на одном гектаре, ежегодно заготавливали миллионы их шкурок. Это позволило настолько снизить общую численность сусликов, что вред, наносимый ими, практически был сведен к нулю. Исходя из этого надо полагать, что заготовительные организации должны подумать о способах активизации промысла сусликов и стимулирования работы охотников, а хозяйства, на землях которых будут работать ловцы, продумать вопросы организации для них ночлега, снабжения продуктами питания и т. д.

Если в прошлые годы заготовительные организации (Заготовживсырье, потребкооперация и т. п.) отоваривали сданные охотниками шкурки сусликов промышленными товарами, бывшими тогда в дефиците, то сейчас дефицитных товаров практически нет. В связи с этим, по-видимому, надо будет войти в определенные органы с ходатайством о временном, хотя бы на 3—5 лет, повышении закупочных цен на сусликовые шкурки.

В предыдущие годы хозяйства (совхозы, конные заводы, колхозы) выплачивали ловцам-охотникам дополнительно или за уничтоженного суслика, или за снижение их численности до определенного уровня на каждом обловленном гектаре хозяйственного угодья. Эта дополнительная оплата обязывала хозяйство строго контролировать работу ловцов, а для ловцов она являлась существенным материальным стимулом. При сложившейся в настоящее время обстановке, думается, будет целесообразным введение меры материального поощрения ловцов в виде дополнительной выплаты им за снижение численности сусликов 50% оплаты, получаемой затравщиками при ручном рассеве отравленных приманок. Такая дополнительная оплата должна выдаваться ловцам лишь в том случае, если они добились установленного минимума сусликов на одном гектаре, что должно фиксироваться определенным документом, составляемым по материалам учета численности зверьков.

Возникает и другой вопрос. Все охотники, ранее занимавшиеся промыслом сусликов, являются членами колхозов, земли которых или очень слабо заселены сусликами или совершенно свободны от них. Период промысла сусликов совпадает со временем проведения ряда важнейших сельскохозяйственных работ (весенний сев, уход за посевами и т. п.). Поэтому колхозы, как правило, не отпускают колхозников на промысел. Исходя из того, что всякая работа по защите урожая является важнейшей государственной задачей следует рекомендовать колхозам на период промысла (35—50 дней) предоставлять ловцам-охотникам («сусликникам») неоплачиваемые отпуска.

УДК 639.112

тельное влияние на представителей фауны, питающихся растительной пищей. Не говоря о прямом отравлении, вызвавшем запрет некоторых химикатов, многие широко применяющиеся агрохимические средства вызывают, например, бесплодие зайчих. Совершенно очевидно, что никакие меры по ограничению охоты и борьбе с браконьерством не спасут заячий род от уничтожения, пока до конца не будут изучены и запрещены химикаты, наносящие вред полезной фауне.

Несколько иная, но аналогичная по результатам, судьба водоплавающей дичи. Известно, что в результате систематически осуществляемых работ по мелиорации, влекущих за собой сокращение площади болот и заболоченных пойм рек, в ряде районов Украины значительно ухудшились условия для воспроизводства водоплавающей дичи. Отрицательное влияние этого фактора, казалось бы, в значительной мере компенсируется созданием новых искусственных водохранилищ типа Каховского, Кременчугского и Киевского морей. Но что происходит на этих крупных водоемах?

Весной 1967 и 1968 гг. мы побывали на Киевском водохранилище, южнее устья Припяти. Нас интересовала популяция водоплавающей дичи в угодьях Межреченского охотхозяйства. Невольно мы стали свидетелями трагедии Киевского моря. В связи с интенсивным сбросом воды, произведенным в конце зимы (кстати, повлекшим за собой замор и гибель сотен центнеров рыбы), в верховьях водохранилища оголилось много островов, появились заросшие мелководья. Прилетевшая водоплавающая дичь приступила к гнездованию. В это время сброс воды на плотине резко уменьшили, и ее уровень стал повышаться. В результате — тысячи гнезд с кладками оказались под водой. Волны прибывали к берегам водохранилища сотни насиженных и погибших яиц.

Напрашивается вопрос: почему до сих пор не принимаются меры к предупреждению подобных случаев массового истребления охотничьей фауны, ущерб от которого во много раз превышает размер добычи всех охотников?

Пора переходить от звонких фраз об охране природы к конкретным мерам по защите фауны от массового истреб-

ления. Следует ускорить процесс изучения воздействия средств агрохимии на дичь, усилить применение биологических методов защиты растений, запретить отрицательно действующие на фауну химикаты и внедрение новых их видов без тщательной предварительной проверки.

Необходимо детально изучить и рационально скоординировать режим сброса вод искусственных водохранилищ, применять специальные сооружения типа искусственных плавучих, предохраняющие гнездовья водоплавающих от затопления при колебаниях уровня воды.

Настало время, когда наряду с регламентированием и ограничением охоты (до каких пор можно ограничивать?) надо серьезно подумать о реальных мерах по увеличению численности дичи.

Д. БУТЕНКО,
инженер, член президиума
окружного совета ВВОО

УДК 591.615

приговор приведен в исполнение

Добыча диких животных с нарушением правил охоты, рыболовства и других законов об охране животного мира рассматривается как браконьерство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Действующее законодательство об охоте признает браконьерством следующие правонарушения: охоту в запрещенное время, в запрещенном месте или запрещенным способом, приемом, орудием, в том числе и стрельбу по рыбе из ружья; охоту на зверей и птиц, добыча которых запрещена; охоту без охотничьего билета, оформленного надлежащим образом, без лицензий (в необходимых случаях) или много особого разрешения; добычу диких животных в количестве свыше установленных норм отстрела (отлова), а также свыше количества, указанного в лицензии или ином особом разрешении; сбор яиц полезных птиц, пуха и тому подобной продукции; разорение гнезд, нор, логовищ, а также некоторые другие нарушения правил охоты и рыболовства.

Общественная опасность такого рода правонарушений совершенно очевидна. Она определяется тем, что ведет к хищническому истреблению диких зверей, птиц, рыбы в личных интересах отдельных лиц. Кроме того, незаконная охота и незаконное занятие рыбным промыслом могут быть связаны и с извлечением незаконного дохода, способствовать развитию частно-собственнических наклонностей.

Приведенный перечень правонарушений, отнесенных законодательством к браконьерству, хорошо известен каждому охотнику и рыболову. Разумеется, это требование закона не могло быть неизвестно и тому охотнику-браконьеру, о тяжком преступлении которого мы хотим рассказать.

15 апреля 1967 г. в пятом часу вечера председатель правления Сестрорецкого районного общества охотников и рыболовов А. П. Черняев вместе с членами охотколлектива товарищами Ф. и Ш. в качестве общественного инспектора рыбоохотнадзора выехал в район озера Разлив и Черной речки. В кузове автомашины, на которой они ехали, находилась лодка. Около шести часов, выгрузив лодку и спустив ее на воду в устье Черной речки, Черняев и Ф. расстались с тов. Ш., который уехал обратно в Сестрорецк, чтобы поставить автомашину в гараж.

С целью охраны рыбы в период нереста от браконьеров А. П. Черняев и его товарищ Ф. отправились на лодке вверх по течению. Осматривая в одном месте берег, Ф. оступился и окунулся в воду. Черняев высадив Ф. на правом берегу реки в районе Лопакова болота, а сам на лодке отправился вверх по реке, пообещав скоро вернуться. На Лопаково болото в условленное время возвратился из города тов. Ш. Черняев же назад так и не приехал. Предпринятые в этот вечер поиски пропавшего человека были безрезультатными.

На следующее утро в километре от Лопакова болота вверх по течению реки, у разрушенного моста, была обнаружена лодка Черняева, на полкорпуса поднятая на берег. А 17 апреля в результате организованных местными жителями поисков на левом берегу Черной речки в 500 м выше Лопакова болота

был обнаружен труп А. П. Черняева с множеством огнестрельных ранений в области спины и головы. Труп лежал на болоте в 40 м от берега и в 60 м от опушки леса, лицом вниз. В правой руке была зажата рукоятка ракетницы, в левой — заряд сигнальной ракеты красного цвета. В нагрудном кармане кителя находилось удостоверение общественного инспектора по охране природы. Как показал осмотр, ни на одежде, ни на теле Черняева следов борьбы обнаружено не было.

На расстоянии 21 м от места обнаружения трупа был найден разбитый войлочный пыж, а в 11, 18, 44 и 46 м от трупа в воде обнаружили пять картонных пыжей.

20 апреля 1967 г. по подозрению в убийстве А. П. Черняева был задержан житель поселка Дибуны пенсионер Н. П. Никифоров, который на допросе признал, что во время охоты с ружьем на шук 15 апреля он совершил убийство.

Дальнейшим расследованием было установлено, что Никифоров с 1933 г. постоянно проживал в поселке Дибуны Сестрорецкого района. В течение многих лет он занимался охотой и рыболовством, имел двуствольное охотничье ружье, необходимые охотничьи принадлежности и рыболовные снасти. С 1962 г. Никифоров состоял членом 848 охотколлектива, который наряду с другими низовыми коллективами района объединялся в Сестрорецкое общество охотников и рыболовов. Председателя правления этого общества А. П. Черняева Никифоров знал хорошо. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что сотруднику милиции, приходившему с проверкой 19 апреля к Никифорову домой, Никифоров в присутствии своей жены заявил, что знал Черняева и сожалеет по поводу зверского его убийства.

В первых числах апреля 1967 г. Никифоров занялся браконьерством — стал бить рыбу острой. 15 апреля во второй половине дня, будучи в пьяном виде, Никифоров взял с собой ружье, запас патронов, снаряженных картечью, и отправился на Черную речку «стрелять шук». У разрушенного моста Никифоров встретил жителя поселка Дибуны — Д., который вместе со своим братом ловил рыбу на удочку. Браконьер предложил рыбакам идти вместе с ним стрелять шук. Д. принял предложение Никифорова и, взяв у брата ружье и болотные сапоги, пошел следом за Никифоровым. На болоте они разошлись в разные стороны, а когда, спустя некоторое время, встретились, то Никифоров, показывая в мешке рыбу, заявил Д., что он из ружья убил 5 шук.

В 6 час. 10 мин. вечера оба брата Д., оставив рыбалку, ушли домой. Никифоров же в ожидании, когда рыба начнет «гулять», остался на берегу. Около 8 часов вечера его встретил А. П. Черняев, который услышал выстрелы и пришвартовался к берегу.

На следствии Никифоров сообщил, что А. П. Черняев потребовал от него документы, а когда Никифоров отказался их предъявить, то предложил следовать к лодке.

Нужно отметить, что у А. П. Черняева в это время не было при себе ни ружья, ни рыболовных снастей, увидев которые, Никифоров мог бы подумать, что перед ним находится такой же, как и он, браконьер. У инспектора была только ракетница, которую Никифоров отчетливо видел. Наличие ракетницы лишним раз подтверждало, что ее владелец — не рядовой охотник или браконьер, а лицо, действительно выполняющее свой общественный долг по охране рыбных запасов. А. П. Черняев, по долгу службы хорошо знавший Никифорова, был крайне возмущен тем обстоятельством, что член его охотколлектива занимается браконьерством. После того как Никифоров отказался предъявить документы, А. П. Черняев решил подать световой сигнал ракетой, чтобы тем самым оповестить своих товарищей о задержании браконьера. Предложил еще раз Никифорову следовать к лодке, А. П. Черняев направился на более сухое место, пытаясь зарядить ракетницу. В этот момент Никифоров дважды выстрелил ему в спину.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, причиной смерти А. П. Черняева явилось множественное картечное ранение черепа с обширным разрушением головного мозга в сочетании с проникающими ранениями груди и живота (со стороны спины). Количество попавших в тело и одежду Черняева картечин, их размеры, различное расположение входных отверстий и неодинаковое направление раневых каналов свидетельствовали о том, что в Черняева было произведено два выстрела. Одним выстрелом были причинены повреждения левого локтевого сустава, плеча и левой подмышечной впадины; другим выстрелом — повреждения головы, груди и полости живота (со стороны спины).

В левой рукав одежды попало не менее девяти картечин и войлочный пыж, который также застрял в вате рукава фуфайки. Площадь рассеивания картечи и застревание войлочного пыжа в рукаве фуфайки указывали на то, что выстрел, причинивший эти повреждения, мог быть произведен с расстояния трех метров. При этом стрелявший должен был находиться вблизи от А. П. Черняева, либо (при

наклоне жертвы вправо) — слева от него. Ранения головы и спины были причинены другим выстрелом, произведенным сзади от А. П. Черняева, с расстояния около 10 м, когда потерпевший находился в вертикальном положении спиной к стрелявшему.

Реальная обстановка, сложившаяся в результате встречи Никифорова с А. П. Черняевым, исключала какую-либо возможность нападения на Никифорова со стороны общественного инспектора, в связи с чем преступные действия Никифорова следствием квалифицировано как умышленное убийство лица при исполнении им общественного долга, совершенное обвиняемым в момент задержания с целью уйти от ответственности за браконьерство, т. е. преступление, предусмотренное ст. 102 п. «в» Уголовного Кодекса РСФСР.

Привлеченный по делу в качестве обвиняемого, Никифоров виновным себя в убийстве Черняева признал частично, не отрицая совершенного им убийства, но оспаривал мотив, излагаемый в защитном варианте. Однако вина Никифорова в совершенном преступлении была полностью доказана результатами осмотров, свидетельскими показаниями, выездами на место происшествия и убедительными заключениями экспертов.

Заключением криминалистической экспертизы бесспорно было установлено, что войлочный пыж, обнаруженный на месте происшествия, и пыж, извлеченный из рукава фуфайки зверски убитого Черняева, однородны по материалу войлока, цвету отдельных волокон, форме, диаметру и способу изготовления с войлочными пыжами, обнаруженными при обыске дома у Никифорова. Войлочные и картонные пыжи, изъятые с места происшествия, и войлочный пыж, обнаруженный в рукаве фуфайки убитого, оказались изготовленными при помощи высечки, изъятых у Никифорова.

Заключением эксперта-физика было установлено, что картечь, извлеченная из трупа, и картечь, извлеченная из патрона, изъятых у обвиняемого, одинакова по своим кристаллоструктурным особенностям. Картечь, извлеченная из трупа, и картечь из патрона ранее составляли одно целое с двумя кусками свинца, обнаруженными в охотничьих принадлежностях Никифорова. В процессе экспертного исследования вещественных доказательств были решены и многие другие, интересовавшие следствие вопросы.

При расследовании этого уголовного дела с достаточной полнотой были изучены личности А. П. Черняева и обвиняемого Никифорова.

А. П. Черняев, работая капитан-механиком в Ленинградском пассажирском агентстве, проявил себя способным и растущим командиром речного флота. Отличаясь аккуратностью в работе, исполнительностью и высокой дисциплиной, он заслуженно пользовался авторитетом у плавсостава. В январе 1965 г. А. П. Черняев был избран председателем правления Сестрорецкого районного общества охотников и рыболовов, а в апреле того же года — членом совета Ленинградского областного общества охотников и рыболовов. А. П. Черняевым была проделана большая работа по улучшению ведения охотничьего хозяйства, усилению охраны охотугодий, организации борьбы с браконьерством. Он регулярно выезжал в охотхозяйства Сестрорецкого общества для пресечения случаев нарушения правил и сроков охоты и рыбной ловли. В период работы А. П. Черняева Сестрорецкое общество охотников и рыболовов стало одним из лучших в области.

Никифоров до ухода в декабре 1966 г. на пенсию в течение 15 лет работал упаковщиком готовых изделий в объединении «Красная заря». По характеру был вспыльчив, невыдержан, на работе часто появлялся в нетрезвом виде. Из-за частых выпивок в семье у него возникли скандалы. В апреле 1963 г. Никифоров был задержан Ленинградской инспекцией за браконьерство и подвергнут штрафу. Дважды, 19 декабря 1966 г. и 9 февраля 1967 г., Никифоров привлекался к административной ответственности за то, что в пьяном виде валялся на улице.

На выездной сессии, проходившей в Доме культуры Сестрорецка, судебная коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда в составе председательствующего Н. В. Ломоть, народных заседателей С. Н. Верещагиной и А. Н. Курашевой при участии государственного обвинителя прокурора Сестрорецкого района А. Т. Сафронова рассмотрела на открытом заседании дело по обвинению Никифорова в умышленном убийстве и приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу. Коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР оставила приговор без изменения. Президиум Верховного Совета РСФСР отклонил ходатайство Никифорова о помиловании. Приговор приведен в исполнение.

Н. МУХИН,

старший научный сотрудник
Ленинградской научно-исследовательской
лаборатории судебной экспертизы

А. КРУГЛОВ,

старший следователь прокуратуры Ленинграда

УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ОХОТНИЧЬЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Одна из наиболее существенных причин широко распространенного браконьерства — недостаточные меры наказания, применяемые к расхитителям природных богатств. В связи с этим наше уголовное законодательство нуждается в некотором усовершенствовании.

Уголовный кодекс РСФСР за незаконную охоту предусматривает ответственность по статье 166. Эта статья имеет только два признака квалифицирующих нарушения, которые ведут и повышают ответственности, — крупный ущерб, причиненный охотхозяйству, а также охота на зверей и птиц, охотиться на которых запрещено.

Жизнь настоятельно требует расширения количества квалифицирующих признаков, наличие которых ведет к повышенной ответственности. Практика показывает, что особенно большой ущерб охотничьим хозяйствам может причинить групповое браконьерство. Трудно себе представить успешную охоту хотя бы на лосей или сайганов в одиночку. Браконьеры объединяются в хорошо организованные группы — так легче охотиться, а при необходимости и оказать сопротивление работникам охраны.

Улучшен и такой важный признак, как охота с применением технических средств. Браконьеры успешно используют автотранспорт (стрельба из-под фар), а также быстротечные плавучие средства. С помощью их повышается эффективность охоты и, кроме того, можно всегда с успехом скрыться от преследования.

Часто животные попадают в неблагоприятные условия: глубокий снег, гололед или наст мешают передвижению; при переходе большими группами через водоемы звери нередко проламывают лед и становятся легкой добычей дичекрадов. Статья 166 УК РСФСР не предусматривает повышенной ответственности за охоту на животных, находящихся в бедственном положении.

Недостатки в нашем законодательстве приводят к тому, что отдельные лица уже неоднократно предстают перед судом за нарушение правил и сроков охоты. Применить к ним более строгие меры уголовного порядка нет возможности — в статье о незаконной охоте отсутствует признак о совершении повторно аналогичного преступления.

Необходимо иначе решить вопрос о конфискации орудий охоты. Сейчас административная комиссия вправе конфисковать их или не конфисковать. Конфискация орудий охоты должна применяться в обязательном порядке. Стоимость ружья или других орудий охоты, а также охотничьих собак, используемых для незаконной охоты, иногда в несколько раз превышает максимальную сумму установленных штрафов. Поэтому обязательная конфискация орудий охоты даст положительный результат.

И последнее. Наше уголовное законодательство не рассматривает отдельно от обычных нарушений (несоблюдение сроков охоты, охота без членского билета, с незарегистрированным оружием и т. п.) охоту в заповедниках. Поэтому браконьеры действуют там почти безнаказанно. Назрела необходимость предусмотреть повышенную уголовную ответственность за охоту на заповедных территориях.

Наши законы, в частности Основы земельного законодательства СССР, утвержденные 13 декабря 1968 г. Верховным Советом СССР, характеризуют государственные заповедники как «...участки земли, в пределах которых имеются природные объекты, представляющие особую научную или культурную ценность». Советские заповедники это лаборатории в природе, где ведется важная научно-исследовательская работа. В целях обеспечения надлежащих условий для такой работы в заповедниках устанавливается специальный режим: их территории наводно изъятые из хозяйственного пользования и подлежат охране.

Но охранять заповедники становится все сложнее. У нас в стране широко развивается туризм — организованный и неорганизованный. Основная масса людей, приезжающих в заповедники, понимает, с какой целью они созданы, бережно относится и охраняемым природным объектам. Но есть и другие посетители. Все чаще и чаще на страницах газет и журналов, в радио- и телепередачах, посвященных заповедникам, звучит зловещее слово: браконьер. Случайно ли это? Нет, не случайно. Видимо, в законодательстве по заповедному делу имеются существенные пробелы. В настоящее время дирекция заповедников не обладает правом наложения административных взысканий на лиц, охотящихся на заповедной территории. Работники заповедников только фиксируют правонарушения, составляя протоколы. Документация на правонарушителя отправляется в административную комиссию при исполнине местного Совета, которая и рассматривает материалы по месту жительства данного лица. В печати неоднократно отмечалось, что административные комиссии рассматривают дела браконьеров несерьезно, не квалифицированно, нарушители часто отходят с легким испугом и мизерным штрафом.

Назрела необходимость предоставить право наложения административных штрафов работникам государственных заповедников. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 октября 1963 г. «Об усилении ответственности за нарушения правил охоты» должен быть усовершенствован. Статью 1 этого нормативного акта необходимо дополнить: «правом наложения административных штрафов за незаконную охоту обладают также органы госохотинспекции и работники государственных заповедников». Суммы же штрафов следует пересмотреть в сторону их значительного увеличения. Государственные заповедники — наша национальная гордость, и мы обязаны обеспечить максимальную их защиту от неправомерных посягательств.

В. СОКОЛОВ,

старший лейтенант милиции

УДК 28.14(639.1)

ВОЛЖСКО-КАМСКИЙ ЗАПОВЕДНИК

Лесная куница — обительница Раифского леса.
Фото Н. ГРАКОВА

А. МАРИНОВИЧ,
директор заповедника

Живописные берега Раифского озера изобилуют птицами.
Фото Ю. Померанцева

Лоси у подкормки.
Фото автора

Волжско-Камский государственный заповедник был организован в 1960 г. на площади 7562 га в Татарской АССР. Он состоит из двух обособленных почти равновеликих по площади участков: Раифского, в Зеленодольском районе, на площади 3846 га и Сараловского, в Лаишевском районе, на площади 3692 га с прилегающей 500-метровой полосой акватории Куйбышевского водохранилища.

Всего в 25 километрах западнее Казани раскинулся замечательный по своей ценности и красоте Раифский лес, в самом центре которого находится живописнейшее Раифское озеро. На его берегах — могучие сосны, росшие здесь еще во времена Пугачева, взметнулись ввысь вечнозелеными кронами.

Когдаходишь под своды ветвей этих исполинов, достигающих метровой толщины, невольно ощущаешь чувство гордости за нашу родную природу, радость за ее величие, богатство и красоту.

Поистине замечательна природа, совмещающая здесь, на сравнительно небольшой площади, зоны южной тайги, смешанных и широколиственных лесов.

Из хвойных пород, кроме сосны, занимающей господствующее положение, здесь произрастают ель, пихта, лиственница, введенный под полог леса амурский бархат, а из лиственных — до 25% приходится на березняки и липняки, наполняющие лес в разгар июльского лета чудесным ароматом.

Разнообразие почв, рельефа и растительности наложило отпечаток и на фауну Раифы, которая также весьма богата и своеобразна. Здесь встречается до 80% всех млекопитающих, обитающих на территории Татарской АССР, в том числе лось, лисица, барсук, куница, лесной хорек, американская норка, енотовидная собака, горностай, ласка, белка, зайцы — русак и беляк, ондатра, садовая соня и до десятка видов мелких мышевидных грызунов. В отдельные годы на территорию Раифского участка заходят рысь, медведь и волк.

В Раифском лесу наряду с типично таежными видами, какими являются красная полевка, трепалый дятел, глухая кукушка, встречаются представители широколиственных лесов — желтогорлая мышь, лесная соня, клинтух.

Уникальной сокровищницей края и заповедника является дендрологический сад, основанный в 1921 г. лесным факультетом Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, который в летнее время посещают тысячи экскурсантов. Здесь, в секциях Америки, Азии и Европы, произрастают свыше 400 видов и разновидностей древесно-кустарниковой растительности, успешно акклиматизировавшейся, цветущей и плодоносящей. Широкие аллеи, обсаженные черемухой Маака, желтой акацией, серебристым лохом, западной туйей, японской розой, вечнозеленой магонией и многими другими растениями, пересекают сад в самых различных направлениях. Только тополя и их гибридов насчитывается здесь свыше тридцати форм.

Замечательна картина весеннего пышно цветущего сада, наполненного тонким ароматом. В короткие весенние ночи из всех его уголков слышатся соловьиные трели. Неповторима картина и осеннего сада, когда постепенно меняющаяся окраска отмирающей листвы переходит в самые различные оттенки — от темно-синих, фиолетовых и ярко-красных до оранжевых и нежных светло-лимонных тонов. В это время на смену давно умолкнувшим соловьям, пеночкам и славкам здесь появляются наши зимние гости — свиристели, снегири, чижи, щеглы, чечетки и многие другие.

Свыше сорока тысяч различных саженцев ежегодно поступает из сада заповедника для озеленения населенных пунктов и городов и создания противозерозионных посадок.

Раифский лес со всеми его обитателями уже многие десятилетия является объектом тщательных исследований. Здесь трудятся и трудятся ученые самых различных специальностей — зоологи и ботаники, лесоводы и почвоведы, географы и химики. Уже сейчас насчитывается около двухсот работ, посвященных изучению этого ценнейшего памятника природы Волжско-Камского края.

Несомненный интерес представляет также и Сараловский участок заповедника, расположенный в 50 км южнее Казани, угодыя которого неширокой полосой раскинулись по левому берегу Волги, вверх по течению от места впадения в нее Камы. Кроме суши, в состав этого участка заповедника включена также прибрежная полоса акватории.

Сараловский участок на 90% покрыт лесом, в котором преобладающими породами являются сосна и липа. Здесь произрастают также дуб, береза, осина. На этом участке много проток, заливов, островов и мелководий с хорошо развитой водноболотной растительностью, создающей благоприятные кормовые и защитные условия для водоплавающих птиц, нереста и нагула рыб.

Природа Сараловского участка постоянно подвергается изменениям под воздействием Куйбышевского водохранилища, что отличает его от Раифского участка, сравнительно мало затронутого деятельностью человека.

Согласно положению, утвержденному Главным управлением охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР, научный профиль заповедника предусматривает изучение динамики процессов основных элементов природного комплекса Раифского лесного массива, а также Сараловского участка заповедника, находящегося под воздействием Куйбышевского водохранилища. Одной из важных работ, которую систематически проводит заповедник, является наблюдение основных явлений и процессов, происходящих в природе. Эта работа охватывает обширный круг вопросов по метеорологии, фенологии, гидрологии и геоморфологии.

Работники заповедника ежегодно развешивают на его территории сотни искусственных гнездовых для привлечения насекомоядных птиц. Устраивают подкормочные площадки для лосей, на которых выкладываются подрубаемые осины с целью отлечения лосей от повреждения молодых сосновых насаждений. Каждый год проводятся учеты численности охотничье-промысловых зверей и птиц. Результаты научных исследований и наблюдений ежегодно обобщаются в книгах «Летописи природы».

Помимо работ, проводимых непосредственно силами сотрудников заповедника, на его территории работают десятки научных сотрудников, аспирантов и студентов высших учебных заведений Казани, в том числе университета, педагогического института, Татарской лесной опытной станции.

Сотрудники зоологической лаборатории Казанского университета регулярно проводят учеты численности мышевидных грызунов, что позволяет уточнить их видовой состав, некоторые стороны экологии отдельных видов, определить их суточную активность и размещение по биотомам. Продолжаются работы по изучению динамики численности птиц на постоянном многолетнем пятикилометровом маршруте. Ежегодно проводятся пять учетов в разные периоды вегетационного сезона, позволяющие выявить аспектирующие виды птиц, их размещение по биотомам, а также получить относительные данные о численности птиц вообще.

Интересны работы по изучению экологии земноводных. В частности, работники заповедника занимаются мечением амфибий с целью изучения их передвижения, структуры популяции, продолжительности жизни и некоторых других сторон экологии. Довольно широко поставлены работы по изучению паразитов млекопитающих и птиц.

На Сараловском участке заповедника уже более десяти лет весной и осенью ведутся стационарные наблюдения за динамикой пролета птиц в условиях водохранилища. Проводятся учеты и размещение гнездящихся птиц, картирование нор барсука, лисицы, енотовидной собаки и целый ряд других наблюдений.

Значительный объем работ проводит Казанский педагогический институт. Здесь особо необходимо отметить работы по геоморфологии, которые главным образом направлены на выявление причин усиления эрозионных процессов, приводящих к заилению водоемов, находящихся на территории заповедника, и оврагообразованию на землях соседних совхозов. Регулярно проводятся гидрологические наблюдения на озерах и речках заповедника, что в итоге позволяет судить о их режиме, ведется инвентаризация фауны и флоры заповедника.

В 9 и 10 классах местной средней Раифской школы введен курс охраны природы и лесоведения, по 200-часовой программе, составленной работниками заповедника.

В апреле 1968 г. в Казани сотрудники заповедника провели научную конференцию, в которой приняло участие около ста человек, в том числе 28 докторов и кандидатов биологических наук. Было заслушано около 50 различных докладов и сообщений. Материалы конференции изданы отдельной брошюрой.

В 1964 г. тиражом 2000 экземпляров издан путеводитель, а в 1968 г. — популярная брошюра о заповеднике. В этом же году вышел в свет первый выпуск Трудов заповедника и сдан в печать научно-популярный очерк объемом 5—6 печатных листов.

Необходимо отметить, что число нарушений режима заповедности из года в год уменьшается. Так, если в первые годы после организации заповедника самовольные порубки леса превышали 200 кубометров, то в 1968 г. они составили всего 20 кубометров, или уменьшились в 10 раз. Однако мелкие нарушения — сбор ягод, грибов, самовольные заезды на территорию заповедника — все еще имеют место. Работникам заповедника предстоит многое сделать для борьбы с этими нарушениями.

Последние два года заповедник является участником Выставки достижений народного хозяйства в Москве, ряд его работников награжден медалями выставки.

Идея навстречу своему десятилетию, коллектив заповедника прилагает все усилия к тому, чтобы еще лучше обеспечить выполнение всех поставленных перед ним задач.

необычный год на таймыре

Охотоведы Г. ЯКУШКИН, Б. ПАВЛОВ, Б. БОРЖОНОВ,
В. ЗЫРЯНОВ, В. КУКСОВ

Многочисленный животный мир, населяющий весной и летом необозримые тундры Таймыра, испытал в 1968 г. влияние необычайно суровых климатических условий. Особенно трудным оказался весенний период. Разгар весны на Таймыре падает на июнь. Именно в это время животные тундры столкнулись сочень неблагоприятной погодой. Плохой она была и в разгар лета. Достаточно привести краткую характеристику температуры воздуха за июнь-июль 1968 г., чтобы убедиться в этом.

В средней полосе тундры западного Таймыра среднемесячная температура воздуха в июне была равна минус $1,9^{\circ}$ — $2,8^{\circ}$, на $3,8^{\circ}$ — $4,7^{\circ}$ ниже средней многолетней. Среднесуточная минусовая температура держалась до 15 июня. К этому периоду почти вся тундра была еще покрыта снегом, интенсивное таяние которого началось с 20-х чисел. В июле температура воздуха также была невысокой: $5,4^{\circ}$ — $5,7^{\circ}$, или на $7,0^{\circ}$ — $7,3^{\circ}$ ниже, чем в том же месяце предыдущего года. В конце июля выпал снег, температура воздуха на несколько дней снизилась до нуля.

На восточном Таймыре погодные условия весной и летом 1968 г. были несколько лучше. В районе Хатанги среднемесячная температура июня была равна $3,1^{\circ}$, июля $11,4^{\circ}$, или ниже средней многолетней соответственно на $1,3^{\circ}$ и $0,9^{\circ}$.

Метеорологические условия весны и лета 1968 г. оказали отрицательное воздействие на весь комплекс тундровых биоценозов. Vegetация травянистой и кустарниковой растительности началась с большим опозданием. Прирост массы первичной продукции был невелик. У многих видов животных наблюдались серьезные отклонения в интенсивности размножения, в размещении по стадиям, в поведении. Массового вылета комаров и оводов не наблюдалось.

В данной статье мы коснемся ряда важнейших видов животных Таймыра, у которых в прошлом году были отмечены заметные экологические отклонения в период их размножения и выкармливания потомства.

Дикий северный олень. Значительная масса оленей — до 100 тыс. голов, — зимовавшая впервые в таком количестве на левобережной части Енисея в бассейне рек Малой и Большой Хеты, мигрировала на летние пастбища и места отела западного Таймыра в обычные сроки. В конце апреля эта группировка оленей перешла Енисей в районе устьев Малой и Большой Хеты и устремилась на север.

Большая часть популяции диких оленей — до 150 тыс. голов, которая зимовала в горах Путорана, пришла в 1968 г. к местам

1.

отела и на летние пастбища с большим опозданием. Сроки прохода были растянуты. В окрестностях г. Норильска массовый ход оленей отмечался в середине мая, а в 100 км севернее, в районе верховьев р. Пясины, — в первых числах июня. По сравнению с 1967 г. массовая миграция животных в этих местах наблюдалась почти на месяц позже. В верховьях Пясины (северная лесотундра) важеньки держались весь июнь, а взрослые самцы до начала июля, чего не отмечалось в предыдущие годы.

На 250 км к северу от истоков Пясины, уже в местах отела и летнего выпаса, олени появились также на месяц позже, чем в обычные годы. Так, в районе оз. Мокоритто (северная часть подзоны кустарниковой тундры) первые стельные важеньки отмечены 3 июня, а их массовый проход — 17—25 июня. Важеньки шли группами в 5—20 голов в северо-западном направлении. Однако значительная часть их осталась здесь для отела. Взрослые самцы появились лишь 11—12 июля.

В связи с растянутыми сроками весенней миграции район отела важенок охватил большие площади тундры разных подзон, чего не было раньше. Важеньки телились даже в северных предгорьях Путоран и прилегающей к ним части Таймырской низменности. Отсюда самки с телятами двигались в северо-западном направлении, переплывая верховье р. Пясины. В районе пос. Курья новорожденного теленка обнаружили 25 июня, а через два дня телята были замечены среди небольших групп самок. 18—19 июля несколько севернее пос. Курья (р. Черная) через Пясины переплыло до 10 тыс. важенок с молодняком.

Впервые ценные сведения о массовом отеле важенок были получены нами из района оз. Мокоритто. Окрестности озера представляют собой слегка всхолмленную кочкарно-пятнистую моховато-травяную тундру с зарослями кустарниковой ивы по низинам и ручьям. Важеньки телились на относительно ровных свободных от снега участках. Известно, что стельные самки перед отелом пасутся поодиночке. Отел проходит в течение суток, но чаще в вечерние, ночные и особенно утренние часы. Самка телится лежа, но при трудных, затяжных родах очень часто встает, ищет новое место, приседает, широко расставив передние и задние ноги, тем самым постепенно освобождаясь от плода. Через 3—4 часа после рождения теленка, хотя и с трудом, беспрепятственно падая среди кошек, может следовать за матерью.

Первого теленка в районе оз. Мокоритто мы обнаружили 18 июня. Он родился вечером или ночью с 17 на 18 июня, но к утру погиб, видимо, замерз, хотя самка находилась рядом. В последующие дни интенсивность отела важенок нарастала. С 20 июня установилась плюсовая температура воздуха (2 — 3°).

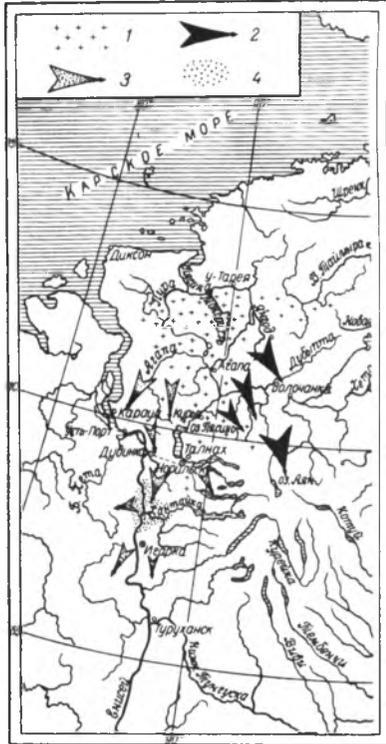

Схема распространения диного северного оленя на Таймыре: 1 — районы отела; 2 — пути осенних миграций; 3 — новые пути осенних миграций; 4 — места концентрации.

К 23 июня до 50% территории тундры освободилось от снега. С 18 по 22 июня на площади 48 км² отелились 23 важенки. Однако пик отела наступил 23 июня, когда на участке тундры размером 8 км² было зарегистрировано 30 самок с новорожденными теллятами. В некоторых местах важенки телились в 100—200 м друг от друга.

В последующие два дня (24 и 25 июня) интенсивность отела важенек снизилась. За эти дни на площади 48 км² отелилось около 20 самок. Последний отел в районе оз. Мокоритто был отмечен 28 июня. Но стельные важенки встречались и 30 июня.

Таким образом, с 18 по 25 июня на участке тундры в 48 км² отелились 73 важенки. На всей территории массового отела оленей, расположенной в междуречье Пуры и Пясины и равной 15,5 тыс. км², отелилось за тот же период не менее 23—25 тыс. важенек, или почти одна треть всего поголовья взрослых самок.

После отела, в первой половине июля, самки с молодым оленем встречались группами от 5—10 до 20—50 особей. Такими же группами встречались и самцы. Во второй половине июля самки с теллятами сконцентрировались в крупные, так называемые «плодовые» стада численностью 700—1000 голов. В этих стадах держались и самцы в количестве двух-пяти десятков. Однако к этому времени они образовали и самостоятельные стада.

Обследование летом угодий по р. Пясине (более 800 км) и некоторым ее притокам, а также облет территории арктической тундры от Диксона до р. Нижней Таймыры показали, что в июне—июле основная масса оленей держалась в северных и южных тундрах западного Таймыра, т. е. южнее изгиба р. Пясины. Именно в этих тундрах происходил основной отел важенек и концентрация их летом.

В прибрежной полосе арктической тундры в начале августа встречались изредка лишь небольшие группы самцов и важенек с теллятами. Южнее прибрежной полосы, в частности в районе пос. Усть-Тарей, были замечены стада быков в 100—500 голов.

После похолодания в конце июля основная масса оленей от изгиба р. Пясины стала передвигаться в южном направлении. В начале августа (5—8 числа) много оленей перешло р. Пясину на широте протоки Иголкиной и ушло на юго-восток. В течение августа и сентября до 150 тыс. оленей мигрировали через районы поселков Кресты, Усть-Авам, Волочанка, т. е. по своим прежним путям, на зимние пастбища в горы Путорана. Другая группировка оленей, оставшаяся в тундрах западного Таймыра, как и в 1967 г., постепенно передвигалась в южном направлении. Животные шли в междуречье Енисея и Пясины. Часть из них стремилась уйти в левобережную часть Енисея.

В первой половине октября до 50 тыс. оленей подошли к изгибу Енисея в районе пос. Караул и Усть-Порт, однако преодолеть реку из-за шуги им не удалось. Пастбища в этом районе оказались выбитыми. Начался массовый падеж молодняка. 25 октября при облете территории в районе Усть-Порта только на площади в 20 км² было обнаружено более 150 павших теллят.

Встретив на пути препятствие, олени устремились на юг вдоль Енисея. В конце второй декады октября передовые стада сконцентрировались вдоль железнодорожной магистрали Дудинка—Норильск—Талнах. 20 октября около 50—60 тыс. оленей перешли железнодорожную магистраль на участке Дудинка—Алыкель. 22 октября в районе Алыкеля еще находилось около 5—7 тыс. оленей, которым предстояло пересечь железную дорогу. В особо бедственное положение попали животные на участке Норильск—Талнах. Железная, шоссейная дороги и водопровод преградили им путь на юг. Здесь олени попали в настоящую ловушку. Интенсивное движение железнодорожного и автомобильного транспорта беспокоило их и сдерживало переход через дороги. Животные находились в бесперывном движении. Окрестности Норильска покрылись сетью из троп, пастбища были сильно потравлены. Часть оленей заходила даже в черту города. Особенно трудно приходилось теллятам, отбившимся от самок. Они испытывали голод, безразлично выходили на дороги, паслись у жилых построек. Много молодняка погибло как под Норильском, так и по всей железнодорожной магистрали.

Лишь в начале ноября стада диких оленей покинули окрестности Норильска. Некоторым из них удалось перейти железную и шоссейную дороги и уйти на юг. Остальные, обогнув пос. Талнах с северо-восточной стороны, мигрировали в горы.

Рекогносцировочные полеты, проведенные с 25 по 30 октября в южных районах западного Таймыра, показали, что в правобережной и меньше в левобережной части Енисея, к югу от г. Дудинки до пос. Плахино, находилось около 100 тыс. оленей. Особенно много животных скопилось на р. Хантайки. Здесь 27 и 28 октября было встречено стадо численностью 15—20 тыс. голов. Животные, в основном самцы, держались плотной массой. Остальные стада оленей подошли близ устья р. Хантайки к правому берегу Енисея, вышли на лед реки, стремясь перейти на левый берег. Однако полоса взломанного грузовыми судами льда не позволяла оленям быстро перейти через реку. Передовые стада, продвинувшись далеко на юг, достигли пос. Курейки в северной части Туруханского района. В середине октября во время прохождения через пастбища Потаповского хозяйства дикие олени откололи и увели за собой около 3 тыс. домашних.

2.

1. Стадо быков диких северных оленей на переправе через р. Мокоритто. Западный Таймыр, июль 1968 г.
Фото В. ЗЫРЯНОВА
2. Скопление диких северных оленей в районе р. Хантайки. Октябрь, 1968 г.
Фото Г. ЯКУШКИНА
3. Гнезда краснозобой казарки. На заднем плане гнездо с птенцами, на переднем — брошенная кладка.
Фото Г. ЯКУШКИНА
4. Самка гуменника на гнезде.
Фото Б. БОРЖОНОВА
5. Самка белой куропатки в летнем оперении.
Фото Г. ЯКУШКИНА
6. Только что родившийся олененок.
Фото Г. ЯКУШКИНА
7. Молодой песец.
Фото Г. ЯКУШКИНА

Уход диких оленей за Енисей объясняется, видимо, тем, что в левобережном районе тундры расположены хорошие зимние пастбища. Зимовавшие здесь в 1967 г. животные были упитанны.

Есть основание предполагать, что зимние пастбища в горах Путорана, где до 1967 г. выпасалась основная группировка диких оленей, подорваны. Увеличение плотности популяции за последние годы в сочетании с теплой осенью 1967 г., когда до 100 тыс. животных задержалось в тундрах западного Таймыра, послужило толчком к изменению путей миграций, расширению границ ареала, отысканию новых зимних пастбищ.

Песец. У этого главного представителя тундровых биоценозов ежегодно наблюдаются очень резкие колебания численности. Следить за этими колебаниями и своевременно давать правильную оценку состояния популяции, промысловых запасов песцов довольно трудно.

Зимой 1968 г. по результатам анализа собранных песцовых тушек можно было судить о благополучном состоянии популяции. В силу того, что запасы естественных кормов — мышевидных грызунов — были удовлетворительными, песцы имели хорошую упитанность, жирных встречалось в 5,7 раза больше, чем тощих. Частота встреч остатков мышевидных в желудках песцов достигала 50% — выше средних многолетних показателей. В период промысла песцы плохо шли на приманку и поэтому их запасы оказались недоопрощенными.

И тем не менее размножение песцов в 1968 г. прошло неудовлетворительно. На западном Таймыре из 52 осмотренных нор во всех трех подзонах тундры (бассейн р. Пясины) ни в одной не было выводков. В низовьях Енисея, по сведениям охотников, песцовые выводки, хотя и редко, но встречались. На восточном Таймыре при обследовании 69 нор песца в северных и южных тундрах лишь в двух из них оказались выводки (3%). Холостые песцы посещали 50—53% нор.

Плохое размножение песца на Таймыре в 1968 г. вызвано, по нашему мнению, затяжной холодной весной и резким ухудшением состояния естественной кормовой базы в этот период. Как следствие внешние причины вызвали нарушение физиологических процессов в организме животных, в том числе процесса сперматогенеза и овогенеза.

Учет мышевидных грызунов, проведенный в весенне-летний период путем расстановки давилок и конусов на линиях и огороженных площадках, показал почти полное их отсутствие. На западном Таймыре во всех трех подзонах тундры и в северной части лесотундры за июнь—август были отловлены всего лишь две полевки Миддендорфа. На линейных маршрутах в течение

трех месяцев добыли двух обских леммингов и двух полевков Миддендорфа. На восточном Таймыре мышевидные грызуны весной встречались (здесь песец, хотя и плохо, но размножались). В конце июня на 100 ловушко-суток приходилось 12 обских леммингов. Однако к августу их численность резко сократилась и составила 0,7 грызуна на 100 ловушко-суток.

Летом небольшие очаги мышевидных грызунов сохранились в стациях переживания. Так, на небольшом острове (500 м²) в низовьях Пясины такая малочисленная колония была обнаружена 1 августа. Здесь добыли четырех обских леммингов. Две старые самки имели эмбрионы первого летнего помета, что является значительным отклонением от нормы. Весной они не размножались.

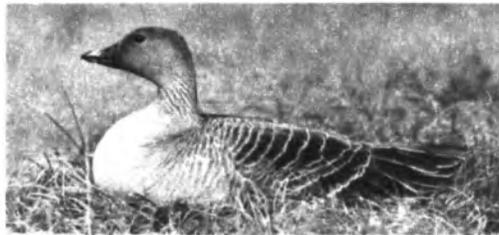
Холостые песцы, рыская по тундре в поисках корма, наталкивались на резервации мышевидных и добывали в них грызунов. Остатки мышевидных были обнаружены в содержимом желудков двух песцов, добытых 27 июня и 11 июля в районе р. Мокоритто. Однако песцы питались не только мелкими грызунами — в большом количестве они добывали птиц, разоряли их гнезда, охотились за линными гусями. Весной, в первой половине июня, когда снег еще лежал сплошным покровом и не отмечалось массового прилета птиц, песцы, испытывая недостаток в кормах, широко перемещались по тундре, скапливались в местах убоя оленей. В период отела важенок нам не раз пришлось наблюдать, как самки отбивались от назойливых песцов, спасая телят. Как правило, хищники действовали в паре, беспорывным завыванием и бегом пытались отпугнуть важенку и подобраться к новорожденному теленку. Помеченные нами четыре теленка были разорваны песцами в тот момент, когда самки отсутствовали.

Интересен случай охоты хищников на линных белолобых гусей, наблюдавшийся нами на р. Мокоритто. Пара песцов, сидя у реки, поджидала выхода гусей на берег, а когда они вышли, то тут же были атакованы одним из песцов. В погоне за добычей хищник заскочил даже в воду, потом вернулся на берег, наткнулся на затаившегося гуся, схватил его за шею и пытался унести.

Отсутствие мышевидных грызунов в сочетании с холодной весной сказалось на размножении не только песцов, но и птиц, таких, например, как полярные совы, канюки, поморники и чайки. Гнезда этих птиц отсутствовали. Весной и летом поморников и чаек можно было встретить в большом количестве (до 45 особей на 1000 га) в местах рыбного промысла и добычи оленей.

3.

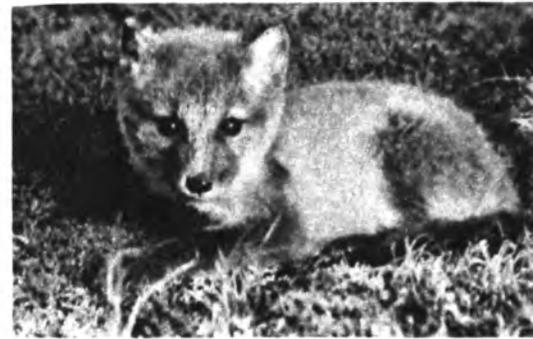
4.

6.

5.

7.

При сокращении численности мышевидных грызунов от весны к осени следовало ожидать перемещения песцов в более кормные угодья — в южную тундру и лесотундру, на побережье крупных рек и заливов. Это и произошло осенью 1968 г.

В связи с отсутствием естественных кормов песцы хорошо шли на приманку, поэтому в четвертом квартале 1968 г. промысел проходил довольно успешно. Некоторые охотники добыли по 50—80 зверьков. На сохранении численности песцов к началу промысла сказался недопромысел их в прошлом охотничьем сезоне.

Гуси. Наиболее сильное влияние на представителей гусеобразных оказали неблагоприятные погодные условия весны и лета 1968 г. Сроки весеннего пролета были растянуты. Возврат холодов с сильными пургами не раз принуждал гусей и уток откочевывать из основных мест гнездований в более южные районы тундры и лесотундры. Пролет продолжался около месяца, интенсивность его была значительно ниже, чем в обычные годы.

В окрестностях Норильска и в верховьях р. Пясины (пос. Курья) первые гуси-гуменники появились 20—25 мая, а на 250—400 км севернее, в районе оз. Мокоритто и пос. Усть-Тарей, — 27—30 мая. В окрестностях пос. Хатанги они были отмечены 22 мая. В низовьях р. Большой Балахны гуменники в значительном количестве наблюдались 31 мая.

В верхнем и среднем течении р. Пясины с 26 мая по 10 июня, в период еще отрицательных температур и снегопадов, гуси одновременно летели в двух направлениях. В отдельные дни на юг гусей пролетало даже больше, чем на север. Например, 9 июня в районе пос. Курья в полосе учета, равной 2 км, в южном направлении прошло 460 гусей, в северном — 292. В последующие дни интенсивность пролета птиц на север нарастала. 11 июня в окрестностях оз. Мокоритто в такой же полосе обзора на север прошло 317 гусей, на юг — 65. В этот день летели в основном гуменники.

Интенсивность пролета гусей на север увеличивалась в дни плюсовой температурой и когда не было сильных ветров и пурги. Массовый пролет белолобых гусей и краснозобых казарок отмечали 16 июня. Ставшие уже редкими стаи гусей наблюдались до 20 июня. Для сравнения укажем, что в обычные годы, в частности в 1967 г., массовый пролет гуменников и белолобых гусей в южной тундре отмечался 6—8 июня.

Холодная погода и пурга, задержавшие таяние снега до 20 июня, внесли существенные коррективы в обычную ритм

жизни гусей. Гнездовые биотопы были скрыты под снегом, птицам не хватало корма. Гуменники, добытые в середине июня, были плохо упитаны. Все это отрицательно повлияло на воспроизводительные функции гусей. В 1968 г. мы зарегистрировали очень редкое явление — резорбцию фолликулов. Так, из 12 взрослых самок, добытых в первой половине июня, у четырех в яичниках оказалось от 1 до 3 резорбирующих фолликулов. Видимо, такая же картина наблюдалась и у белолобых гусей. Резорбция фолликулов отмечена также у канюков и куропаток. Поморники же имели вообще недоразвитые яичники.

Неблагоприятные погодные условия весны вызвали резкое снижение интенсивности размножения гусей. Обследования тундровых угодий западного Таймыра, проводившиеся весной и летом, показали, что в арктической тундре гуси не размножались. В низовьях Пясины не обнаружили ни одного гнезда и выводка. В северной и южной тундре на 1000 га угодий приходилось всего одно гнездо (0,9 гуменника и 0,1 белолобого). Среднее число яиц в кладке было следующее: у гуменников — 2,7, у белолобых — 2, у краснозобых казарок — 5,4. У последних часть кладок оказалась заброшенной. За все лето по р. Пясине и ее притокам было встречено лишь 22 выводка гусей, из них 13 принадлежали гуменникам, 3 белолобым гусям и 6 краснозобым казаркам. Средний размер выводков составил соответственно 2, 2,6, 4,6 птенца.

В 1968 г. по сравнению с предыдущим годом количество гнезд гуменников и белолобых гусей в расчете на 1000 га угодий сократилось в 4 раза, размер кладок — в 1,6, число птенцов в выводках — в 1,8 раза. Если в 1967 г. в южной подзоне тундры на 1000 га угодий приходилось до трех молодых гуменников и белолобых гусей, то в 1968 г. число молодых на ту же единицу площади составило: в южной подзоне — от 0,6 до 1,3, в северной — 0,1, в арктической — 0.

На восточном Таймыре средний размер выводков у гуменников и белолобых гусей достигал трех, у краснозобых казарок — шести птенцов.

В 1968 г. при резком сокращении количества размножавшихся гусей возросло число линных. На западном Таймыре численность линных гусей на 1000 га составила: в южной подзоне — 52—70, в северной — 130—187, в арктической — 265. Настоящее царство линных гусей мы встретили на р. Мокоритто и озерах в правобережной части устья Пясины. На р. Мокоритто в конце июля было подсчитано на расстоянии 223 км более 9 тыс. гусей (гуменников — 74%, белолобых — 24%, краснозобых казарок —

консервирование бобровой струи

2%). На 1 км реки приходилось 42 гуся, в том числе 0,94 краснозобой казарки. Были встречены 44 стаи гуменников и белолобых гусей численностью от 100 до 400 особей. Самые крупные стаи краснозобых казарок состояли из 30—40 особей. Часть этих птиц встречалась в стаях гуменников и белолобых гусей.

В сентябре 1968 г. в лесотундровой полосе западного Таймыра были проведены наблюдения за осенним пролетом гусей. Результаты учета показали, что численность мигрирующих птиц была в несколько раз ниже, чем в 1967 г.

Плохое размножение гусей на Таймыре в 1968 г., безусловно, скажется на их общей численности в последующие годы.

Куропатки. Зимой 1968 г. основная масса белых и тундрных куропаток, обитающих на Таймыре, концентрировалась в лесотундровой полосе и в кустарниковой пойме низовьев Енисея. В частности, на Бреховских островах в конце марта на 1000 га угодий приходилось 250—260 птиц.

Весенняя миграция куропаток на места гнездовых проходила в 1968 г. в более поздние сроки, чем в предыдущие годы. Например, в северной части южной тундры, в районе оз. Мокоритто, куропатки появились в конце мая — начале июня. В северной лесотундре разбивка на пары и занятие гнездовых участков отмечены только 15 июня, а в районе оз. Мокоритто — 19 июня.

В 1968 г. гнездовой ареал куропаток резко сместился к югу. Если в обычные годы куропатки гнездились на западном Таймыре вплоть до побережья Карского моря, то в прошлом году севернее устья р. Пуры они не встречались. Численность тундрной куропатки в арктической тундре также была очень низкой. Так, в конце июля на 35-километровом маршруте были учтены всего две взрослые особи без вывода.

В весенне-летний период основная масса куропаток держалась в северной и южной тундре, где на 1000 га приходилось до 80 гнездящихся пар, в том числе 50 пар тундрных и 30 пар белых куропаток. Но и здесь, несмотря на высокую численность, размножение куропаток из-за неблагоприятной весны прошло неудовлетворительно. Значительная часть куропаток вообще не гнездилась. Как отмечалось выше, у них, как и у гусей, были зарегистрированы случаи рассасывания почти сформировавшихся фолликулов. При обследовании южной и северной тундры по р. Мокоритто на протяжении 270 км мы встретили лишь один выводок тундрной куропатки, состоявший из трех птенцов.

Осенние наблюдения, проведенные в лесотундровой полосе западного Таймыра, показали, что массовых миграций куропаток в места их зимних обитаний не было.

Резюмируя итоги экологических исследований и наблюдений над главнейшими представителями тундровой фауны Таймыра в неблагоприятный для них год, мы должны коснуться в этой статье и ряда практических вопросов, требующих незамедлительного решения.

Таймыр является единственным районом нашей страны, где пока сохранились относительно крупные группировки таких ценных видов животных, как дикий северный олень и краснозобая казарка. Уникален Таймыр и с геоботанической точки зрения. Здесь расположен самый северный в мире остров леса «Ары-Мас». Поэтому данный район привлекает внимание многих биологов.

Нас, много лет работающих на Таймыре, волнует судьба и дикого северного оленя, и краснозобой казарки, и многих других объектов животного и растительного мира. Несмотря на протест ряда биологов, отлов краснозобой казарки Зоокомбинатом продолжается. Между тем численность ее в основных местах гнездований резко сократилась.

Не решен ряд неотложных вопросов, связанных с диким северным оленем. Хотя в 1967 г. на Таймыре и работала экспедиция Главохоты РСФСР, которая пришла к заключению о необходимости организации в этом районе государственного заповедника и госпромхоза, тем не менее решение этих вопросов затянулось. Для быстрее разрешения этих и других важных вопросов мы предлагаем созвать в конце 1969 г. при Главохоте РСФСР совещание по дикому северному оленю, пригласив на него широкий круг ученых-биологов, охотоведов, партийных и советских работников Крайнего Севера. На этом совещании необходимо прийти к единому мнению о путях охраны и эксплуатации стад диких северных оленей. В частности, следует установить оптимальную норму отстрела, решить вопросы строительства проходов для мигрирующих оленей на линии газопровода «Мессояха—Норильск», усиления государственной инспекторской службы.

Учитывая, что за последние годы численность таймырской популяции оленей возросла, расширились границы ареала, изменились пути миграций, мы считаем необходимым проведение в этом году очередного авиаучета «дикаря» на всей территории Таймыра с тем, чтобы получить новые данные о численности, половозрастном составе и природе стада.

Под весьма распространенным понятием «бобровая струя» (касториум) обычно подразумевают своеобразные парные образования у речных бобров в виде мешочков, которые имеются как у самцов, так и у самок. Долгое время эти органы принимали за мускульные железы, но последние исследования их функциональной деятельности (В. В. Крицкий, 1954) и анатомо-гистологического строения (З. С. Кацнельсон и И. И. Орлова, 1954) показали, что они не имеют ничего общего с железами и являются не чем иным, как своеобразными эпителиальными сильно складчатыми мешочками.

Мешочки бобровой струи находятся под кожей и слоем мышц и расположены симметрично по бокам клоаки. Оба мешочка имеют свободные несколько суживающиеся кверху отверстия, которые выходят в общую мочеполовую область и дальше в единственное наружное отверстие для всех каналов — в клоаку. Путем сжатия мышечных волокон, окружающих мешочки, бобры по своему желанию выбрызгивают содержимое этих органов через клоаку во внешнюю среду.

Биологическое значение бобровой струи с точки зрения нормального течения половых процессов животного пока еще недостаточно изучено, но известно, что особенно активно животные выделяют содержимое струи в период гона, а также перед его началом (осенью) и непосредственно после гона (весной). Летом бобры выделяют содержимое струи значительно реже и в несравнимо меньших количествах.

Роль выделений струи во внешнюю среду сводится, видимо, к опознаванию и закреплению района деятельности семьи, так как бобры делают для этого у воды на своих излюбленных вылазах и тропях земляные бугорки и систематически при посещении этих мест выбрызгивают на них содержимое мешочков. В один прием взрослый бобр в состоянии выделить 2—3 куб. см жидкой струи, а за ночь в сезон максимальной активности — до 15—20 куб. см. По внешнему виду это жидкость ярко-желтого цвета, быстро окисляющаяся и темнеющая на воздухе. По своему составу она неоднородна и в ней часто встречаются твердые крупинки и целые глыбки, отделившиеся от внутренних эпителиальных складок.

В настоящее время вопрос о возможности практического использования прижизненных выделений бобровой струи пока еще не разрешен, хотя мы и имеем полную возможность собирать эти выделения в значительных количествах (см. Труды Воронежского заповедника, вып. IX, 1960).

Мешочки бобровой струи достигают полного развития лишь у вполне взрослых животных. У бобров же, не достигших половозрелости, они явно недоразвиты и поэтому функционируют слабо. Даже у двухлетних бобров они достигают лишь четверти веса мешочков взрослых животных. У новорожденных бобров эти органы обычно развиты настолько слабо, что их даже не всегда удается найти при вскрытии брюшной полости. Бобрята, достигшие одного-двух месяцев, имеют мешочки уже размером около 20 мм в длину и 10 мм в ширину, однако они еще совершенно пустые и плоские, а вес их едва достигает одного грамма.

В возрасте 4—5 месяцев мешочки весят около 10 г, к годовалому возрасту — около 15—16 г. Складчатость и внутреннее наполнение таких мешочков все еще очень слабое. Дальнейшая возрастная изменчивость размеров и веса мешочков бобровой струи показана в таблице.

Возраст	Размеры сырого мешочка (мм)						Вес пары сырых мешочков (г)		
	миним.		максим.		в средн.		миним.	максим.	в средн.
	дл.	шир.	дл.	шир.	дл.	шир.			
Годовик	40	15	50	25	45	20	14	16	15
Двухгодовалый	69	30	80	32	75	31	40	56	48
Взрослый	90	60	100	65	95	63	142	260	215

В дореволюционное время бобровую струю использовали как лечебное средство от многих заболеваний и она даже продавалась в аптеках. Однако современная медицина полностью отказалась от применения бобровой струи и считает, что приписываемые ей целебные свойства научно не подтверждены. В современных условиях бобровая струя нашла широкий спрос в парфюмерной промышленности, как весьма стойкий закрепитель тончайших ароматов и вещество, обостряющее человеческое обоняние. При изготовлении лучших сортов духов и одеколонов, как у нас, так и за границей, обязательно добавляют несколько капель спиртовой настойки бобровой струи.

Способ извлечения бобровой струи. Содержимое бобровой струи не загнивает и не теряет своих свойств даже при долгом лежании тушки бобра, в связи с чем мешочки можно излекать даже от павших животных. Однако при организации промысла или забоя бобров в зверосовхозах следует вырезать мешочки сразу же после съемки шкуры. Для этого вначале оттягивают и отрезают сальные железы, расположенные несколько ближе к поверхности тела и к отверстию клоаки. По внешнему виду это очень крупные парные железы грушеобразной формы, но более мягкие на ощупь, чем бобровая струя. Общий вес пары сальных желез от взрослого бобра — 100—150 г. Содержимое сальных желез, напоминающее толстое масло, в XVIII столетии широко применялось в медицине для приготовления лечебных мазей.

Мешочки бобровой струи находятся под сальными железами, и когда те удалены, становится легче отпрепарировать их. Для того чтобы не порезать стенок мешочка, необходимо, поочередно оттягивая каждый мешочек рукой, осторожно подрезать слою мышц, которые его окружают. При этом надо следить за тем, чтобы на стенках мешочков не оставалось прирезей мышц. Желательно также для удобства последующей сушки не разъединять мешочки, а оставлять их соединенными естественной промежуточной связкой.

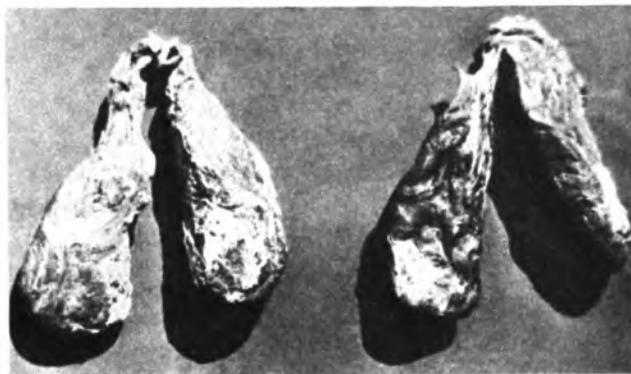
Во избежание излишних потерь и утечки вырезанные и отпрепарированные мешочки нельзя складывать в кучу, а желательнее сразу же вешать их для просушки кверху отверстиями.

В полевых условиях, где нет необходимого помещения, можно хранить мешочки в замороженном виде до тех пор, пока не представится возможность приступить к их дальнейшей консервации.

Способы консервирования. Мешочки бобровой струи, взятые после съемки шкуры, являются пока еще сырым продуктом, который должен быть определенным образом законсервирован, прежде чем будет использован в парфюмерном производстве. Во время консервирования внутри мешочков происходят сложные биохимические процессы созревания и внешнего формирования, в связи с чем необходимо не быстро, а постепенное их высушивание в прохладном месте.

В настоящее время известны два способа консервирования бобровой струи: воздушносухой и холодный (замедленный) способ.

Воздушносухой способ. Зимой отпрепарированные мешочки развешивают в отопляемом помещении, но не близко к печке. Лучше всего для этих целей натянуть проволоку или шпагат около окна и вешать неразъединенные мешочки отверстиями кверху. Перевязывать при этом наружное отверстие не следует.

Бобровая струя, приготовленная различными способами: 1 — воздушносухим; 2 — замедленной консервации.
Фото автора

В теплое время года местом просушки может быть сарай или чердачное помещение, но не под железной крышей.

Минимальный срок консервирования свежих мешочков — 3—4 месяца. Признаком готовности их должно быть твердое состояние, наружные стенки не должны продавливаться при нажиме на них пальцами.

Мешочки, подготовленные подобным способом, имеют обычно несколько удлиненную, как бы отвисшую, форму и сухое легко ломающееся содержимое. Кондиционное состояние их удовлетворительное, вес около средних показателей.

Холодный способ. Заключается этот способ в том, что мешочки бобровой струи выкладывают снаружи, вне отопляемого помещения в особые хранилища, имеющие кирпичную или цементную основу (пол). Мы пользуемся для этого специально выдолбленными нишами в кирпичной стене здания. В этом случае мешочки не вешают, а кладут на кирпич или цементное основание. Постепенно созревая, они достигают должного состояния.

Срок консервирования — около 6—7 месяцев, из коих половина должна приходиться на зимние месяцы с отрицательной температурой. Содержимое мешочков достигает очень твердого, почти окаменевшего состояния. В особо зрелых и полных мешочках нередко образуются глубокие трещины, через которые просачивается довольно приятный запах.

Кондиционное состояние таких мешочков хорошее. Форма их овально-грушевидная с гладкой наружной поверхностью. Вес обычно выше средних показателей.

Отечественная парфюмерная промышленность принимает первым сортом бобровую струю, независимо от способа ее приготовления, но считает при этом, что кондиционное состояние, получающееся при холодном способе консервирования, больше соответствует импортному стандарту и струя имеет к тому же более высокие весовые показатели. В связи с этим следует рекомендовать во всех случаях, где представляется подобная возможность применять холодный способ замедленного консервирования.

Потребность парфюмерной промышленности в бобровой струе практически неограниченна.

Перед организациями, ведающими бобровым промыслом и разведением бобров в неволе, стоит почетная задача — избавить парфюмерную промышленность страны от необходимости ежегодного импорта бобровой струи из США и полностью обеспечить ее отечественным сырьем.

В соответствии с прейскурантом на природные мускусы один килограмм сухой бобровой струи стоит 250 рублей. Оплата за присланную струю производится путем безналичного перечисления на текущий счет учреждения или предприятия, являющегося поставщиком этого продукта.

Л. ЛАВРОВ,
кандидат биологических наук

«Валаджа аи» — маленький медведь — так называют енота-полоскуна в Азербайджане.

Енот-полоскун — иноземный хищник, акклиматизированный в нашей стране. Родина этого зверя — Северная Америка, где он распространен от Панамского перешейка до южных провинций Канады.

Длина тела енота — 45—60 см, хвоста — 20—25 см. Тело у него плотное, несколько сутуловатое. На короткой шее посажена широкая голова с заостренной мордой и небольшими округлыми ушами. Конечности сравнительно длинные с хорошо развитыми пальцами. Подошвы лап голые. При ходьбе зверек опирается на всю ступню.

Шерсть у енота густая с мягкой подпушью. По бокам головы несколько удлиненная шерсть образует «баки». Общая окраска меха коричневато-серая, более темная на спине и боках и светлая на чреве и конечностях. Черные пятна вокруг глаз образуют характерную маску, от которой тянется черная полоса между глаз к затылку. Губы, «брови», ободки ушей и их тыльная сторона грязно-белого цвета. На хвосте у енота 6—7 поперечных черных полос. Среди обычно окрашенных зверей встречаются черные особи.

Своим общим обликом, походкой, движениями и любознательностью енот очень напоминает медведя. Недаром индейцы, аборигены Северной Америки, называли его «младшим братом медведя». Это сходство подметили и в Азербайджане, где за ним закрепилось название «валаджа аи» — маленький медведь.

В России енота знали по шкуркам, завозимым из Северной Америки. Эти шкурки сперва называли «генеттовыми мехами», потому что своим полосатым хвостом зверь напоминал генету — хищника из семейства вивверовых. От «генеттового меха» произошло слово «генот», а затем и «енот». Когда в сороковых годах прошлого столетия в зверинцы России стали попадать живые зверьки, наряду со словом «енот» появилось название «ракун» по созвучию с его американским названием «рэ-коун».

Первые опыты по расселению енота в нашей стране были проведены в 1936 г. С тех пор на Кавказе, в Средней Азии, в Белоруссии и на Дальнем Востоке расселили около 1,5 тыс. зверей. Племенным материалом для расселения послужили главным образом звери, отловленные в Закатало-Нухинской долине Азербайджана. Почти повсеместно еноты приспособились к новым условиям. Лишь в Кабардино-Балкарской АССР и в Приморском крае выпуски оказались безрезультатными.

Енот — типичный лесной зверь. Большую часть жизни он проводит на деревьях. Его способность передвигаться по деревьям заслуживает особого внимания. Длинные цепкие пальцы на задних и особенно на передних конечностях, снабженные крепкими круто изогнутыми когтями, позволяют зверю, цепляясь только за шероховатости коры, взбираться по стволу любого дерева и спускаться по нему вниз головой. Однажды я загнал енота на тонкую горизонтальную ветвь. Он шел по ней сколько было возможно, затем перевернулся и, повиснув спиной вниз, продолжал передвигаться подобно ленивцу. В конце ветки зверь повис, держась лишь задними ногами, и легко спрыгнул в траву с высоты 7—8 метров. Добежав до другого дерева, он проворно вскарабкался на него.

Благодаря «чувствующим» волосам — вибриссам, пучки которых расположены не только на голове, но и на различных частях тела — около когтей, на внутренней стороне конечностей, на груди и животе, енот уверенно передвигается по ветвям деревьев даже в полной темноте.

Убежищами этому зверю служат дупла перестойных деревьев. Обычно он поселяется в дуплах белолиственного тополя или дуба. На Дальнем Востоке я встречал заселенные енотом дупла липы и ильма, в Киргизии — грецкого ореха, а в Белоруссии даже ивы. Убежище енота располагается иногда на высоте 28—30 м над землей. Диаметр входа в него в среднем бывает 19 см, а минимальный, встреченный мной, равнялся 12 см. Если зверь не находит подходящего высоко расположенного убежища, он поселяется в прикомлевом дупле или в дупле упавшего дерева. В крайнем случае енот использует наземные убежища — расщелины в скалах или норы барсуков. Сам нор не роет — его тонкие пальцы совершенно не приспособлены к рытью.

Излюбленным местообитанием енота являются старые крупноствольные широколиственные леса с непересыхающими ручьями, ручьями, болотами и озерами. Обитает он и в смешанных лесах с преобладанием лиственных пород, но хвойных лесов, так же как и лесов, лишенных водоемов, избегает. В некоторых районах своей родины, как впрочем и у нас в Дагестане, еноты поселяются среди заболоченных низин с очень небольшими островками лесной растительности. Однако оптимальными условиями для этого хищника все же надо считать старые леса с повышенным увлажнением.

Иногда еноты встречаются и в окультуренном ландшафте: на окраинах полей, в садах, нередко в непосредственной близости от человеческого жилья. Так, например, в Закавказье

ЕНОТ — ПОЛОСКУН

Н. РУКОВСКИЙ,
кандидат биологических наук

Фото автора

Следы енота-полоскуна трудно спутать со следами какого-либо другого зверя.

в топиле, стоящем на краю рисовой плантации всего в 250 метрах от ближайшего дома, жители которого не знали об этом соседстве. На вечерней заре вышедший из дупла енот подолгу оставался на ветвях дерева, приводя в порядок свою шерсть, в то время как у постройки лаяли собаки и громко разговаривали люди, загоняя скотину.

Енот — всеядный хищник. Признаки плотоядных зубов у него выражены крайне слабо. Особенно коренные зубы более приспособлены к перетиранию пищи, чем к ее разрезанию. Длина кишечника у енота, так же как и у медведя, превышает длину тела в 9—10 раз. Эти признаки подчеркивают хорошую приспособленность животного к питанию растительной пищей — рацион хищника состоит в равной степени из животных и растительных кормов.

Из животных кормов енот наиболее часто поедает насекомых и лягушек. Рептилии (главным образом болотные черепахи и ящерицы), моллюски и птицы в его кормах встречаются значительно реже. Мышевидные грызуны, раки и рыба служат для зверя дополнительным кормом. Растительная часть рациона состоит из ягод различных лиан и кустарников, желудей и орехов, а также плодов диких фруктовых деревьев. Конечно, состав кормов неодинаков в различных географических районах обитания зверя. Например, в Дагестане одним из основных пищевых объектов наряду с лягушками еноту служат раки, а в Белоруссии — змеи.

В питании енота хорошо выражена сезонная смена кормов. Ранней весной и в первой половине лета основу его рациона составляют животные корма, а во второй половине лета и осенью, хотя животных кормов в природе и не становится меньше, он предпочитает поедать растительную пищу.

У енота ярко выражена способность компенсировать отсутствие одного корма другим. Например, в Закавказье, в засушливый год, когда лягушек было мало, а урожай фруктов и ягод был исключительно низким, еноты чаще, чем обычно, поедали грызунов, птиц, рыбу, иногда выходили на поля, где ели ячмень, подсолнечник и кукурузу. В тот год у барсука, медведя и кабана подкожного жира было очень мало, а еноты были упитаны нормально. Видимо, способность добывать корм на земле, на деревьях и в воде ставит енота при недостатке кормов в лучшие условия по сравнению с другими полифагами. Енот ведет сумеречно-ночной образ жизни. Подкарауливая его на закате солнца, мне не раз приходилось слышать, как проснувшийся зверь царапает когтями стенки дупла, поднимаясь вверх. Затем он появляется на ветвях дерева, еще освещенного лучами заходящего солнца и, усевшись на задние лапы, начинает «умываться» и расчесывать шерсть. На землю енот спускается уже в полной темноте.

Излюбленные места, посещаемые енотом во время кормежки, — берега ближайшей к его убежищу речки или ручья, мочажины у родников, лесные поляны, окраины полей. Еноты ходят обычно одними и теми же путями, набивая хорошо заметные в траве тропки. В местах их кормежки следы пребывания зверей заметить очень легко. Они оставляют на иле, на песке или в пыли дорог характерные отпечатки лап, которые трудно спутать со следами какого-либо другого зверя. На стволах толстых деревьев в местах обитания енотов при внимательном осмотре можно заметить застывшие в трещинках коры волоски шерсти, а в развалинах сучьев или на толстых валежниках — «уборные» этого зверя. Во время кормежки зверек передвигается неторопливо, часто по-медвежьи присаживается и озирается по сторонам, в то время как его передние лапы непрерывно находятся в движении: прощупывают ил, перебирают гальку на дне водоема или опавшие желуди. Принято считать, что енот перед поеданием пищи обязательно полощет свою добычу в воде. В действительности звери поступают так далеко не всегда. Когда енот находит пищу далеко от воды, он ее не полощет, а поедает на месте. В неволе енот, только уже насытившись, начинает полоскать пищу как бы играя с ней.

На своем охотничьем участке енот имеет несколько дупел и не всегда возвращается на дневку в основное убежище. Размер индивидуального участка зависит от обилия кормов и обычно невелик. Енот редко удаляется более чем на 1,5 км от своего дупла. Участки отдельных особей налагаются друг на друга, поэтому численность енотов в угодьях может достигать высокой плотности. Например, в Закавказье и в Дагестане плотность их на отдельных участках колеблется от 20 до 30 особей на 1000 га. На родине енота, в наиболее оптимальных условиях плотность достигает 100, а на охраняемых территориях даже 300 зверей на 1000 га.

Размножаются еноты один раз в году. Спаривание протекает в феврале—марте. После 63 дней беременности самка приносит 3—4 детенышей, которые прозревают на двадцатый день. У полуторамесячных детенышей прорезываются зубы, они начинают вылезать из дупла, а в 2,5 месяца уже сопровождают мать во время охоты.

В августе—сентябре молодые еноты становятся самостоятельными.

ними, кормятся в одиночку, но иногда выводок остается при матери до самой зимы. Молодые самки достигают половозрелости в годовалом возрасте, но спариваются они на 1—1,5 месяца позже взрослых. Самцы становятся половозрелыми, по-видимому, лишь на втором году жизни, хотя в условиях неволи известны случаи, когда и годовалые самцы принимали участие в размножении.

На обильных осенних кормах еноты сильно жиреют и холодные месяцы, так же как медведи и барсуки, проводят в зимнем сне. Сон у них неглубок и прерывист. В Закавказье они бодрствуют всю зиму, отсиживаясь только при периодических снегопадах. У северной границы своего ареала в Канаде, где снег лежит долго, а морозы достигают —43°, еноты не покидают убежища по 4—5 месяцев. В суровые зимы, израсходовав запасы подкожного жира, еноты выходят из дупел, когда земля еще бывает покрыта снегом. Зверьки в это время очень истощены и нередко гибнут от бескормицы. В крупных дуплах на зимовку собирается иногда по несколько зверьков. В Закавказье в одном дупле я обнаружил 14 зимующих енотов. Среди них были старые самцы и самки и молодой, уже не отличающийся по размеру от взрослых зверей.

Енот — очень жизнестойкий вид. Он невосприимчив ко многим инфекционным и инвазионным заболеваниям и активно защищается от хищников. Застигнутый на земле и окруженный собаками, енот смело бросается на них и всегда успевает уйти на дерево. Даже трехмесячные зверьки, попав в безвыходное положение, делают броски в сторону человека, рычат и пытаются укусыть.

В Америке врагом енота считают ильку. Эта крупная куница экологически близка дальневосточной харзе. Возможно, что наличие харзы и явилось одним из факторов неудачи натурализации енота в Приморском крае.

В Северной Америке енот не только массовый промысловый вид, но и популярный объект спортивной охоты. Для добычи енота охотники-спортсмены держат специально натасканных собак. Охота производится ночью. Собаки разыскивают кормящегося енота, загоняют его на дерево и облаивают. Подоспевшие охотники освещают вершину дерева сильным фонарем и стреляют обнаруженного зверя из малокалиберной винтовки. Иногда, чтобы обнаружить енота, одному из охотников приходится взбираться на дерево. Своеобразие этой охоты в ночном лесу привлекает многих любителей. В некоторых районах открытие охоты на енота — традиционный праздник, завершающийся трапезой на лоне природы. Мясо енота очень вкусно и в Америке считается деликатесом.

Промысловый лов енота ведется исключительно капканами. Мех его теплый и очень прочный, он идет на изготовление различных изделий в натуральном, крашеном и щипаном виде.

В последнее десятилетие контроль за распространением и численностью енота-полоскуна в нашей стране заметно ослаб. Несмотря на то, что промысел енота разрешен уже почти 15 лет, запасы его используются нерационально. Количество добываемых зверьков трудно поддается учету в связи с тем, что полоскун и енотовидная собака у заготовителей объединены под одним названием «енот», так как требования пушного стандарта едины к обоим видам.

В Азербайджане, где енотовидная собака отсутствует, заготовки полоскуна (см. таблицу) прослеживаются за ряд лет, и анализ их показывает неуклонный рост выхода шкурок, несмотря на то, что промысел пушен на самотек. Охотничьи организации и учреждения по охране природы Азербайджана поторопились посчитать енота вредным и вместо организации правильной эксплуатации вида призывают к круглогодичному его уничтожению. Правилами охоты этой республики с 1959 г. разрешен круглогодичный отстрел енота, а с 1962 г. даже предусмотрена выплата премии в сумме 10 руб. за уничтожение одного зверька.

ЗАГОТОВКИ ЕНОТА-ПОЛОСКУНА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ (ШТ.)

1954 г. — 36	1959 г. — 830	1964 г. — 1460
1955 г. — 410	1960 г. — 1207	1965 г. — 2000
1956 г. — 488	1961 г. — 1330	1966 г. — 2290
1957 г. — 417	1962 г. — 1250	
1958 г. — 671	1963 г. — 1490	

Такое отношение к акклиматизированному виду без предварительного серьезного научного исследования нельзя признать правильным.

Учреждениям, регулирующим охоту в нашей стране, необходимо организовать рациональный промысел енота в Краснодарском крае, Дагестанской АССР и в Белорусской ССР, где плотность зверьков превысила таковую в районах его добычи на родине. Наряду с этим необходимо выснить положение с енотом-полоскуном в Средней Азии и на Дальнем Востоке и также наметить пути к правильному использованию его запасов.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ КОПЫТНЫХ

А. КОЗЛОВСКИЙ,
кандидат биологических наук

В № 1 журнала за текущий год была помещена статья Я. Русанова «Запасы кормов и численность копытных». Наряду с правильными положениями в ней допущен, на наш взгляд, ряд серьезных ошибок. В чем они заключаются?

Максимальные запасы древесно-веточных кормов содержатся, по мнению автора, в наиболее густых молодняках. В действительности же дело обстоит наоборот. Общеизвестно, что чем гуще любое насаждение, тем меньше объем кроны слагающих его деревьев. При высокой сомкнутости полого недостаток света приводит к отмиранию сучьев. Разумеется, при крайне разреженном насаждении число ветвей и побегов на них в переводе на единицу площади станет уменьшаться. В этом отношении в каждом насаждении существует оптимум. Так, например, наши исследования показали, что в 12-летних молодняках сосны, выросших на свежих почвах, запас зимних веточных кормов лесой составляет при сомкнутом пологе (1,0—0,8) 0,5 т на 1 га, а при разомкнутом (0,5—0,4) — 3,3 т на ту же площадь, т. е. почти в 7 раз больше. Следует добавить, что, как известно, в густых насаждениях побегов, выросшие при недостатке света, не только меньше по объему и весу, но и малоценны по своим биохимическим свойствам.

По мнению Русанова, копытные звери избегают густых молодняков потому, что в них нет обзора окружающей местности. Но достаточно изредить насаждение до полноты 0,7, как животные начинают там кормиться, так как они могут одновременно увидеть приближающихся врагов.

В лесу возможности обзора местности весьма невелики. В частности, даже в молодняке полнотой 0,7 поле зрения ограничивается немногими десятками метров. Обнаружить врага на таком расстоянии бывает поздно. Известно, что копытные звери плохо видят, но очень хорошо слышат и приближающуюся опасность определяют в первую очередь по звуку. По нашему мнению, в глубину густых молодняков копытные звери не заходят, прежде всего, потому, что там нет корма. Излюбленными местами лежек лесей являются небольшие защищенные от ветра поляны среди куртинно расположенных густых молодняков.

В смешанных молодняках кормовые растения иногда бывают мало заметны среди некормовых, и копытные пропускают их, не замечая.

Маскирующее значение некормовых растений хорошо известно лесоводам Западной Европы, которые на этом принципе разработали соответствующие типы лесных культур, например посадки бука под прикрытием ели, что предохраняет его от повреждений оленями и косулями. В 1968 г. в Тульской области при обследовании поврежденных лосями молодняков было установлено, что дубки, выросшие в смеси с лещиной или липой, оставались нетронутыми, хотя находившиеся по соседству чистые осинники, сосняки и дубняки всех степеней сомкнутости были объедены.

Расчет допустимого числа животных на зимних пастбищах, по мнению автора статьи «Запасы кормов и численность копытных», несложен. Достаточно разделить запас веточных кормов на сезонную

потребность в них одного животного, чтобы получить искомое число. Легко себе представить, что если в хозяйстве мы так и сделаем, то по истечении одного сезона на пастбищах все будет съедено. Очевидно, при расчете допустимого числа копытных следует исходить не из сезонных, а значительно больших нормативов.

Автор совершенно прав, говоря об избирательном отношении копытных и отдельным растениям. Более того, необходимо добавить, что так же ведут себя копытные и в отдельных участках молодых кормовых пород. В некоторых случаях такое выборочное использование кормов можно предвидеть, но во многих случаях установить причину пропуска тех или иных растений животными мы не можем. Но это обстоятельство не является непреодолимым препятствием в практической деятельности охотничьих хозяйств. Необходимо, чтобы запасы кормов, съеденные копытными в течение осенне-зимнего сезона, в период вегетации восстанавливались и чтобы лесному хозяйству не был причинен ущерб.

Знакочительное положение рассматриваемой статьи состоит в том, что количество веточных кормов не может служить основой для расчета возможной плотности населения копытных, что их численность в отдельных типах угодий не связана с запасами таких кормов. В последнем автор прав: численность копытных (главным образом лосей) в одних угодьях превышает запасы зимних кормов, а в других корма не используются. Причину такого явления автор не называет, а заключает она в том, что неравномерное распределение зимних кормовых угодий, как в географическом аспекте, так и во времени, вызывает постоянные перемещения животных. Поэтому такое понятие, как плотность населения, и лосям неприменимо; при неравномерном распределении этих животных любые хозяйственные мероприятия, основанные на выводах из показателей плотности населения, особенно регулирования их численности, приводят к серьезным ошибкам.

Как же все-таки следует определять допустимую численность копытных зверей? Автор об этом умалчивает. В странах Западной Европы в основу установления численности копытных (кроме лосей, которого там нет) положено предельное определение кормовой ценнос-

О КОРМОВОЙ ЕМКОСТИ УГОДИЙ

П. ЮРГЕНСОН,
доктор биологических наук, профессор

Я. С. Русанов поднял вопрос, далеко выходящий за рамки методики охотстройства. Правильная, научно обоснованная оценка емкости охотничьих угодий — краеугольный камень рационального ведения охотничьего хозяйства. Это особенно актуально в отношении копытных зверей, в частности лосей, по причине того ущерба, который они нередко при чрезмерных плотностях наносят лесовозобновлению.

В статье Русанова есть очень справедливые, правильные высказывания, но есть и такие положения, с которыми согласиться нельзя. Проблема определения кормовой емкости угодий, в частности для зимы — по веточным кормам, имеет два разных аспекта. Первый — определение действительного наличия запаса веточного корма (годовые побеги с диаметром менее 0,5 см) в пределах, практически доступных для того или другого вида копытных. Для лосей такая «толщина» кормового поля лежит в пределах от 0,5 до 2,5 м от уровня почвы с учетом изменяющейся высоты снега. Однако это лишь потенциальный запас, который может существенно отличаться от дей-

ствительного. В этом Русанов прав. Но все же такие данные как исходные совершенно необходимы для любых расчетов, без них нельзя сделать и шага. Цифры могут быть получены достаточно достоверные.

Нам совершенно непонятно, откуда взялось утверждение, что молодые высокополнотные (0,8—1,0) насаждения относятся к наиболее богатым по запасам зимних кормов. Это какое-то недоразумение. Еще в 1960 г. А. А. Козловский опубликовал расчетные, вспомогательные таблицы для определения запаса веточного корма для сосны, осины и ивняка, есть они теперь и для дуба. Согласно этим таблицам запас веточного корма обратно пропорционален полноте насаждения. Например, в молодом сосняке при полноте 0,8—1,0 это 0,5 т, при полноте 0,5—0,7 — 1 т, а при полноте 0,3—0,4 — 1,5 т, что вполне закономерно и научно обосновано.

Справедливо, что копытные звери никогда в один прием не объедают все побеги одного растения. Проявляя определенную избирательность к кормам, они поедают не весь наличный их запас и не всюду. Это второй аспект проблемы: дей-

ствительная кормовая емкость, а она не постоянна. При достаточной обеспеченности предпочитаемыми обычно наиболее питательными кормами худшие корма поедаются слабо или вовсе не поедаются. В средней полосе это береза, лещина, липа, ель, не говоря уже о серой ольхе. Если поедаются и они — это грозный сигнал о кормовом неблагополучии. При недостатке кормов лоси поедают почти все — по пословице: «не до жиру, быть бы живу». Делать расчеты емкости угодий по общему запасу кормов нельзя — результаты будут явно завышенными, а этого более всего надо избегать; лучше занизить, ибо действительная емкость всегда будет ниже.

Приведем простой наглядный пример: на вырубке, заросшей кипреем, запас зеленой массы этого растения был определен в 2,4—2,7 т на 1 га, что составило 50% всего травостоя. Это запас — «брутто». Лоси, однако, поедают лишь наиболее питательные верхушки кипрея с соцветиями. Это составит не более 20% зеленой массы. Всего запаса этих кормов лоси при их типе пастыби не съедят ни при каких условиях. Кроме того, им необходимо постоянное чередование кормов. Поедание какого-либо одного даже весьма питательного корма угнетает жизнедеятельность бактериальной флоры желудка диких жвачных животных, что снижает переваримость корма.

Допустим, освоено будет не 20%, а 10% запасов верхушек кипрея, т. е. лишь 240—270 кг на 1 га. Период поедаемости кипрея 50—60 дней; суточная норма кормов за это время для лосей составляет 30—40 кг. Отсюда следует, что за весь период кипрей составит в питании одного лоса максимум 875 кг. Таким образом,

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОРОБЬЕВ

(к 70-летию со дня рождения)

С. ТУРОВ,
профессор, доктор биологических наук

ги различных угодий. Характер наших лесов, особенности нашего лесного хозяйства и лесозаготовительной промышленности определяют совсем иной, чем в Западной Европе, облик лесных охотничьих угодий. Кроме того, наличие у нас лосей, как основного вида копытных зверей, не позволяет перенести в наши условия западноевропейскую методику определения допустимой численности копытных. Тем не менее, основной принцип определения хозяйственно допустимого количества животных, базирующийся на кормовой емкости угодий, и у нас остается неизменным.

Методика определения хозяйственно допустимой численности лосей и носуль разработана в достаточной степени. Но это является лишь началом регулирования их количества и размещения. При пассивной, как обычно у нас, форме ведения хозяйства на копытных неизбежны не только неприятности, о которых писал автор рассмотренной статьи, но и огромный государственный ущерб.

По примеру западноевропейского охотничьего хозяйства и у нас регулировка численности копытных зверей должна проводиться на основе ежегодной фиксации их фантического размещения и нормовой нагрузки на угодья. Так, например, в Германской Демократической Республике, где площадь всех лесов не более чем в одной средней по величине нашей области, имеется 462 корреспондентских пункта, которые на основе периодических донесений фиксируют численность копытных по лесничествам и степень поврежденности насаждений. Методический центр, получая сообщения корреспондентов, руководит регулировкой численности копытных.

Пренебрегая такой методикой регулирования численности копытных, мы жестоко расплачиваемся. Так, например, в Тульской области, согласно данным закончившейся инвентаризации, вследствие потрав лосей в течение 10 лет (1958 — 1968) лесному хозяйству нанесен ущерб в сумме трех миллионов рублей.

Регулирование численности — важнейший вопрос в системе мероприятий по ведению охотничьего хозяйства на копытных зверей, требующий дальнейшей всесторонней разработки.

УДК 639.111

возможная кормовая емкость вырубки, заросшей кипреем, может обеспечить не более одного лоса на 3,5 га. Справедливо, что не на всякой такой вырубке лоси будут пастись, но это уже другой вопрос.

В действительности положение не столь затруднительно, риск переоценить кормовую емкость угодий не так велик. Ведь мы оцениваем не все угодья, а только «ключевые», имеющие решающее значение, а также только основные предпочитаемые корма.

Более существенно то, что охотвед-тансатор обязан учитывать, с одной стороны, насущные интересы лесного хозяйства — нормальное лесовозобновление, а с другой — возможности самовосстановления запасов веточных кормов в интересах лосей. У нас, сугубо эмпирически, без глубоких изысканий, считается приемлемым освоение копытными до 30% наличного запаса кормов. В Западной Европе таким пределом считают 20%. При таких придержках и основанных на них расчетах, причем только по ключевым угодьям, нет оснований опасаться завышения расчетной емкости даже без введения каких-либо поправочных коэффициентов. Разумеется, расчетный запас кормов надо определять с учетом реальной полноты и реального возраста насаждений в пределах класса для каждого участка ключевых угодий. При содействии лесничих это вполне реально.

В практике охотустройства кормовая емкость угодий обычно определяется с завышениями, но есть реальная возможность свести завышенность расчетов до минимума, не осложняя решения проблемы в целом.

Известный орнитолог и зоогеограф, доктор биологических наук Константин Александрович Воробьев родился в Москве в 1899 г.

Среднее образование получил в Московском коммерческом училище и еще на школьной скамье проявлял большой интерес к зоологии и путешествиям. Впервые зоологическими наблюдениями в природе и коллекционированием птиц он занимается в Московской губернии (1918—1920 гг.). Коллекции, собранные в эти годы, послужили материалом для одной из первых работ К. А. Воробьева «Орнитологические исследования в Московской губернии».

В 1920 г. К. А. Воробьев поступил на биологическое отделение физико-математического факультета Московского университета и сразу под руководством проф. С. И. Огнева приступил к изучению орнитологических коллекций Зоологического музея. В университетские годы особое влияние на формирование научных интересов молодого зоолога имели также М. А. Мензбир, Б. М. Житков и Г. А. Кожевников.

В 1926 г. К. А. Воробьев приступил к работе в Астраханском государственном заповеднике. Помимо изучения орнитофауны дельты Волги, он совершает несколько поездок в прикаспийские степи, давшие весьма интересный зоогеографический материал.

В 1932 г. в составе Амурской экспедиции он отправляется в качестве орнитолога на Дальний Восток. Богатая и своеобразная природа этого края произвела на Константина Александровича сильное впечатление.

В период с 1935 по 1940 г. К. А. Воробьев работает в южной Туркмении, возглавляя Всесоюзный орнитологический заповедник Гасан-Кули. Здесь, помимо изучения зимовки водоплавающих птиц, он проделал несколько экспедиций в Колет-Даг, в Кугитанг, в Бадхыз, на Мургаб и Аму-Дарью. Эти исследования дали целый ряд интересных работ, существенно дополняющих наши знания о птицах Туркмении.

Пятилетний период работы в Дальневосточном филиале Академии наук СССР (с 1945 по 1950 г.) был особенно плодотворным этапом научной деятельности К. А. Воробьева. Своими экспедиционными, а также стационарными работами он охватил разнообразнейшие по ландшафтам районы Уссурийского края. В результате появилась превосходная монография «Птицы Уссурийского края», которую С. И. Огнев в свое время отметил, «как выдающееся явление в нашей зоологической литературе». Эта монография была удостоена премии президиума Академии наук СССР, а в 1966 г. издана в Японии.

Весной 1955 г. К. А. Воробьев защищает в Зоологическом институте Академии наук СССР диссертацию на тему: «Орнитологическая фауна Уссурийского края и ее зоогеографический анализ». Ученый совет института единогласно присуждает Константину Александровичу степень доктора биологических наук.

В 1963 г. выходит в свет новая монография К. А. Воробьева «Птицы Якутии», выполненная с большой тщательностью и большой любовью. Эта работа была удостоена почетного диплома Московского общества испытателей природы.

Поразительны энергия и целеустремленность К. А. Воробьева. После окончания работ в Якутии он вновь обращается к Средней Азии. В 1965 году excursionирует в Гиссарском хребте в Таджикистане, на следующий год направляется в Заилийский Алатау, где изучает высокогорных птиц, и, наконец, весной 1967 г. исследует тугаи Теджена на границе с Ираном и прилегающую пустыню.

Из своих многочисленных экспедиций К. А. Воробьев всегда привозит большие коллекции отлично препарированных птиц. Эти ценные в научном отношении материалы, собранные с великолепным знанием дела, хранятся во многих музеях Советского Союза. Плодотворная научная деятельность Константина Александровича сыграла большую роль в изучении орнитологической фауны нашей страны. Как ученый К. А. Воробьев широко известен не только в нашей стране, но и за границей. Его работы, посвященные орнитологии и зоогеографии, неоднократно публиковались в специальных журналах ГДР, Венгрии, Франции и Англии.

Наряду с научно-исследовательской работой К. А. Воробьев уделяет много внимания популяризации науки — его статьи, опубликованные в научно-популярных журналах, в частности в журнале «Охота и охотничье хозяйство», «Природа», «Вокруг Света», «Юный натуралист», а также в газетах и переданные по радио, всегда пользуются неизменным успехом.

Советское правительство высоко оценило заслуги Константина Александровича Воробьева. В 1964 г. ему было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки.

Свой 70-летний юбилей Константин Александрович встречает полным сил, энергии и творческих замыслов. Пожелаем замечательному исследователю дальнейшей плодотворной деятельности на многие годы.

В зоологическом музее

К. ВОРОБЬЕВ,
заслуженный деятель науки,
дoктор биологических наук

2.

3.

4.

1.

5.

1. Один из шкафов экспозиционной коллекции с представителями отряда куриных птиц.
2. Ястреб-тетеревятник.
3. Тонущая дрофа.
4. Художественно выполненная группа; тонущий глухарь и глухарка.
5. Кавказская горная индейка.

Фото автора

Еще до поступления в университет я начал заниматься в Зоологическом музее по орнитологии. Это было осенью 1919 г. В то время директором музея был профессор Г. А. Кожевников, читавший курс зоологии беспозвоночных.

Зоологический музей Московского университета был основан в 1791 г. и вначале назывался «Кабинетом натуральной истории». В 1812 г. во время московского пожара, музей сгорел; погибли не только коллекции, но и его ценная научная библиотека. После окончания войны музей стали восстанавливать. В этом большая заслуга профессора Г. И. Фишера, который очень много внимания и сил отдавал музею.

Здание, занимаемое в настоящее время музеем, было построено в 1902 г.

За 180 лет своего существования музей собрал огромный научный материал по многим разделам зоологии.

Я буду говорить здесь только о коллекции птиц, которая мне хорошо известна. В течение пятидесяти лет я постоянно обращаюсь к ней, обогащая свои знания, разрешая многие вопросы систематики, географического распространения и биологии пернатых.

Вряд ли я ошибусь, сказав, что немногие посетители музея знают о том, что, помимо экспозиции (выставочной коллекции), которую они осматривают, в музее есть еще научная коллекция, причем последняя по количеству экземпляров во много раз превосходит выставочную. Научная орнитологическая коллекция в настоящее время заключает 95 000 экземпляров птиц. Она доступна только для специалистов-орнитологов.

Основную часть коллекции составляют птицы Советского Союза, но наряду с этим имеется большое количество видов из многих стран мира. Большинство видов нашей страны представлено, как правило, значительными сериями, так, например, больших пестрых дятлов в коллекции 1086 экземпляров, турухтанов — 454, обыкновенных фазанов — 236, филинов — 204, вальдшнепов — 164 экземпляра и т. д.

Серийный сбор материалов необходим для изучения деталей распространения и географической изменчивости вида. Кроме того, большое число особей одного вида позволяет установить половой, возрастной и сезонный диморфизм у различных видов птиц, а также индивидуальную изменчивость отдельных видов. Но наряду с большими сериями птиц нашей фауны некоторые редкие или труднодобываемые виды, а также виды, имеющие ограниченный ареал, представлены лишь очень немногими экземплярами. Например белых журавлей (стерхов) в научной коллекции музея всего лишь 4 экземпляра, черных журавлей — 2, трехперсток — 4, рыбных филинов — 3, ширококрылых кукушек — 1 экземпляр.

Надо отметить, что до сих пор еще не все виды, обитающие в Советском Союзе, представлены в коллекции музея. Нет, например, красноногого ибиса, крайне редко встречающегося у нас в южном Приморье, нет даурского журавля, малой пестрогрудки, длинноклювой камышевки, белокрылого погоняша. Мы полагаем, что в деле пополнения зоологических коллекций музеев большую помощь ученым могли бы оказать охотники. Ведь в руки охотников, помимо разнообразной дичи, попадают и редкие, часто не известные им птицы. Во время экспедиций мне неоднократно приходилось слышать, что тогда-то в данном районе была застрелена охотником не известная здесь птица, которая через несколько дней была выброшена. Как досадно бывает слушать подобные рассказы, особенно когда догадываешься, о каком замечательном виде идет речь. Широко известен случай, когда 60 лет тому назад охотник помог ученым разобраться в правильном понимании одного много лет не получавшего решения вопроса.

Дело было так. 25 мая 1908 г. охотник А. С. Флоринский убил у г. Тары на Иртыше парочку не известных ему куликов и счел их достаточно интересными, чтобы показать местному орнитологу В. Е. Ушакову, который и определил их. Это оказались азиатские бекасovidные веретенники — новый вид для фауны России. Сообщение об этой сенсационной находке было опубликовано С. А. Бутурлиным в журнале «Наша охота» за 1908 г. И только после этого был снова сделан просмотр старых коллекционных материалов (веретенников), среди которых оказалось несколько экземпляров этого вида, неправильно определенных и хранившихся под другим наименованием.

Из коллекций, имеющих большое историческое значение, можно отметить сборы Н. А. Северцова из Туркестана, Н. М. Пржевальского из Центральной Азии, М. И. Березовского из Китая, С. А. Бутурлина с Колымы. Испытываешь какое-то особое чувство волнения, когда среди многих тушек птиц попадает экземпляр, добытый экспедицией Н. М. Пржевальского. Читая этикетку, написанную 95 лет тому назад рукой великого путешественника, и как много говорит тебе этот маленький кусок бумаги с немногими словами на нем: «*Pyrrhospiza lonqirostris* 0» Июнь 1872 г. Бассейн верхнего течения Хуан-Хэ. Н. Пржевальский».

В памяти возникает образ могучего человека, чье имя еще при жизни стало легендой. Это он с горсткой людей прошел там, где не был ни один европеец, прошел там, где не ступала нога человека. Много раз экспедиции грозила гибель: то надвигающаяся мучительная смерть от жажды в пустыне, то нападение разбойничьих племен. Но горсточка русских людей во главе с Пржевальским все дальше и дальше уходила в глубь азиатских пустынь.

Как-то, несколько лет тому назад, просматривая в коллекции музея серых журавлей, я увидел среди них тушку черношейного журавля (*Grus nigricollis*). Эта замечательная птица была добыта Н. М. Пржевальским в восточном Тибете около ста лет тому назад и оказалась новым для науки видом. Вот что пишет по поводу этого журавля Н. М. Пржевальский в своей книге «Монголия и страна тангутов» (том II, 1876 г.): «Описываемый журавль найден был нами только на озере Куку-нор, всего в числе нескольких пар, прилетевших сюда 30 марта и по всему вероятию, оставшихся гнездиться. Голос нового вида весьма благозвучен и много походит на голос стерха. Образ жизни наблюдать не удалось, так как мы вскоре оставили Куку-нор, составляющий для *Grus nigricollis* северную границу географического распространения. Кроме того, мы встретили пару *G. nigricollis* на верховьях р. Тетунга, где собственно и был убит единственный экземпляр (самец) нашей коллекции».

В музее хранятся очень интересные сборы М. М. Березовского из Китая. Они содержат большое количество видов, которые не встречаются в Советском Союзе, и многие из них не были представлены в музее. Интересна судьба этой уникальной коллекции птиц. После ее научной обработки в Зоологическом музее Академии наук в Петербурге она поступила в Музей Восточносибирского отдела Географического общества в г. Иркутске, где и хранилась до последнего времени. В 1963 г. Министерство культуры СССР в целях обеспечения лучшей сохранности и большей доступности коллекции для научных работ приняло решение о передаче ее в Зоологический музей МГУ.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о М. М. Березовском, биография которого не совсем обычна и мало кому известна.

М. М. Березовский был уроженцем Сибири, но учился в гимназии в Петербурге, по окончании которой служил преподавателем в войсковом казачьем училище в г. Уральске. Он принимал участие в трех экспедициях Г. Н. Потанина в Центральную Азию. В 1876 г. Березовского зачислили в состав Монгольской экспедиции Г. Н. Потанина. Его основной задачей был сбор зоологического материала. В экспедиции работал препаратор Коломийцев, у которого он имел возможность обучиться препараторскому делу и впоследствии в совершенстве овладеть им.

В 1883 г. Русское географическое общество снова снарядило экспедицию в Китай под руководством Г. Н. Потанина. В состав экспедиции вошел в качестве орнитолога и М. М. Березовский, который проделал ряд самостоятельных маршрутов, оставаясь в наиболее интересных местах для продолжительных стационарных исследований. Кроме того, после окончания работ экспедиции он еще целый год работал один, изучая заинтересовавшую его фауну этой неведомой тогда страны. В результате данных исследований была собрана коллекция птиц, заключающая около 1400 экземпляров, относящихся к 267 видам. Большая часть птиц была добыта в области системы Голубой реки, в южной части провинции Гань-су. Научную обработку коллекций произвел М. М. Березовский совместно с известным орнитологом В. Л. Бианки. Эти материалы опубликованы в 1891 г. в книге «Птицы Гань-суйского путешествия Г. Н. Потанина 1884—1887». Было описано несколько новых для науки видов птиц. Несколько видов в фауне Китая были обнаружены впервые.

Во вторую экспедицию Потанина в Китай Березовский выехал один на год раньше, в 1891 г., а возвратился так же уже после окончания работ экспедиции, только в 1894 г. На этот раз его исследования охватили провинцию Сычуань и окрестности Тибета. По возвращении из экспедиции он жил в Петербурге и занимался в Зоологическом музее Академии наук, обрабатывая собранные им в Китае орнитологические материалы. К сожалению, результаты научной обработки этой коллекции птиц остались неопубликованными. Умер М. М. Березовский в 1910 г.

Среди наиболее старых орнитологических собраний музея можно отметить сборы Г. С. Карелина с Иртыша, относящиеся к 1841 г., сборы О. Н. Шатилова из Крыма, 1856 г., А. П. Федченко из Туркестана, 1868 г., Г. И. Радее из Закавказья, 1879 г.

Орнитологическая коллекция Зоологического музея МГУ представляет большой интерес и величайшую научную ценность. Наличие подобных материалов дает хорошую основу для детального изучения орнитофауны Советского Союза, а также способствует дальнейшему плодотворному развитию основных направлений отечественной орнитологии.

ВЫРАЩИВАНИЕ КУРОПАТОК В ВЕНГРИИ. Место для постройки вольтеры выбирают среди небольших рощ, чередующихся с полями. Разбивка на пары у куропаток происходит в период с конца февраля по 10 марта. В вольтеру выпускают самку, затем через 40 мин. к ней подсаживают самца. Пары держатся в вольтере на травяном грунте. Через каждые 10 дней вольтеру переносят на новое место. Вольтеры с приподнятым сетчатым полом (против сингамоза) для взрослых птиц себя не оправдали: при отсутствии естественного грунта куропатки перестают нестись. Зимуют куропатки в тех же вольтерах по 5 в каждой (отдельно самцы и самки). Парами содержат птиц до конца кладки яиц (примерно до 15 июля).

Наиболее яйценоски однолетние куропатки (в среднем 40 яиц на самку), трехлетние самки несут в среднем 15 яиц за сезон. Яйца хранят не более 10 дней и затем инкубируют во французских инкубаторах типа «La Nationale», рассчитанных на 400 яиц (без воздушной вентиляции, при температуре 38—39°C). Влажность воздуха в первые 18 дней 50—55%, в последующие 3 дня 75—80%. Яйца переворачивают ежедневно, на 8-й и 18-й день их просвечивают. Влажность помещения 50—70%, температура 22—24°C (возможны и другие типы инкубаторов). Цыплята вылупляются из 75—82% яиц. В течение первых 5 дней цыплят содержат при t 34°C, затем при t 32—30°C. В дальнейшем в течение 20 дней цыплят по 50 шт. содержат в боксах, имеющих выходы в коридор и вольтеры. Боксы обогреваются электрическими лампами, поддерживаются при 32°C. Размеры коридора: высота — 3 м, ширина — 1,25 м. Размер бокса — 2x2 м, высота вольтеры — 1,2 м. В вольтеры цыплят выпускают только в теплые дни. На 14-й день цыплят переводят из боксов в расставленные на траве обогреваемые будки, имеющие выход в вольтеры, а потом переводят в вольтеры для взрослых. При выращивании на траве около 55% цыплят гибнет от сингамоза, поэтому рекомендуются вольтеры с полом из проволочной сетки (8x8 мм), поднятым на 10 см от земли. Вместо сетки можно насыпать толстый слой песка; верхний слой его следует часто менять. Кормят куропадок гранулированным кормом (как и фазанов). В первую неделю — 1,5—4 г на голову, позднее — 4,5—8 г. Нормы постепенно возрастают до 82 г в день.

Kanarski S. Lowlec Polski, 1968, 1. Польше

ОТЛОВ ХИЩНИКОВ ЛОВУШКАМИ. Благодаря уничтожению хищников в охотгодных окраинных областях ГДР. прилегающих к Берлину, сейчас за три охоты добывают до 130 зайцев, в то время как 10 лет тому назад за 14 охот добывалось не более 58 зайцев. Для ловли лисиц, кошек, куниц и ласок применяют ловушки различного типа, а также капканы. За два последних года здесь уничтожено 350 ворон, 180 кошек, 140 лисиц, 25 куниц и хорьков; куниц, ласок и хорьков добывают ловушками. Количество зверей, уничтоженных ловушками, ежегодно возрастает. Куниц успешно добывают кулемками. Ящичные ловушки ставят на кошек, куниц, ласок, хорьков, барсуков (зачастую без примани, на тропах или узких мостиках через речку). Капканы применяют сравнительно редко; опасные виды капканов запрещены. Ястребов ловят ловушками-норзинками. Пойманных ястребов не уничтожают, а передают сокольничему.

Vogt H., Unsere Jagd, 1967, 17.4

ОХРАНА ОРЛАНА-БЕЛОХВОСТА. Сельскохозяйственная академия ГДР проводит большую работу по охране редких животных от вымирания. Орлан-белохвост, обладающий размером крыльев 2,4 м, является самой крупной хищной птицей, гнездящейся в ГДР. В середине XIX в. он встречался в Германии довольно часто. Позднее наблюдалось резкое снижение численности орланов, связанное с отстрелом взрослых птиц и разорением их гнезд (последнее было вызвано причислением орлана к вредным хищникам, стоящим вне закона). В результате возникла угроза вымирания орланов. Принятыми после первой мировой войны защитными мерами и в начале сороковых годов численность этого вида удалось вновь несколько повысить. После второй мировой войны численность его снова снизилась. До 1955 г. в ГДР не существовало законов об охране орлана-белохвоста, и лица, разорявшие его гнезда, не подвергались преследованию. В 1965 г. Институт по охране природы по согласованию с Центральным управлением по охране природы ГДР разработал ряд мероприятий для охраны гнезд орлана-белохвоста. Опасность вымирания орлана-белохвоста в ГДР еще не миновала. Однако существует ряд благоприятных факторов, позволяющих эту опасность устранить.

Günter O. Naturschutzarbeit in Mecklenburg, 1967, 10/3. ГДР

Материалы подготовила старший научный сотрудник ВИНТИСХ И. САПЕТИНА

ПРОМЫСЛОВОЕ СОБАКОВОДСТВО КАМЧАТКИ

А. ГЕЯЦ,
доцент кафедры охотоведения
Иркутского сельскохозяйственного
института

Местные камчатские лайки (в летнем наряде). Фото автора

Возвращение с охоты (Камчатка).
Фото Н. САВЕНКОВА

Охотничий промысел играет существенную роль в жизни населения Камчатки, занимая третье место в товарной продукции полуострова. Только за счет добычи соболя заготовки продукции охотничьего хозяйства увеличились здесь за последние годы на 30%. И все же возможности роста производства охотничьей продукции используются далеко не полностью: местные охоторганизации располагают еще значительными резервами за счет совершенствования орудий лова и, в частности, широкого применения промысловых собак-лаек.

В силу исторически сложившихся условий роль охотничьей собаки на промысле в Камчатской области до самого последнего времени была невелика. В Мильковском районе, например, с охотничьими собаками добывается до 50% белок и 15—20% соболей, в Усть-Большерецком — 25% соболей, 7% копытных, 5% медведей и 15% водоплавающей дичи; в Соболевском — до 25% соболей. Тем не менее значение охот-

ничьей собаки на промысле диких животных на Камчатке из года в год будет возрастать. Объясняется это прежде всего систематическим ростом числа охотников-любителей, способных успешно охотиться лишь с помощью собаки, увеличением цен на многие виды пушнины, вызвавшим заинтересованность в охоте на эти виды, добываемые здесь в подавляющем большинстве с собаками. С завозом в область племенных охотничьих лаек многие охотники наглядно убедились в выгоде иметь на промысле хороших собак и стремятся теперь любой ценой приобрести породных лаек.

Для Камчатской области характерно сравнительно небольшое количество охотничьих собак. Если в Восточной Сибири на одного охотника приходится в среднем 1,5—2 собаки, то на Камчатке — всего 0,6—0,8. Даже в таких крупных районах, как Мильковский, насчитывается всего 110—130 промысловых собак типа лайки, в Усть-Большерецком — до 50, в Соболевском — около 60. Местные промысловики нуждаются по крайней мере в двукратном увеличении числа охотничьих собак.

Все поголовье, с которым промышленно охотятся местные охотники, состоит из местных охотничьих собак и завезенных породных западно- и восточносибирских

лаек. Местные собаки (лучшая их часть) представляют собой лайкообразных, довольно простоватых, описанных в прошлом С. Крашенинниковым. Многие экземпляры отличаются ярко выраженным звероватым видом с грубоватой мордой, они среднего и выше среднего роста, с обильно развитым шерстным покровом, крепкой мускулатурой, самого разного окраса (чаще серого и черного); хвост распущен. На охоте встречаются собаки с полувисячими ушами — беспородные, помеси с дворовыми.

Западносибирские лайки представлены на Камчатке группой собак, завезенных из питомника при Лазовском госпромхозе (Хабаровский край), и породными западносибирскими лайками, ведущими свое происхождение от лаек Новосибирского питомника и завезенных в область охотниками-любителями. Одна западносибирская лайка с отличным экстерьером и хорошими рабочими качествами вывезена из Ленинграда.

Восточносибирские лайки представлены также двумя группами. Одна вывезена из эвенкийского селения Вершина Тутуры Качугского района Иркутской области, другая — из Киренского района той же области. Подавляющее большинство этих собак соответствует стандарту. Таблица характеризует экстерьер ос-

Статья написана по материалам кинологического обследования, проведенного автором летом 1968 г. по заданию Управления охотничье-промыслового хозяйства при Камчатском облисполкоме.

Район	Осмотрено собак	Пол		Кастраты (%)	Оценка экстерьера (%)				
		кобели (%)	суки (%)		отлично	оч. хор.	хорошо	удовл.	неудовл.
Мильковский	60	75	25	14,8	2,8	—	16,7	36,0	44,5
Усть-Большерецкий	40	59	41	11,7	—	—	34,5	52,0	13,5
Соболевский	20	72	28	20,0	—	—	14,4	42,8	42,8

мотренных охотничьих лаек трех районов центральной и южной частей Камчатского полуострова.

Как видно из таблицы, удельный вес промысловых лаек с хорошим экстерьером в названных районах довольно низок. Обладатели хороших и отличных оценок — это в подавляющем числе завезенные на Камчатку западносибирские и восточносибирские лайки: большинство же местных промысловых собак, особенно в Соболевском районе, характеризуется низкими экстерьерными данными.

Не блещут современные охотничьи лайки Камчатки и полевыми способностями: ведь местное население охоте с ними никогда не уделяло достаточного внимания и собаки не сумели развить и наследственно закрепить в себе хорошие охотничьи качества. Что касается завезенных лаек, то они сразу же зарекомендовали себя хорошими работниками, вызвали у местных жителей стремление любой ценой приобрести породную собаку. Так, например, охотник-пенсционер из с. Лазо Г. М. Ивлев, промышляя с местными собаками, особой удачей никогда похвастаться не мог. В прошлом году он приобрел породную западносибирскую лайку и в первый же сезон белковья производительность труда у него возросла втрое.

В недавнем прошлом местных охотничьих собак специализировали преимущественно по медведю и копытным; других охот с лайкой не практиковали. В последнее же время, в связи с массовым распространением соболя, камчатские охотники стали значительно шире использовать собак на промысле этого ценного зверька. Поэтому сейчас в основном специализация всех охотничьих собак идет по соболю. В Мильковском районе промысловики специализируют своих собак по белке; их заветная мечта — собаки, работающие по медведю, но таких здесь очень мало.

Роль собаки при добыче соболя сводится в основном не к розыску следа и загону зверька на дерево, а к указанию места, где он затаился. Этот способ связан с традицией местных охотников самостоятельно тропить по следу и обрывать его с помощью собаки лишь в последний момент, чтобы она указала точное местонахождение укрывшегося зверька. В условиях многоснежных камчатских зим охотники широко используют собаку для розыска капканов, сдвинутых попутным ветром и занесенных снегом. Незначительная часть охотников применяет собак для охоты на водоплавающую дичь и лисицу. Большинство охотничьих собак используется на Камчатке и как ездовые.

Поскольку роль охотничьей собаки на Камчатке в последнее время стала возрастать, местные охоторганизации приняли практические меры для улучшения промыслового собаководства: начали завозить породных лаек в Мильковский,

Большерецкий, Соболевский и другие госпромхозы; организовали кинологические экспедиции для выявления качественного состава местных промысловых собак и разработки рекомендаций хозяйствам по его улучшению. Усть-Большерецкий райисполком принял решение об обеспечении местных охотников породными лайками; Соболевский и Большерецкий госпромхозы посвятили лайке специальные приказы. В то же время надо прямо сказать, что в целом руководство этой отраслью, особенно со стороны спортивно-охотничьих организаций, оставляет желать лучшего.

Несмотря на ее второстепенную роль на промысле, камчатские охотники питают к собаке большое уважение, еще более возросшее с расширением охоты на соболя. Надо отдать им должное: содержат они охотничьих (и ездовых) собак на привязи. Вязки же, к сожалению, преобладают вольные и лишь немногие охотники, создав племенные гнезда, стараются вести «свою породу».

Для подъема собаководства прежде всего необходимо, чтобы все местные охотничьи и советские организации смотрели на улучшение промыслового собаководства как на неперемное условие увеличения производительности труда охотников. В первую очередь должны быть осуществлены: подготовка специалиста-кинолога из числа охотоведов управления охотничье-промыслового хозяйства и назначение его ответственным за общее руководство работой по разведению породных лаек в госпромхозах; плановый систематический завоз породных лаек в районы, богатые соболями; внедрение в госпромхозах (применительно к местным условиям) материального стимулирования охотников, разводящих породных лаек и обеспечивающих ими других промысловиков своих и соседних хозяйств. Необходимо также решить в областных советских и партийных организациях вопрос о плановом лове малоценной озерной рыбы, заготовке мяса нерпы и выделении фондов дешевых мучных кормов держателям племенных гнезд, разводящим породных лаек для госпромхозов.

На областное общество охотников необходимо возложить всю работу по собаководству среди любителей г. Петропавловска-Камчатского, а в каждом госпромхозе назначить лицо, ответственное за разведение породных лаек в своем хозяйстве, т. е. за учет собак, составление планов вязок и организацию племенных гнезд, за распределение между охотниками полученных в племенных гнездах породных щенков, ведение и выдачу племенной документации, организацию обмена племенным материалом с другими хозяйствами области, за организацию выводов и полевых испытаний.

ВЕРХНЕЕ ЧУТЬЕ — способность собаки причувствовать птицу или зверя поверху, не опуская носа вниз, к следу; признак хорошей чутливости собаки

ВЕРХОВАЯ СЛЕЖКА — умение лайки отыскивать и преследовать пушистого зверька, идущего верхом; ценное рабочее качество лайки, заметно повышающее добычливость охоты с ней. Лайки, не обладающие В. С., легко упускают зверька.

ВЕРХОЧУТ — собака, обладающая верхним чутьем (см.); гончая В. на гону не придерживается строго гонного следа зверя, а идет параллельно, порой на значительном расстоянии от него, поэтому возможны частые сколы. Однако сколовщины, гончая В. быстрее выправляет след или прихватывает непосредственно ваиах запавшего зайца. **ВЕРХОЧУТОСТЬ** — манера работы собаки, но отнюдь не какое-то особое свойство ее чутья.

ВЕСЕЛАЯ — гончая, быстро и охотно выполняющая все команды, все свои обязанности. В. собака весела в рыску, ползает и поиске.

ВЕСТИ ЗВЕРЯ — гнать зверя по следу, непрерывно отдавая голос (о гончих).

ВЗАСКАЧЬ — свойство борзых ловить зверя обходом, т. е. опередив его, с головы.

ВЗБУДИТЬ, ПОБУДИТЬ, СТРОНУТЬ зверя — спугнуть, поднять зверя с лежки.

ВЗДЕРНУТАЯ НА НОГАХ — высоконогая собака.

ВЗМЫТЬ МИМО ЗВЕРЯ — приспеть к зверю, пронестись мимо, не сделав попытки схватить его (о борзой).

ВИЛАЯ ПСОВИНА — длинная, неволнистая и без вавитков шерсть псовой борзой, висящая прямыми прядями.

ВИСЕТЬ НА ХВОСТЕ — преследует зверя, быть от него на очень близком расстоянии (о гончих, реже о борзых).

ВИСЛОЗАДАЯ — собака со скошенным крупом.

ВИСЛОУАЯ — собака с непомерно длинными (для своей породы) висящими ушами.

В КОВЕЛИНЫХ ЛАДАХ — сука, похожая телосложением на кобеля.

В КОМКЕ — лапа собаки с плотно сжатыми пальцами (в отличие от распушенной лапы).

В КУЧКУ! — окрик доезжачего или выжлятника, требующего, чтобы гончие сбились в тесную кучку.

ВЛЕПИТЬСЯ — вцепиться в зверя (о борзой собаке).

В НАПУСКУ — число гончих, составляющих рабочую стаю.

ВОДОЛАЗ, НЬЮФАУНДЛЕНД — английская порода крупных (рост до 75 см, вес до 60 кг) черных или чернопестрых собак, выведенная на о-ве Ньюфаундленде. Применялась рыбаками для вытаскивания сетей из воды, для спасения утопающих, для караульной службы. В конце пр. века иногда использовалась английскими охотниками для подачи из воды убитых уток и подранков.

ВОДНАЯ СОБАКА — прежде (до конца XIX в.) собирательное название всех длинношерстных легавых, охотно шедших в воду, а также специализированных пород, применявшихся для доставания битой и раненой птицы из воды.

ВОЗЗРИТЬСЯ, ЗАЗРИТЬ — заметить, пометить зверя (о борзой собаке).

О психологической подготовке стрелка

А. ЕГОРОВ,
кандидат педагогических наук
Н. КОМАРОВ,
мастер спорта СССР,
заслуженный тренер РСФСР

Многие тренеры и стрелки считают: для того чтобы хорошо стрелять, надо обязательно стрелять много. Этот принцип спортивной тренировки в стрельбе по летящим мишеням они зачастую кладут в основу методики подготовки спортсменов высокого класса. Само по себе увеличение так называемого настрела, представляющего собой способ реализации соответствующих функциональных возможностей организма спортсмена, направлено главным образом на формирование у стрелка специальной (стрелковой) выносливости. Но это обстоятельство может увести в сторону от решения задачи технического совершенствования, если не будут в должной мере методически учтены психологические аспекты процесса формирования и совершенствования умений и навыков стрелка.

Разумеется, степень преднамеренности и систематичности соответствующих методических приемов зависит от уровня осведомленности тренеров и стрелков в вопросах психофизиологии технического совершенствования спортсмена вообще и совершенствования в стрельбе по летящим мишеням в частности. Что касается последнего, то следует отметить, что в специальной литературе не освещаются в должной мере психофизиологические основы повышения эффективности стрельбы. Это обстоятельство и явилось поводом к написанию настоящей статьи, имеющей целью в какой-то мере раскрыть возможные психологические резервы к повышению технического мастерства в этом виде стрельбы.

Выстрел — основное упражнение стрелка по летящим мишеням — относится к категории зрительно-моторных реакций. Эти реакции возникают в ответ на появление в поле зрения летящей мишени и длятся менее одной секунды, представляя собой действия с весьма ограниченными возможностями в сознательной коррекции. На круглой площадке они протекают по типу простых зрительно-моторных реакций (поскольку направление полета мишеней заранее известно стрелку и является всегда постоянным — из вышки или будки), а на траншейной площадке они проявляются как сложные реакции выбора, ибо стрелок с равной вероятностью ожидает на каждом стрелковом месте появления мишени с одного из трех основных направлений: направо, налево, в угон. Во всех случаях эти действия представляют собой реакцию на движущийся объект, поскольку финальное усилие стрелка (нажатие на спусковой крючок) происходит в момент достижения мишени определенной зоны в пространстве. Эти действия входят в разряд так называемых реакций слежения.

Процесс слежения может осуществляться с одной стороны как сопровождение, то есть стрелок «догоняет» стволами ми-

шень, выходя на ее траекторию позади мишени, а затем «обгоняет» мишень на нужное упреждение (наиболее квалифицированные стрелки ведут ружье, не следуя по траектории ее полета, а по кратчайшей прямой в точку прицеливания с учетом необходимого упреждения. — Ред.) В этом случае стрелок направляет стволы ружья в предполагаемое место встречи мишени со снарядом дробы. Удельный вес этого элемента в реакции стрелков различной квалификации неодинаков — у стрелков высокой квалификации он преобладает. Об этом свидетельствуют данные наблюдения за особенностями движения стволов ружья в ходе осуществления выстрела, впечатления самих стрелков, а также хронометраж времени реакции, затрачиваемого на производство выстрела. В частности, время этой реакции у начинающих стрелков значительно больше, чем у стрелков высокой квалификации (соответственно от 0,6 до 1,00 и более сек. против 0,40—0,50 сек.), что в сочетании с данными наблюдений и бесед со стрелками свидетельствует о наличии элемента сопровождения (выцеливания) в действиях одних, весьма слабой выраженности его у других, отсутствии его у третьих.

Последнее весьма убедительно подтверждается фактами эффективного отстрела мишеней, поданных из будки на круглой площадке, с восьмого стрелкового места спортсменами высокой квалификации. В данном случае ни о каком сопровождении мишени и речи быть не может. Здесь выстрел совершается почти целиком на основе предвидения или предвосхищения стрелком в период подготовки к выстрелу момента встречи дробового снаряда с мишенью во времени и пространстве.

Из сказанного явствует, что техническое совершенствование стрелка имеет своим объектом не только его физические действия с ружьем в процессе выстрела, но и предполагает развитие у него специфической функции — предвидения или предвосхищения (экстраполяции). В основе этой функции лежат знания стрелком особенностей баллистики дробового выстрела и умение определять величину упреждения при различных пространственно-временных характеристиках полетов мишеней, специфическая наблюдательность и память на особенности полетов мишеней в данной конкретной обстановке (особенности данного стрельбища, погодные условия и др.) и в связи с этим определение собственных действий, способность к оценке своих действий в микроинтервалах времени.

Оставляя пока в стороне вопрос о методических путях формирования и совершенствования этой функции, рассмотрим возможности реализации ее в ходе конкретного выстрела. Как уже указывалось выше, реакция выстрела краткотечна и почти исключает вмешательство сознания. Следовательно, возможности

КОГДА ЖЕ БУДЕТ ВЕЗДЕХОДНЫЙ ТРАНСПОРТ?

Многие читатели спрашивают редакцию: где можно купить легкий снегоход, амфибию, вездеход небольшого размера или достать подробные чертежи этих машин, чтобы самому построить их. Читатели также интересуются, как следует рассчитывать мощность мотора, движителя (воздушного винта, гусеницы и т. п.).

В настоящее время наша промышленность не выпускает снегоходных и вездеходных машин или амфибий индивидуального и мелкогруппового пользования, хотя конструированием, изготовлением образцов и их испытанием занимаются отдельные организации. К ним принадлежат, например, Горьковский политехнический институт им. Жданова, а также научное-исследовательский автомобильный и автомоторный институт в

Москве, различные конструкторские бюро авиационной промышленности и технических вузов.

Известно несколько удачных конструкций легких вездеходов, мотонарт (снегоходов) и амфибий, хорошо идущих по снежному покрову, по траве, мелкому кустарнику и плавающим по любым рекам и озерам по принципу глиссера. Эти машины на испытаниях в весьма сложных условиях показали себя с положительной стороны и могут быть приняты в серийное производство. Однако не известно, кто будет заказчиком этих машин, сколько их нужно выпустить и на каком заводе их следует изготовлять. В силу этого вопрос о промышленном выпуске вездеходного транспорта до сих пор не решен.

сознательной части. Внешняя ее сторона включает в себя следующие элементы: занятие стрелком нужной позиции на номере, приведение ружья в готовность к выстрелу, принятие исходного положения на старте и отдача команды на выстрел мишени. Внутренняя же ее сторона как раз и заключается в создании предпосылок к успешной реализации упомянутой функции экстраполяции в ходе выстрела, а также в подготовке моторного звена реакции.

Поясним сказанное на примере действий высококвалифицированного стрелка на траншейной площадке. Как уже говорилось, стрелок, стоя на номере, ожидает появления мишени одного из трех равновероятных направлений. Если же учесть, что на каждом номере (а их на площадке, как известно, пять) в связи с различием вертикальных и горизонтальных углов выстрела имеются свои характерные особенности полетов мишеней каждого из основных направлений, то, строго говоря, стрелок каждый раз стоит перед выбором одного из пятнадцати, а не трех возможных направлений полетов. Основываясь на положениях теории информации и экспериментальной психологии, можно полагать, что в таком случае стрелок затратит значительно больше времени на обработку большего количества информации в ходе определения траектории полета мишени, чем если бы он действительно стоял перед выбором одного из трех возможных направлений полета мишени.

Однако это положение распространяется в основном на новичков. Опытный стрелок значительно быстрее ориентируется в направлении полета мишени в силу того, что в ходе подготовки к выстрелу он действительно ограничил число альтернатив выбора из пятнадцати до трех, отбрав из своей памяти единственно возможные, характерные для данного стрелкового места полеты мишеней, и определяет особенности собственных действий. В соответствии с этим возникают и особенности его стойки: там, где ожидают полет (низкие) полеты мишеней, стволы ружья будут наклонены относительно линий горизонта несколько ниже, чем в случае ожидания крутых (высоких) полетов. Помимо того, что этим избирательно приводятся в состояние готовности соответствующие двигательные рефлексы, создаются также (за счет рациональной стойки) условия для возможно более раннего восприятия момента вылета мишени и сокращения пути прохождения стволами ружья до момента выстрела.

Принятие стрелками исходного положения предполагает также подготовку к бинокулярному (т. е. с обоими открытыми глазами) прицеливанию. Такого рода прицеливание имеет целый ряд преимуществ перед монокулярным (т. е. с одним закрытым глазом). Оно обеспечивает стрелку большее поле зрения, а следовательно, возможность увидеть больший участок возможной траектории полета мишени при неподвижном зоре. Оно обеспечивает также возможность тонкого различения угловых характеристик полетов мишени (глубинное зрение), а это весьма существенно в деле определения направления полета мишени (дает более правильную ориентировку стрелка по скорости перемещения мишеней. — Ред.). Наконец, бинокулярное прицеливание обеспечивает и большую (по сравнению с монокулярным) остроту зрения, а следовательно, предполагает большую реактивность соответствующих отделов коры больших полушарий при действии раздражителей равной интенсивности. Следовательно, опираясь на закон силы действия раздражителя, мы вправе полагать, что у стрелка в случае бинокулярного прицеливания возникает более быстрая и интенсивная реакция.

Раскрывая содержание подготовительной части выстрела в изыскании возможностей повышения эффективности выстрела, нельзя обойти молчанием вопрос о влиянии темповой и силовой характеристик подготовительных действий стрелка, а также интонации его голоса при отдаче им команды на быстроту и интенсивность двигательного звена его реакции на появившуюся

мишень. В специальных экспериментах было доказано наличие последствия (длящегося 3—5 сек.), заключающегося в произвольной тенденции субъекта выполнять последующие движения аналогично предыдущим по их силе-темповой характеристике. Было также доказано, что энергичная подача команды голосом на включение сигнальной лампы сопровождается более быстрой реакцией на свет этой лампы, чем в случае отдачи вялой (или чрезмерно энергичной) команды. И действительно, в практике квалифицированных стрелков имеют место случаи преднамеренного замедления или ускорения своих движений, усиления или ослабления мышечных усилий при переходах (с номера на номер, перезарядки ружья и др.), а также случаи изменения интонации голоса при отдаче команды с целью воздействовать на характер своих движений в ходе выстрела (сделать поводку ружья более плавной или более резкой).

Таким образом, подготовительная часть к производству выстрела таит в себе несомненные возможности для повышения эффективности выстрела, но степень полноты реализации этих возможностей зависит, во-первых, от уровня развития у стрелка специальной наблюдательности, памяти, чувства времени и др., во-вторых, от объема и содержания специального зрительно-двигательного опыта, в-третьих, от понимания стрелком значения этой подготовки, знания им того, что он должен делать и от умения делать это.

Из сказанного следует, что увлечение только лишь максимально возможным количеством выстрелов (настрелом. — Ред.) приведет к достижению высокой стрелковой выносливости, но ни в коем случае не решит задачу технического совершенствования стрелка.

Следует признать, что значительная (если не основная) часть работы в деле технического совершенствования стрелка должна производиться до выстрела и без выстрела, в процессе так называемой «комнатной» тренировки, когда закладываются основы навыков стрелкового действия, в упражнениях на стрельбище с незаряженным ружьем; во время работы на тренажерах (к сожалению, пока что существующих лишь в виде единичных опытных экземпляров); в процессе участия в подвижных и спортивных играх типа лапты, баскетбола, тенниса, волейбола и др., предполагающих наличие в действиях спортсмена элемента предвосхищения или предвидения (экстраполяции), важное значение которого для стрелка в период изучения баллистики дробового выстрела изложено выше. Эта работа совершается также при наблюдении за особенностями полетов мишеней с целью максимального запоминания их с учетом фона местности, погоды (ветер, дождь, туман и др.); при определении возможных размеров и особенности упреждения в момент воображаемого выстрела (идеомоторная тренировка), а также в период подготовки к выстрелу, о чем говорится в настоящей статье.

Самый же выстрел должен являться логическим завершением всей этой подготовки и средством проверки ее. К сожалению, такого рода работа нередко протекает без должного контроля и участия тренера (во многих случаях, когда тренер участвует, он по уровню своей подготовки очень далек от понимания всего этого. — Ред.) и включает в себя далеко не все из вышеназванных пунктов. Этому в немалой степени способствует то обстоятельство, что до сих пор этот олимпийский вид спорта выпал из поля зрения физиологов и психологов по спорту, а стрелково-охотничий спорт в целом не имеет серьезно разработанной методики тренировочной работы со стрелком.

Настоящей статьей авторы рассчитывают доказать ошибочность мнения тех, кто полагает, что для того, чтобы иметь высокие спортивные результаты, надо как можно больше стрелять. Кроме «настрела», существуют и другие не менее важные и эффективные действия стрелка и тренера, обеспечивающие высокое мастерство стрелка по летящим мишеням,

УДК 799.2

Это обстоятельство заставляет отдельных граждан конструировать самодельные мотосани или амфибии, используя металлический лом, восстанавливая списанные в утиль моторы и другие материалы. Не приходится говорить, сколько энергии и времени затрачивает энтузиаст-мастер, пока его замыслы получат воплощение в виде действующей машины.

Учитывая это, журнал «Сельский механизатор», выпускаемый издательством «Молос», опубликовал и публикует статьи для лиц, имеющих слесарные навыки и желающих построить своими силами снегоход или амфибию. Так, например, в 1963 г. в журнале были опубликованы следующие статьи: «Аэросани делаем сами» (№ 2), «Мотоцикл на лыжах» (№ 9);

в 1964 г. — «Подбор воздушных винтов» (№ 10); в 1965 г. «Аэросани построили сами» (№ 11), «Аэросани» (№ 12); в 1966 г. «Снежный вездеход» (№ 1), «Аэросани по формуле» (№ 3), «Любители мотосаней интересуются» (№ 5 и 6); в 1968 г. «Мотоснегоходы» (№ 6), «Винты для аэросани» (№ 9), «Аэросани амфибии НЭТИ-2» (№ 11); в 1969 г. «Аэросани сельских умельцев» (№ 2).

В местных библиотеках можно найти комплекты этого журнала за прошлые годы.

В заключение следует сказать, что еще в прошлом году были приняты соответствующие решения об испытании опытных образцов мотонарт для охотников района Крайнего Севера, сконстру-

ированных научно-исследовательским автомобильным и автомобильным институтом и Горьковским политехническим институтом, и об организации производства таких транспортных средств. Испытания были проведены в апреле 1968 г. Весь отчетный материал об испытаниях был сдан в Министерство автомобильной промышленности СССР и этим дело ограничилось. До сих пор это министерство не представило предложений об организации производства мототранспортных средств, чрезвычайно необходимых охотникам.

Э. ВЛАДИМИРОВ

В. И. Ленин с племянником Виктором в Горках.
1922 г. август — сентябрь.

В письмах Ленина к родным * имеется ряд сообщений об охотах Владимира Ильича в период ссылки в село Шушенское. Для охотников эти строки поистине драгоценны.

В первом же письме, посланном своей матери, М. А. Ульяновой, 30/V 1897 г. ** вскоре после приезда в Шушенское, Ленин дал картину места ссылки и тут же упомянул об охоте:

«...Шу-шу-шу — село недурное. Правда, лежит оно на довольно голом месте, но недалеко (версты $1\frac{1}{2}$ —2) есть лес, хотя и сильно повыврубленный. К Енисею прохода нет, но река Шушь течет около самого села, а затем довольно большой приток Енисея недалеко (1 — $1\frac{1}{2}$ версты), и там можно будет купаться. На горизонте — Саянские горы или отроги их; некоторые совсем белые и снег на них едва-ли когда-либо стает. Значит и по части художественности кое-что есть, и я не даром сочинял еще в Красноярске стихи: «В Шуше, у подножья Саяна...», но дальше первого стиха ничего, к сожалению, не сочинил!

...Здесь, видимо, недурная охота. Вчера ездил верст за 12 и стрелял и по уткам и по дупелям. Дичи много, но без собаки и притом такому плохому стрелку, как я, охотиться довольно трудно. Есть даже дикие козы, а в горах и в тайге (верст за 30—40, куда ездят иногда охотиться местные крестьяне) есть белка, соболь, медведь, олень».

В письме от 24/X 1897 г. (к тому же адресату) Владимир Ильич уже более подробно сообщает о своих охотах:

«Охотой я все еще продолжаю заниматься. Теперь охота гораздо менее успешна (на зайцев, тетеревов, куропаток — новая еще для меня охота, и я потому должен еще привыкнуть), но не менее приятна. Как только вывернется хороший осенний денек (а они здесь нынешний год не редки), так я беру ружье и отправляюсь бродить по лесу и по полям. Ходим большей частью вместе с Проминским ***; беру хозяйскую собаку, которую я приучил ходить с собой и которая имеет некоторые (небольшие, правда) охотничьи способности. Завел себе свою собаку — взяв щенка у одного здешнего знакомого, и надеюсь к будущему лету вырастить и воспитать его: не знаю только, хороша ли выйдет собака, будет ли чутче. — Распознавать это я не умею, а по происхождению моего «Пегаса» составить вполне определенного мнения о его качествах нельзя...»

Той же осенью, 31/X, Ленин в письме к матери и сестре Марии Ильиничне опять возвращается к своим охотничьим прогулкам.

«...Погода приходит зимняя, давно уже мы закупились за двойными рамами, топим печи и т. д. Впрочем, большие холода еще впереди, а до сих пор преобладали осенние денки, когда можно с удовольствием пошляться с ружьем по лесу. Я и зимой, вероятно, не оставлю этого занятия. Зимняя охота, напр., на зайцев — не менее интересна, чем летняя, и я отношу ее к существенным преимуществам деревни».

Однако сибирская зима с ее трескучими морозами и глубокими снегами очень затрудняла охоту, на что Владимир Ильич жаловался (матери и сестре) в письме от 8/1 1898 г.:

«...После одного дня, когда мороз доходил, говорят, до 36°R (недели полторы назад) и после нескольких дней с мятелью («погодой», как говорят сибиряки), установились очень теплые дни, и мы охотимся очень усердно... хотя и очень несчастливо. Зимой какая уж тут охота! Прогулки зато приятные...»

В письме (от 10/XII 1898 г.) к матери и брату Дмитрию Ильичу Ленин обстоятельно делится с братом своими сибирскими охотничьими впечатлениями:

«...Зайцев здесь я бил осенью порядком, — на островах Енисея их масса, так что нам они быстро надоели. Проминский набил их несколько десятков, собирая шкурки на шубу.

Конечно, на тетеревов и куропаток охота интереснее, но только трудна она. Молодых тетерек в июле **** я еще пострелял немного, а теперь за ними ездят на лошади с винтовками: пешего охотника зимой тетерева не подпускают (за самыми редкими исключениями). На куропаток нужна (осенью) хорошая собака, — моя же Дженинн либо молода еще, либо плоха...

Будущее лето надеюсь поохотиться побольше, — работы будет меньше, собака попривыкнет, затем последнее (надеюсь) лето в Сибири».

Позднее в письме Д. И. Ульянову (от 7/II 1899 г.) Владимир Ильич просит приобрести ему ружье (централку). Ниже при-

* В. И. Ленин. Письма к родным. 1894—1919. Государственное издательство. Л. 1931.

** Даты писем приводятся по современному (новому) стилю.

*** Проминский И. Л. (1859—1923), рабочий, польский социал-демократ, впоследствии — член ВКП(б). В 1895 г. был сослан в Восточную Сибирь и отбывал ссылку в с. Шушенском.

**** Охота разрешалась тогда как на водолавающую, так и на лесную дичь с Петрова дня (29 июня по ст. стилю).

ОХОТА ЛЕНИНА В ШУШЕНСКОМ

(По письмам к родным)

Охотники П. Т. Строганов, И. А. Зырянов, М. О. Ермолаев, с которыми В. И. Ленин охотился во время пребывания в ссылке в 1897—1900 гг. в Шушенском.

водится часть письма, относящаяся к покупке ружья. Здесь ярко проявилась способность Ленина исчерпывающе и до конца разрешать любой интересующий его вопрос.

«Получил твоё письмо по ружейной части и спешу ответить, не дожидаясь обещанного преysкуранта. Дело в том, что у меня есть преysкурант оружейного магазина И. Шенбрунера (Старый газетный переулоч, между Тверской и Никитской, д. Толмачева), присланный мне прошлой зимой Марком. В этом преysкуранте особенно подходящими мне показались централки Авг. Франкотта в Люттихе — стр. 6—7 (45—55 р., чок-бор — кстати, верно ли, что «чок» увеличивает кучность и резкость боя, как заявляет прескурант и как слышал от охотников? Если правда, то это, должно быть, очень удобная вещь, — калибр 12 и 16, вес около 7½ ф.) — и еще стр. 22, легкие ружья той же фирмы 6½ ф., ствол не 17, а 14½ вершков, тоже чок-бор, 65 р., калибр 12*. Ты спрашиваешь о калибре и весе. У меня был калибр 12, и остались патроны (медные) этого калибра (фабрики Е. Торбек; платил я 12 к. за штуку); величина отверстия**.

Впрочем, вероятно, патроны придется взять новые (25 штук достаточно, я думаю, медных), ибо патроны должны вполне точно подходить к ружью. Так что выбери уже калибр и вес сам: это не так важно, лишь бы бой был хорош (разумеется, при прочих равных условиях, легкое ружье предпочтительно: может быть, и в самом деле лучше стволы «поздоровее» — прошустовать можно в крайнем случае, и не так легко сломается или погнется. Я-то избаловался с легонькой Берданкой!). Особенно меня заинтересовало объявление Шенбрунера об условиях продажи ружей: «Выбор по бою делает сам покупа-

тель, присутствуя при пробе ружья, или магазин» (стр. 3), и об особой плате за пробу — ни слова! Уж, конечно, магазину нельзя доверить выбора и необходимо испробовать самому и взять мерку* и пробные листы. Только странно, что пробуют «на 50 аршин» (стр. 3. NB)! Что за дьявольщина, — да какую же это дичь можно на 17 сажень бить? Я пробовал всегда свое ружье на 25—3 сажень. Впрочем, может быть, это зависело от моей неопытности. Если ты «созовешь консилиум» (ого!), так уже все, наверное, будет взвешено. Крайне удивило меня, что пересылку ружья Шенбрунер считает по весу 35 фунтов (sic! стр. 108 — «в отдаленность»). Ведь это безобразие — 17½ руб.! Вес ружья 7½ ф., значит 4 р., на ящик (ты пишешь) около 2 р., — так и выходит около 7 р., как я тебе писал и как мне в Минусе говорили. Не лучше-ли самому заказать ящик и послать? Машинку для набивания патронов — самую простую (у меня в 1 р. 75: для выбивания патронов простое шило в конце палочки. По преysкуранту Шенбрунера, стр. 75, рис. № 133, «простые здешние» — 1 р. 75). Ягдташ не нужно (когда убью, так уж принесу и на простой веревке!), патронташ у меня есть — солдатский ящик (кожаный) на 12 патронов, а остальные 8—9 в карман; погон тоже есть — только колечко для него лучше вставить в магазине, буде это делается.

Как это ты пишешь: «Пистоны соответствующего калибра»? ведь пистоны одинаковых размеров для всех централок? Выдавливаю наверху мерку своего пистона**; если не одинаковы, — надо прислать, конечно, сот пять, а то и больше: здесь кроме таких, как у меня, не найти.

Насчет пыжей — я употребляю просто бумагу газетную и считаю покупку их ненужной роскошью. Если это неверно, т. е.

* 12 калибр великоват; пожалуй, 16 — лучше. Есть и подешевле; 49 р. (стр. 10), 35 р. (стр. 14, рисунок № 18, без чок-бор). Коли бьет хорошо и вообще надежное ружье, то и это ладно. Я за отдалкой совсем не гонюсь. (Сноска В. И. Ленина).

** Здесь карандашом обведен кружок.

* Мерку очень удобно бы взять, если в магазине пристреливают ружье, а то с этой меркой больно возни много. (Сноска В. И. Ленина).

** Здесь Владимиром Ильичем проведена стрелка и на полях обведен карандашом кружок по размеру пистона.

если пыжи важны для боя, и если стоят они, действительно, недорого (как ты пишешь), — тогда пришли либо пыжей, либо зысечку для пыжей (в преискуранте, стр. 92 — 75 к.; я слышал, что это — удобная вещь. Напиши, если ты употребляешь ее, какой берешь картон). Чехла покупать особо не стоит, — у меня остался простой, старый, — данный мне в магазине (Красноярском) при ружье*. О металлических щетках мне говорил один товарищ, что они очень полезны.

Ну, кажется, все? Если подержанное ружье испытанного боя и без всяких дефектов в стволе, то, конечно, стоит взять... Торопиться особенно нет надобности, т. е. чтобы к 1. III, ладно и к концу марта.

Получив ружье, Владимир Ильич писал матери (23 апреля 1899 г.):

«...Ружьем я доволен (пока погода стоит дурная: обычные в этой местности весенние шквалы — сильнейшие ветры из-за Енисея, так что охоты почти не было). Заряды в 2³/₄ мерки мне показались велики, — отдаёт ружье, и я стал класть 2¹/₂ мерки. Не понимаю, как в магазине могли класть 3 деления! Лучшего боя из левого ствола не мог пока заметить, — может-быть оттого, что слишком на далекое расстояние пробовал, шагов на 60, около 30 сажен.

Если поедете сюда, возьмите с собой гладкого черного тюля на сетки от комаров: я без сеток здесь не могу ходить. Место кругом довольно таки болотистое. Затем захватите, пожалуйста, мне еще штук 200 пыжей для пороха и для дробы (такие же, какие прислал Митя. Здесь их нет, а вещь эта очень легкая и укладистая).

На Пасху думаю предпринять охотничью поездку в более хорошие места.

В письме от 21/V 1899 г. Ленин писал матери:

«На этих днях здесь была сильнейшая «погода», как говорят сибиряки, называя «погодой» ветер, дующий из-за Енисея, с запада, холодный и сильный, как вихрь. Весной всегда бывают здесь вихри, ломающие заборы, крыши и пр. Я был на охоте и ходил в эти дни по бору, — так при мне вихрь ломал громаднейшие березы и сосны...»

Последнее упоминание об охоте имеется в письме Владимира Ильича к матери от 13/VIII 1899 г.:

«...Погода теперь установилась вполне летняя. Жары стоят сильные и несколько мешают охоте, на которую я налегаю тем сильнее, что скоро ей, пожалуй, и конец». (Приближается конец ссылки. — Ред.).

Н. К. Крупская, делившая с Лениным ссылку в Шушенском, тоже касалась иногда в своих письмах к матери Владимира Ильича его охотничьих скитаний.

Так, в письме от 7/IX 1898 г. Надежда Константиновна общалась:

«...усердно собираем грибы, рыжиков и груздей у нас куча. Володя сначала заявил, что не любит и не умеет грибов собирать, а теперь его из лесу не вытащишь, приходит в настоящий «грибной раж»... Пока он только усердно ходит на охоту. Вот и сейчас свои охотничьи доспехи налаживает. Бьет тетерек, а мы все их едим и подхваливаем...»

В письме же от 23/IX 1898 г. Надежда Константиновна так описывает одну из прогулок шушенских ссыльных:

«...Теперь охота на тетерек и куропаток — это птицы благородные, за ними не надо лезть в болото, как за какими-нибудь утками... куропаток раз видели штук 20: ехали на дорогах — вся колония Шушенская, вдруг по обеим сторонам дороги поднялся табун куропаток, что тут с нашими охотниками поделалось, Володя даже застонал как-то, успел все-же прицельиться, но куропатка не улетела даже, а просто ушла».

В другом письме (26/X 1898 г.) читаем:

«...У нас уже зима, наша Шушенка замерзла и снег уже был, но сошел. Холод порядочный (градусов 5), что не помешало Володе закатиться сегодня на охоту за зайцами на остров, на целый день, он в этом году ни одного зайца не уничтожил еще...»

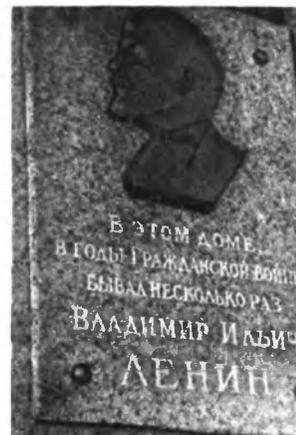
Живя в Шушенском, Ленин много, напряженно и углубленно работал, написав за три года (1897—1899) ряд замечательных работ, среди которых были, в частности, «Задачи русских социал-демократов», «Перлы народнического прожектерства», «Экономические этюды и статьи», «Развитие капитализма в России».

Работа требовала больших затрат душевных и физических сил, их возвращал и укреплял отдых в природе, и в первую очередь охота, которую, как об этом свидетельствуют приведенные здесь отрывки из писем, Ленин по-настоящему ценил и любил.

* Будет ли годен чехол от одностволки? Впрочем, дешево, я думаю, будет сшить здесь, а в магазине лупят больно дорого. (Сноска В. И. Ленина).

На снимках: дом в Минине, где останавливался В. И. Ленин, и мемориальная доска, установленная на этом доме. Надпись на ней гласит: «В этом доме в годы гражданской войны бывал несколько раз Владимир Ильич Ленин».

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

А. ТРУХАЧЕВ

Живет в селении Часовня близ г. Павловский Посад пенсионер Александр Иванович Хромов. В его скромном деревянном доме часто бывают гости, особенно школьники. Приходят ребята и из соседнего Орехово-Зуевского района. У Александра Ивановича завязываются с ними оживленные беседы.

Этому человеку есть что вспомнить и рассказать. Он дважды встречался с Владимиром Ильичем Лениным. Где и как это было? Предоставим слово самому А. И. Хромову.

— После окончания гражданской войны работал я лесником Карповского лесничества, что находится неподалеку от Часовни. Однажды в начале лета 1921 г. шел я в обход и на полянке около лесного пруда встретил несколько человек с ружьями. Сразу признал среди них двух знакомых охотников — Петра Малышева из Минино и Гавриила Тарасова из Шибанова.

Когда я подошел поближе, то знакомым показался мне еще один из охотников. Портреты Владимира Ильича я много раз видел в газетах. Только как-то сразу не верилось, что так вот, запросто, встречу вождя мирового пролетариата на своем лесном участке. Но это был Ленин. Вместе с ним на охоту приехал Николай Васильевич Крыленко.

Охотники отдыхали. Владимир Ильич пригласил меня присесть. Он спросил, как живут крестьяне, в чем нуждаются, заинтересовался моей семьей. Спросил про лесничего, как обходится с лесниками, как моя фамилия. Я ответил, что фамилия лесничего А. М. Славцов, обходится с нами хорошо. А Ильич сказал, что он его знает.

Уместно будет вспомнить еще об одном очень характерном эпизоде. Во время одного из приездов В. И. Ленина в деревню Минино, где он бывал в годы гражданской войны, сын местного жителя Михаила Вербицкого Алеша тяжело болел. Владимир Ильич, узнав об этом, послал своего шофера С. К. Гляя за врачом в Москву.

Вскоре врач приехал и оказал больному помощь. Это был не кто иной, как брат Ленина Дмитрий Ильич Ульянов. Вот какую трогательную заботу проявил великий человек о простом деревенском мальчишке. Таким был Владимир Ильич Ленин всю свою жизнь.

г. Павловский Посад.
Московская область

В ПУЩАХ ПОЛЕСЬЯ

Вл. ХОЛОСТОВ

Рисунки А. ОРЛОВА

Холода стояли до конца марта, обещая скорую и дружную весну. Морозным утром заиндевевшая лошаденка рысцой несла по узкой полевой дороге старые розвальни. Поскрипывал снег под полозьями. Четыре человеческие фигуры застыли в саях.

Впереди, с концами вожжей в окоченевших руках, сидел немецкий солдат в длиннополой серо-зеленой шинели и пилотке, до предела опущенной на уши. На его коленях лежала винтовка с прижатым штыком, то и дело сползавшая в сторону. Второй солдат, закутанный в рваное байковое одеяло, сидел сзади. Конвоиры думали лишь об одном — как бы не замерзнуть окончательно. Перед ними лежала нескончаемая скрипучая дорога, теряющаяся где-то вдаль, в бесконечных лесах белорусского Полесья.

Пленники были одеты теплее немцев. Лежа на боку, Зиновий Бокун скреб подбородком по засаленному ватнику, словно содрать с заиндевевшей бороды сосульку было для него сейчас главным. Его руки и ноги туго связывали веревки. Из-под овчинного полушубка Гели выглядывали большие залатанные валенки, голова тонула в мягком заячьем треухе — повытертом, но все же теплом.

...Партизанский отряд осторожно двигался лесом к селу, в котором бесчинствовал небольшой фашистский гарнизон. Впереди шли командиры отряда — старый хлебобоб Бокун и на широких охотничьих лыжах Геля. Детство и юность ее прошли в лесу. Отец Гели, лесничий, научил ее понимать сторожкую звериную жизнь, безошибочно определять стороны света по мху на деревьях и еще по каким-то им одним известным приметам. Девочка хорошо училась, была организатором частых лесных экскурсий, а в год окончания школы создала на селе комсомольскую ячейку. Когда гитлеровцы вторглись в Белоруссию, по доносу старосты, подозревавшего лесничего в связях с партизанами, в собственной избе был убит отец Гели. Партизаны взяли девушку к себе. Охотничий опыт Гели нередко использовал командир Бокун, когда лесами и болотами нужно было скрытно подойти к противнику и неожиданно ударить по нему.

Геля и Бокун далеко опередили свой отряд. Ничто не предвещало близкой встречи с врагом. На чистом снегу голубели тени деревьев и ажурные строчки мышинных следов. У опушки, с которой через поле должно было открыться занятое фашистами село, глаз Гели уловил в кустах движение: мелькнуло что-то — и снова все тихо. «Заяц, должно быть», — подумала девушка. Но движение повторилось, звякнул затвор винтовки.

— Ложись! — едва успела она крикнуть.

Автоматная очередь разорвала тишину. Послышались крики, треск ломаемых кустов, и сейчас же из-за деревьев на Гелю и Бокуну бросилось несколько гитлеровцев с автоматами. Сдернув со спины винтовку, Геля, не целясь, по-охотничьи, нажала спуск. Заметила, как ближайший солдат остановился и медленно осел в снег. Торопливо передернула затвор. Тупой удар в голову не дал ей выстрелить вторично. Потемнело в глазах, утих шум... Очнувшись, когда фашистский отряд, отстреливаясь, по полю отходил к селу. У околицы торопливо стучал пулемет, и пули повизгивали над головой, снижаясь к опушке, откуда, сухо потрескивая, сыпались выстрелы партизан. Два долговязых немца, подхватив Гелю под руки, поволокли ее к избам...

Сани сильно накренились. Геля вздрогнула: все так же голубело морозное небо, медленно проплывали стороной родные полесские пуши.

— Туда бы, — прошептала она. — Там ищи-свищи!

Правивший лошадей немец дремал. После каждого толчка он вздергивал голову, спотыкался бессмысленным взглядом о заиндевевший круп лошади, и голова снова начинала клониться. «А если...» — дерзкая мысль обожгла Гелю. Сдал, казалось, отнимавший волю мороз. «Иначе расстреляют Бокуну, обязательно расстреляют...» Мысли прыгали в голове, обрывались и возникали

снова. Но девушка уже знала: она обязана спасти командира.

Второй солдат, съездившись, полулежал на краю саней спиной к пленникам. Сбросив варежки, Геля стала развязывать веревки, опутавшие ноги Бокуну. Схваченные морозом руки не слушались. Превозмогая боль и ломая ногти, негибнущими пальцами растягивала она узлы. Правивший лошадей конвоир зашевелился. Геля замерла, спрятав посиневшие руки в сенную труху. Солдат повернулся и, схватив полу ее полушубка, решительно заявил:

— Снимай! — Это слово было хорошо знакомо фашисту. — Снимай! — повторил он еще настойчивей.

Неожиданно для солдата Геля схватила его за руки, и, дернув на себя, бросила на дно розвальней. Винтовка конвоира соскользнула с саней. В тот же миг свободной ногой Бокун нанес ему сильный удар в лицо. Все произошло так быстро, что второй солдат, не успев прийти в себя, оказался сброшенным в снег. Угрожая винтовкой, он принялся освобождать руку от намотанных на нее тряпок. Геля выпрыгнула из саней и подобрала винтовку возницы. Бокун, тяжело ступая отеками ногами, со связанными за спиной руками с трудом поспевал за ней.

Торопливый выстрел полоснул снежное поле. Вторая пуля взметнула снежок у ног девушки. Подстегиваемые беспорядочной стрельбой, увязая и падая в глубоком снегу, Геля и Бокун бежали к недалекой лесной опушке. Заметив, что на порванных в коленях ватных шароварах командира проступает темное пятно крови, девушка остановилась и подняла к плечу винтовку. Брызнуло расщепленное ее пулей дерево саней. Фашисты, точно по команде, бросились в снег. Когда же один из них решился поднять голову, то увидел на снегу лишь две цепочки следов, которые уходили далеко вперед, где сливались в одну и терялись на опушке неприветливой чужого леса.

Вторые сутки лесами шли беглецы. Они знали, что вдаль от большака в Полесье осталось немало сел, деревень, а еще больше лесных заимок, куда, опасаясь партизанских засад, не заходили захватчики. Двигались медленно, часто останавливались. От потери крови и голода Бокун совсем ослаб. Изменили силы и девушка. За двое суток они прошли едва ли двадцать верст. Двигались по утрам: за ночь снег успевал покрыться крепким настом и идти по нему было несравненно легче. Днем же по-весеннему припекало солнце, снега оседали и пробивались по ним среди лесных завалов становилось уже не под силу.

Как-то, уронив в снег ставшую необычайно тяжелой немецкую винтовку, Геля не подняла ее: к чему она, когда в магазине осталось всего один патрон? Но Бокун заставил ее вернуться и подобрать оружие. На одном из коротких привалов он наклонил к себе маленький куст и несколько раз провел ладонью — словно гладил оживающие веточки. Долго глядел и, казалось, не видел заметно набухших почек.

— Скоро, Хелена, глухари запоют. — Бокун вздохнул и отпустил куст. — Весной запахло... Много я их прожил, весен, а вот все же жалко... — Старый партизан не договорил и прямо взглянул в глаза девушке. — Ты, Хелена, тово, иди. А я по твоим следам полплетусь. Винтовку мне оставь...

Этой же ночью девушка тайком от командира вынула патрон из винтовки.

На третьи сутки Геля начала приглядываться к засечкам на деревьях, а к исходу дня беглецы, с трудом раскопав дверь, вползли в приземистую лесную сторожку. В крохотное, с кирпич, оконце заглянул красный закатный луч, и Бокун повеселел:

— До хибарки добрались, доберемся и до своих. Мы, дочка, еще не рассчитались с фашистами. За все выйдем, нам с тобой есть за что, — и, вздохнув, добавил: — Дойти бы только.

— Верст пятнадцать до ближнего села, не больше, — ответила Геля. И подумала: «На дойти, пожалуй, ослабли».

Бокун лежал на низких нарах, не в силах ни пошевелиться, ни ободрить чем-нибудь девушку. При малейшем движении тупая боль напоминала о ране. Трехдневная голодовка отняла у него последние силы.

В сторожке нашлось несколько сухих поленьев, спички, сухарь черного хлеба и комок соли. В иные времена, правда, не огрызок сухаря лежал на притолоке... Мысли Бокун пугались, кружилась голова, разноцветные круги мельтешили в глазах. Дождь шумит по крыше, ветер раздувает огонь в печурке... Это было последнее, что уловил раненый сквозь надвинувшуюся дрему и, превозмогая ее, прошептал:

— Иди, Елена... Одна-то, может, и дойдешь еще. — И полетел в какую-то бесконечную бездну.

Очнулся он ночью. В жарко натопленной избушке стояла тишина. Ни дождь, ни ветер не шумели больше снаружи. Редко, стукнув по земляному полу, падала капля, просочившаяся сквозь низкий потолок. «Спит Елена, а за окном оттепель», — подумал Бокун и улыбнулся. От слабости кружилась голова и было так хорошо лежать, не думая ни о чем, медленно впадая в забытью...

Еле уловимый звук вернул его к действительности. Опершись на локоть, Бокун долго вслушивался в темноту, не понимая, что заставило его вздрогнуть и очнуться. Мягкая глухая тишина по-прежнему царила вокруг. Но звук повторился. Будто провел кто лезвием ножа по брусочку точильного камня. Неясный и едва слышный тревожный звук то возникал, то надолго замирал, растворяясь в непроглядной предутренней темноте. Нужно было быть охотником, чтобы уловить и понять его. И Бокун понял. Замирая и вслушиваясь, протянул он в темноте руку, чтобы разбудить девушку. Дальше и дальше шарил слабая рука, встречая лишь шероховатые, неровные доски нар... Гели не было.

«Бросила, ушла...» — стукнуло и замерло сердце. Холодный пот выступил на лбу. Сразу неприветливой и чужой стала теплая избушка, за посережним оконцем которой занимался тусклый рассвет. Знакомые разноцветные круги поплыли в глазах. Они меняли очертания, сливались в силуэт грузной сварливой птицы, готовой рассыпаться на тысячи синих осколков при одном неосторожном движении зрачков охотника. Но меркли искристые ветви в разгоряченном мозгу, бледнели разноцветные всплески. И вот уже чуть засеревший лес мерещится переставшему бредить обесиленному человеку.

На фоне посветлевшего неба высоко над головой чернеет крона сосны — лохматая и неподвижная в этот рассветный час. И оттуда, из причудливого сплетения колючих ветвей, доносится знакомый звук — еле слышный, заставляющий затаивать дыхание. Будто точит кто-то нож о грубый оселок, водит тонким лезвием взад-вперед по шершавому камню, по неровной, осыпающейся песчинками поверхности бруска.

Упав с темных вершин на пожелтый снег, глухарина песнь кружилась в колючих завалах и, замерев над первой лесной проталиной, обрывалась. И вновь наступала такая тишина, что было слышно, как плавают в темноте смоченные дождем снежинки. И тогда тревожная боровая песнь возникала опять, и между темными стволами виделась еще более темная тень человека.

— Хеленка... — прошептал в забытью Бокун. — Не торопись, доченька, не торопись.

— Не впервой, — казалось, услышал он ее ответ.

Тяжело дыша, девушка прислонилась к дереву. Руки ее дрожали. Потертая ушанка была сбита на затылок: так легко угадать направление, откуда несло прерывистое щелканье. Сердце Гелены утешенно билось. Не раз пропустила она песнь, прислоняя к стволу дерева, не имея сил сделать следующий шаг.

Лес заметно посерел, между ветвей зарозовело небо. На подход к птице оставались считанные минуты. А глухарь замолчал. Охотница стояла недвижимо, стараясь унять сердце: стук его, мнилось, мог вспугнуть мошника и тогда уже беглецам не вырваться из этих бесконечных суровых лесов. Все помыслы девушки, как в фокусе, сосредоточились на темном, огромном ко-

ме, затаившемся где-то в ветвях. Еле приметное движение, хрустнувший под ногой сучок на снегу, — и взорвется, грохоча своей грозной пустотой встанет перед обреченными путниками... Нет, нет: стоять, не двигаться, не дышать... Кружилась голова, ослабевшие пальцы готовы были выронить тяжелую винтовку с единственным патроном в стволе. На миг отодвигалась действительность, в мгновенных наплывах сна мерещились брусничные брови древней птицы и русалочья зеленая чешуя ее цепких лап.

— Стреляй, Хеля, стреляй жель — внятно произнес Бокун и открыл глаза. Сквозь мутное окошечко проникал тусклый свет утра, но в углах избушки еще таилась темень. Геля не вернулась — нары были пусты.

Песнь глухаря почудилась ему рядом, словно над головой. Теперь нужно, не шевелясь, высмотреть в темном сплетенье ветвей птицу, под песню медленно поднять ружье и, затаив дыхание и удерживая дрожь рук, нажать спуск... «Тулочко бы...» — недостижимой мечтой возникло в глазах раненого видение старой охотничьей двустволки. А тут — нескладная винтовка и один единственный патрон. Да и тот унесла с собой девушка. «Дойдет, может...» Опираясь рукой о нары, Бокун поднялся, ступил к двери, шагнул еще раз и не в силах выпрямить подгибающиеся колени опустился на земляной пол, прижался лбом к холодной железной печурке. Задражали морщинистые уголки светлых, выцветших глаз, прозрачная капля скатилась на тонкое железо печки. И глядя, как расплывается капля на буром железном листе, он поймал себя на том, что машинально прислушивается, словно надеясь услышать чьи-нибудь спасительные шаги — шаги, которые вернут его к жизни, к товарищам-партизанам, к семье. Но снова, в который раз, закружилась голова. И, бессильно опустив ее на руки, он услышал весеннюю песню, знакомую одним охотникам.

Выстрел прозвучал неожиданно и близко. Старый партизан вздрогнул: «Преследователи! Хотя... разве они пойдут в глубь лесов?» И Бокун на руках и коленях пополз к двери. Он уже протянул руку к деревянной скобе и замер: снаружи послышались шаги. Секунду спустя дверь распахнулась и в ярком свете утра старик увидел Гелю. В руке она держала огромную коричнево-черную птицу...

Двумя днями позже весенним утром два человека показались на опушке леса. Освещенные солнцем, они долго стояли на пригорке, из-под руки всматриваясь в раскинувшееся внизу село. Веселый переключек петухов несся им навстречу. Женщина в рыжем полушке неторопливо несла на коромысле тяжелые ведра с водой. Посреди села, рядом с забытой церквушкой, над большим домом светилась на солнце алая полоска кумача. И увидев ее, Геля села в снег, плечи ее затряслись, и она заплакала по-ребячьи — всхлипывая, жалостливо.

анималистическая игрушка

Начну с курьеза.

Ежегодно Московское отделение Художественного фонда проводит выставки образцов декоративно-прикладного искусства. На одной из таких выставок две анималистические игрушки получили премии. Еще до этого художественный совет рекомендовал их к массовому производству. Пока авторы готовились получить премии, игрушки успели показать по телевидению. Критика была жестокой и ...справедливой: игрушки были плохи. Жюри выставки всполошилось — не ошиблись ли Авторы вместо премии ожидали неприятности. Но опыт подсказал: правы и те, и другие. Ведь на голубом экране демонстрировались фабричные, тиражные изделия, а жюри видело авторские образцы. История окончилась благополучно для авторов — премии они в конце концов получили. Но из фабричных-то цехов продолжали выходить те, «телевизионные» экземпляры...

Прежде чем перейти к миллиону терзаний игрушечников-анималистов, я позволю себе привести цитату из очень старого, начала века, журнала «Аполлон» (№ 2, 1912 г.). Вот выдержка из хроникальной заметки: «Принимая во внимание то дидактическое значение, какое все более и более приобретает для ребенка современная игрушка, конечно, было бы чрезвычайно важно, чтобы она была на высоте и в художественном отношении. Нужно заставить магазины держать игрушки только художественные и упорно отвергать всякие другие, не отвечающие требованиям искусства... Надо! Но скоро ли поймут это современные родители?..» И, добавив от себя, производители игрушек!

К анималистической игрушке все сказанное относится, может быть, даже в большей степени, чем к любой другой: если кукла служит удовлетворению естественной потребности ребенка в игре в жизнь («как у взрослых»), если техническая игрушка дает выход, так сказать, игре ума, а мяч, обруч — физической энергии, то анималистическая игрушка развивает эмоциональные стороны характера будущего гражданина, приобщая его к доброму миру животных и тем воспитывая доброту в нем самом.

Пластические возможности «твердой» игрушки (а именно в этой технике в основном и работают представленные здесь художники *) довольно ограничен-

ны. Тем более, при вынужденной обобщенности, необходимы акценты на том, что помогает раскрывать главную черту образа, его доминанту.

Олега Мананникова привлекла в Мазе доброта, человечность по отношению к животным — он, на взгляд художника, может быть, менее популярный, но не менее добрый вариант Доктора Айболита.

Юрий Сергеев и Алексей Суренко в каждом из своих зверей нашли нечто, присущее только ему, какую-то живинку — в позе ли, в выражении морды, — которая делает их «индивидуальностями». Их Морж очень добродушен и незлобив; Соболь стремительно хищен; Бурундучок привлекает забавной позой — характерным «столбиком», хотя возможна и другая — на четырех лапах; Фазан «держит» хвост параллельно земле, но может и опустить его.

Обратимся к И. Евдокимову, одному из исследователей игрушки: «Игрушки на сюжеты из жизни животного царства представляют как бы «чистую» детскую игрушку. Надо положительно изумляться, сколько наблюдения, сколько живой природы заключено в них. И тем более охватывает удивление, что зверье изображено отвлеченно, условно, строгий анатом раскритикует этот «выдуманный анатомический мир», убедительно докажет полную несхожесть изображаемого с натурой; но такая правда жизни живет в подобной художественной игрушке, что она убедительнее всякой фотографической, всегда мертвой природы».

Но ведь правда жизни — от жизни, от таланта, от умения. А это последнее — от учебы, в частности, у той же жизни, от постоянной работы: чтение, зоопарк, Уголок Дурова, творческие споры, наброски. Это непрестанное аккумулятивное впечатление становится творческим материалом для лепки (пока еще не в буквальном смысле — он будет потом, когда закончится «головная» работа и в дело вступят руки) всех этих симпатичных и симпатией своей воспитывающих зайцев, медвежат, страусов, тетеревов.

Только технологический путь у художников один — он диктуется материалами, которые они используют: и формовая резина, и пластмасса, и латекс, и целлулоид требуют применения разъемной отливной формы. Соответственно и доуки у них одни: раз форма состоит из двух половин — значит, минимум деталей, только самое необходимое, чтобы Заяц отличался от Медведя; раз иг-

рушка тиражируется — значит, минимум красок, чтобы поменьше загружать аэрограф, который тоже работает «на план». Даже на размеры наложены ограничения: длина — 22 см, ширина — 8, высота — 14 (прошу прощения за этот необходимый минимум цифр). Не так уж много возможностей отличить Ежа от Моржа не только «лица необычным выражением», а и за счет естественных, Природой отмеренных габаритов...

Во всем остальном пути у художников разные.

Олег Мананников идет в своем творчестве «от сказки прочитанной к сказке объемной» (его собственное выражение). Его композиции — это многофигурные «игрушечные» иллюстрации к произведениям литературы («Два жадных медвежонка», «Котини сказки», «Дед Мазай и зайцы»). Они привлекательны тем, что дают ребенку возможность самому расставить действующих лиц — в соответствии со своими пристрастиями и своим пониманием мира.

Эти работы — еще и неплохая иллюстрация к известной поговорке: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Исходя из интересов самых маленьких хозяев игрушек, автору следовало бы больше разнообразить облик и позы своих персонажей. В «Котиних сказках», например, такой зрительной информации маловато. Конечно, трудно пройти через «игльное ушко» производственных ограничений, но можно. Доказательство тому — тот же «Дед Мазай»: в 1968 г. игрушка получила диплом в Комбинате декоративно-прикладного искусства, который занимается созданием образцов для промышленности.

Юрий Сергеев и Алексей Суренко берут зверя не литературного, а увиденного в жизни. Наверное, именно это и помогает им придать каждому из своих творений индивидуальные черты.

Керамисты по специальности, Ю. Сергеев и А. Суренко — анималисты по призванию и «объемщики» по влечению. Вот почему, перейдя от анималистической скульптуры в керамику (керамику они не бросают и сейчас — в работах «для взрослых») к анималистической графике (иллюстрации к «Теме и Жучке» Н. Гарина-Михайловского), они вернулись к объемной анималистической — к литой и надувной анималистической игрушке. И здесь они стали одними из самых интересных художников.

* См 3 и 4 стр. обложки.

ВОЛКИ

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ

Рисунки А. ШВАРЦА

В зимнюю морозную ночь под самыми окнами нашего дома прошли волки. Утром я стал на лыжи, пошел тропить. Волчий след тянулся вдоль изгороди, спускавшейся к берегу пруда. Волки ступали след в след по глубокому рыхлому снегу, и даже самый опытный глаз не мог бы определить количество их.

Только у старого пня, на берегу пруда, волки ненадолго разделились. Так же, как собаки-кобели, самцы волков помочились на старый пенек, и следы их вновь слились в единую цепочку.

Спустившись на пруд, я пошел по волчьему следу. По крутому берегу волки вышли на снежное поле. Там, среди кустиков ивы, ложились обычно на дневку зайцы. Я увидел ночной след

жировавшего русака. Напав на этот свежий след, волки широкой цепью рассыпались по снежному полю. Только теперь я мог сосчитать волков в охотничьей стае. В ней было не меньше семи или восьми голов.

Разглядывая волчьи следы, я отчетливо представил картину ночной охоты. Волки кольцом окружили бедного русака, растерянно метавшегося в их смертном круге. На том месте, где они поймали свою добычу, на белом снегу были видны лишь несколько капелек алой заячьей крови и приставшие к снегу шерстинки. Зайца они разорвали на ходу — на расправу понадобилось несколько мгновений.

Продолжая тропить волков, после расправы над русаком опять сомкнув-

шихся в стройную стаю, я увидел на другом берегу пруда бежавшего на махах одного отставшего волка. Низко держа голову, он бежал вдоль лесной темной опушки. Увязавшаяся за мной гончая собака догнала меня и убежала в лес, в котором скрылся отставший волк. Подойдя на лыжах к лесной опушке, я услышал гонный лай собаки, поднявшей в лесу зайца. Преследуя его, собака делала круг, и ее лай удалялся. Стоя за молодой елочкой, прислушиваясь к гону, я увидел вдруг за редкими деревьями волка, преследовавшего мою собаку. Волк иногда останавливался, так же как я, прислушиваясь к удаляющемуся лаю. Не сходя с места, я поднял ружье и на большом расстоянии заячьей дробью стал стрелять в волка. Боже мой, какие прыжки начал делать испуганный волк, которого поцарапала моя дробь! Подойдя к волчьему следу, я убедился в необычайной длине волчьих прыжков.

В нашем глухом лесном краю в те времена водилось много волков. Летом они держались у большого, почти непроходимого болота, где каждый год подрастал молодой волчий выводок. Из окружающих деревьев волки таскали в свое логово овец, гусей, поросят. В самой ближней к логову лесной маленькой знакомой мне деревенке они никогда не трогали домашней скотины. Так поступают многие хищные звери, не желая выдать место своего пребывания.

Некогда, еще до революции и первой мировой войны, в глухие наши смоленские места иногда приезжали из Москвы на волчьи охоты богатые охотники. Они присылали наемных окладчиков егерей-псковичей, клавших на краю леса приваду. Волки ходили на приваду, и сытых волков обложить было легко. По рассказам старых деревенских людей после удачной облавной охоты богатые наезжие гости пировали в маленьких лесных деревушках, поили коньяком и заставляли петь и плясать деревенских баб-молодух.

В двадцатых годах, когда мы жили в смоленской деревне, я много охотился на волков. Мы сами устраивали летние и зимние облавные охоты. Летом в лесу у глухого Бездона окладывали и убивали нынешних молодых и подрастающих прошлогодних переярков-волчат. Старые волки от летних облав обычно уходили.

Хорошо помню место, где жили и гнездились каждое лето волки. Это был мелкий и редкий сосняк вблизи самого края болота. Множество выбеленных солнцем костей валялось возле старого волчьего логова, от которого расходились протоптанные зверями тропы. Летом молодые волки-нынешники, сеголетки из логова не выходили. Пищу им приносили их родители-старики, таскавшие по утрам овец и гусей, ловившие зайцев и зазевавшихся птиц. Мы подходили тихо к волчьему логову и, сняв шапки, начинали в них подвывать. Боже мой, какой шум и визг поднимали прятавшиеся за мелкими соснами молодые волки! Иногда за деревьями нам удавалось видеть их серые мелькавшие спины. Чтобы не напугать старых волков, мы примолкали и терпеливо ждали, пока успокоятся молодые. На летних и зимних охотах обычно устраивали мы многолюдные, шумные облавы. Нередко удавалось уничтожить почти весь выводок. И тогда долго слышался в лесу вой старых волков, скликавших свой по-

Особенно интересны были зимние облавы. Зимой голодные семьи волков в поисках пищи широко разбредались, заходили по ночам в деревни, выманивая доверчивых собак, забирались иногда в плохо закрытые овчарни. В холодные вьюжные зимние ночи мы часто слышали голодный волчий вой.

Как-то однажды волки похитили и мою охотничью собаку. В ту ночь меня не было дома. В доме с собаками осталась жена. Ночью собаки стали проситься. Жена выпустила их на крыльцо, и одна собака не хотела возвращаться. Жена поленилась подождать ее и вернулась в дом. Наутро я возвратился из соседней деревни. По следам было видно, что волки схватили нашу собаку почти у самого крыльца и, оттащив на лед мельничного пруда, быстро ее растерзали. От погибшей собаки на снегу остался лишь кожаный ошейник, точно острым ножом, перерезанный волчьими зубами, немного шерсти и крови.

Выйдя однажды утром на крыльцо, я услышал, как на мельнице воет и причитает женщина. Так в наших смоленских глухих местах в прошлые времена выли и причитали женщины, когда в семье умирал человек. Я подумал, что это умер наш толстый мельник и мельничиха воет по нем и причитает. Быстро одевшись, я пошел на мельницу, где под колесами в мельничном буковиче темнела широкая незамерзавшая полынья. Оказалось, что ночью у мельницы побывали волки. Они охотились на мельниковых уток, неосторожно оставленных ночевать в буковиче на открытой воде. Мельничиха выла по своим погибшим уткам. На снегу отчетливо можно было прочесть, как охотились волки на этих уток. Два волка спустились в холодную воду, где плавали утки, и заставляли их подняться на крыло. Плохо летавшие домашние утки падали близко в снег, и с ними безжалостно расправлялась стая.

Я побежал домой, захватил ружье и лыжи, направился тропить сытых волков, уничтоживших около сорока мельниковых уток. Оказалось, что сытые звери залегли недалеко в поле, в ольховых кустах, по проезжавшие близко подводы их испугали. В мелких кустах я нашел свежие лежки, с которых бежали волки. Этим волкам нам удалось нагнать только на второй день. Они залегли в молодом лесу, недалеко от открытого поля и протекавшей за полем реки. Мы осторожно сделали круг, обошли лежащих в мелком лесу зверей, вернулись в ближнюю деревню скликать мужиков, баб и ребятишек на облаву.

Эта облава была особенно удачна. По праву главного охотника я стоял на входном надежном следу. Тихо ступая, загонщики широким кругом рассыпались по лесу. По данному моим помощником Васей сигналу они начали кричать, стучать обухами топоров по стволам деревьев. Стоя на своем номере, скоро увидел я большого гривастого волка, с опущенной головой, бежавшего между деревьями прямо на меня. С ветвей молодых елей на его спину сыпался снег. Напустив зверя, я выстрелил, и он лег в снег, но его хвост продолжал судорожно шевелиться.

За первым, головным старым волком последовал другой. Увидев лежащего подстреленного, его мотавшийся хвост, он остановился. Я поднял ружье, выстрелил и, не зная результата, соблюдая правила облавной охоты

с места. Справа и слева слышались редкие выстрелы стрелков, приглашенных мною на охоту. Ближе и ближе звучали голоса загонщиков, круг которых медленно смыкался. Два перепуганных молодых волка пробежали вдоль стрелковой цепи, и я застрелил еще одного. Последний уцелевший волк, ошалевший от страха, с разинутой пастью и высунутым языком, пробежал в трех шагах от меня. Я попытался стрелять в него, но ружье сделало осечку: в автоматическом пятизарядном ружье, с которым тогда я ходил на волчьих охоты, застрял в магазине патрон. Я ничего не мог сделать, и единственный уцелевший от стаи волк благополучно скрылся.

Вырубив колья, связав убитым волкам ноги, веселые загонщики на плечах отнесли добычу к проезжей дороге, где нас ожидали подводы. Почувя звериный дух, лошади начали фыркать, прядать ушами и рваться. Мы уложили добычу в широкие розвальни. В деревне убитых волков освежвали, сняли волчьих теплые шкуры, которые долго висели потом в моем охотничьем кабинете. Эта охота была, пожалуй, самой удачной в моей охотничьей жизни.

В более поздние времена мне не раз приходилось участвовать в волчьих охотах. С другом моим, известным охотником и охотничьим писателем, знатоком волчьих охот Н. А. Зворыкиным, охотились мы в Воронежском заповеднике, где степные волки обижали сохранившихся там благородных оленей. Побывали и в горном Кавказском заповеднике, где борьба с серыми разбойниками оказалась очень трудной.

В годы войны я жил в Пермской области у берегов Камы. Возле небольшого глухого в те времена городка Осы водилось множество волков. По ночам они бродили по улицам погруженного в темноту спавшего городка. Зачуяв волков, городские дворовые собаки поднимали особенный, тревожный лай. Моя собака, породистый английский сеттер Ринка-Малинка, спавшая у меня под кроватью, заслышав лай осинских собак, отвечала им таким же тревожным лаем. Чистокровная англичанка хорошо понимала язык своих сородичей — простых уральских дворняжек, и я долго не мог ее успокоить.

В глухих осинских лесах жили лоси, и волки устраивали на них охоту. Обычно они отбивали от стада молодого лося, загоняли его в чащу, где он не мог от них отбиться, набрасывали целой стаей и расправлялись с загнанным лосем. Бродя на лыжах по глухим осинским лесам, я не раз находил места, где пировали волки, деля добычу. На глубоким снегу отчетливо было видно, что каждый волк оттащивал в сторону доставшийся ему кус мяса и там его пожирал. От растерзанного лося оставались лишь клочья окровавленной шкуры да вываленная на снег трубуха. Через несколько дней стая волков непременно возвращалась на место своей охоты доедать остатки уцелевшего лосиного мяса. После пира сытые звери устраивали на снегу веселые игры, о чем свидетельствовали многочисленные следы.

В осинских лесах за отсутствием людей не было возможности устраивать облавные охоты. Осинский приятель мой, старый охотник Матвей Васильевич, ставил на волков капканы и нередко возвращался с добычей, за которую получал в городе законную премию. Зайдя однажды ночевать ко мне, он уселся

могонки вынул из сумки завернутой в холстинку кусок вареного мяса, стал меня угощать. Выпив самогонки, я отведал довольно вкусного мяса. Подмигнув хитро глазом, Матвей Васильич спросил:

— Ну как, полюбилась тебе волчантинка?

Признаться, я был неприятно удивлен. Впервые пришлось мне отведать волчьего мяса. Время было голодное, шла война, и мясо добытых волков Матвей Васильевич употреблял в пищу.

Уже в иные времена в разных краях обширной нашей страны доводилось мне наблюдать волков. В камышовых зарослях Кизыл-Агачского залива, на берегах южного Каспия, где собираются на зимовку миллионы пролетных птиц, я часто видел следы волков, слушал по ночам их вой.

На берегах Таймырского озера, в поллярной голой тундре, не раз видел северных волков, преследовавших табунки кочующих северных оленей. Не видевшие человека, северные волки вели себя иной раз дерзко. Преследуя диких оленей, они догоняли больных, ослабевших животных. Так выполняли волки возложенную на них природой жестокую, но подчас и полезную роль. Известно, что находящиеся под охраной человека домашние олени часто заболевают заразной копытной болезнью и погибают. У диких оленей копытной болезнью не наблюдали: преследовавшие оленей волки уничтожали заболевших животных.

О волках ходило и ходит много выдуманных рассказов. Говорят о нападениях волков на людей, о растерзанных старушках на зимних пустынных дорогах. Страшные эти рассказы выдуманы досужими людьми. Как и огромное большинство зверей, волки смертельно боятся человека — самого грозного и всепобедительного на земле живого существа. Разумеется, опасен человеку бешеный волк так же, как опасны бешеные собаки. После войны белорусские охотники рассказывали мне о волке-людоеде. Этот страшный волк похищал в деревнях маленьких детей. Во время войны он, по видимому, питался трупами убитых людей и стал людоедом. На волка была устроена охота, и минские охотники убили его из устроенной засады.

В нашей стране теперь осталось мало волков. Их истребили многочисленные охотники. В степных открытых местах охотятся на волков даже с маленьких детей.

НЕ ПОВЕЗЛО

В. АСТРОВ

Рисунок А. МАРИНСКОГО

Случилось это лет сорок тому назад, когда в уральских лесах дичи водилось столько, — а охотников по сравнению с нынешними временами было так мало, — что в августе с хорошей собакой взять за один выход в лес десяток тетеревят в черном пере можно было запросто. Никаких ограничений в отстреле практически не существовало.

До случая, о котором хочу рассказать, я на Урале не бывал и даже за день до отъезда не знал, что туда поеду. К открытию охоты я собирался на одно из подмосковных озер, но поездка почему-то сорвалась. А я уже выхлопотал себе заранее отпуск; ехать с ружьем наудачу в неизвестные места не хотелось. Пока я колебался, что мне делать, знакомые позвали меня к ним на дачу, в Рязанскую область.

Приехав туда, я вспомнил о своем приятеле-охотнике, с которым мы когда-то вместе учились, а теперь изредка переписывались (он жил в Свердловске), и отправил ему открытку. Я сетовал на невезение и на собственную глупость: мог бы по крайней мере сюда захватить с собой ружье, да не догадался, а здесь под боком леса, по слухам, набитые тетеревами. Легавой собаки у меня нет, но все-таки для развлечения побродил бы с ружьем по лесу.

Спустя неделю пришел ответ. Приятель мой, между прочим, писал:

«С большим удовольствием я прочел, что ты оставил дома ружье. Это самое правильное, что ты мог сделать. Трудно представить себе более ненужную для тебя вещь, чем ружье. Я был бы очень удивлен, если бы ты взял его с собой. Зачем оно тебе? Стрелять ты все равно не умеешь.

Грешным делом, я подумал, что на даче у твоих знакомых дракочное отопление и ты рассчитывал использовать свое ружье как Kochergу. Но потом вдруг читаю в твоей открытке что-то совсем уже ни к селу ни к городу о тетеревах. При чем тут тетерева? Ведь они все равно продолжали бы благоденствовать в полной безопасности в рязанских лесах независимо от того, взял ты с собой ружье или нет.

Очень рад, что для тебя все обошлось так благополучно...»

После доброй дюжины подобных же строк, в коих мой друг продолжал, по нашей школьной традиции, безнаказанно оттачивать на мне свое острословие, я неожиданно прочел приглашение на охоту в уральские леса. Он уже раньше писал мне, что держит сеттера-гордона по кличке Снарк, обладателя нескольких медалей, полученных на свердловских охотничьих выставках.

Звал он ехать вместе с ним к его знакомому охотнику на какой-то железнодорожный полустанок. «Мы с ним будем стрелять тетеревов, — заключал он свое письмо, — а ты, дабы не переводить попусту на твои промахи пыжи с дробью и порохом, будешь ходить за нами по пятам без ружья и носить убитую нами дичь».

О поездке он уже списался, и мне, если я не хочу опоздать, надлежит выехать из Москвы немедленно. То есть, он не оставлял мне даже часу времени для того, чтобы в ответном письме над ним поиздеваться, в чем и проявилось на сей раз его коварство. Поневолле я вынужден был спешно проститься с приютившими меня дачниками, сердечно поблагодарив их за гостеприимство, и тут же бегом пустился на станцию.

Короче говоря, суток трое или четверо спустя мы с ним сидели у его знакомого охотника в одном из небольших пристанционных поселков, за столом с дымящимися варенками го-

рячих пельменей и с раскупоренными бутылками. Со стены, жадно оскалив пасть, смотрела на нас зелеными стеклянными глазами волчья голова, точно собиралась разделить с нами трапезу, на паре ветвистых лосиных рогов висели две охотничьи двустволки, над входной дверью вытягивал шею токующий глухарь.

Водки я терпеть не мог, на охоте особенно, и это издавна служило в устах моего друга доказательством того, что я — «никакой не охотник». Но — «с волками жить, по-волчьи выть»: в качестве «посошка на дорожку» пришлось в этот раз и мне за компанию «пропустить рюмочку».

Переночевав, мы на следующее утро двинулись пешком верст за восемнадцать по лесным дорогам, обремененные заплечными мешками с патронами, запасами дрови, пороха и провизии, а сверх того, еще и пустыми бочоночками, которые за время охоты предполагалось заполнить маринованными тушками, ножками и крылышками тетеревов.

Признаться, в тот момент я на затею с этими бочоночками смотрел скептически, памятуя о вчерашних раскупоренных и опорожненных бутылках. Но оказалось, что об уральских охотничьих угодьях я просто понятия не имел.

Товарищи мои в изготовлении маринада из дичи не были новичками. Хозяйка, у которой в избе мы квартировали, каждый вечер топила им русскую печь; дневную добычу ошпыливали, палили над огнем, потрошили, резали на куски и варили в чугунах до полуготовности; остудив, перекладывали ее в бочонки, уминали, заливали маринадом и уносили в погреб, на лед. Рецепт и порядок изготовления маринада я с тех пор позабыл начисто. К началу второй недели наших охот бочонки оказались почти заполненными. Питались мы в основном той же тетеревиной, не считая хлеба, картошки да молока.

Разумеется, вся добыча шла у нас в «общий котел». Мой приятель, малый добрый, предоставлял мне стрелять с ним «на равных» из-под стоек его черного красавца Снарка; уралец охотился с неказистым на вид, но усердным в поиске дичи легашом немецкой породы. Обе собаки привыкли ко мне, и когда их хозяева к концу первой недели приустиали и после сытных обедов с возлияниями предпочитали отказываться от вечернего поля, а иногда пропускали и утреннее, я, «презренный трезвенник», брал какую-нибудь из их собак и бродил с ней по кустам один. В результате едва ли не большая половина всей нашей добычи пришлась на долю моего ружья.

Вспоминая те дни, я осуждаю себя за охотничью жадность, но объяснялся она невиданным мною раньше обилием дичи. Иногда мы все трое по вечерам выбирались на утинный перелет, к затону километрах в двух от деревни. И здесь я хитрялся обгонять своих партнеров по числу взятой выстрелами дичи, потому что они стояли на берегу, а я не ленился забираться в воду, в камыши, и там дотемна поджидать уток, которые в сумраке, не замечая человека, валились с неба, что называется, на дуло моего ружья. Конечно, приятель и тут отшучивался, уверяя, что я «подбираю» уток, падающих в воду от его выстрелов.

Не успел я вдоволь настроеляться, как отпуск мой стал подходить к концу. Мои компаньоны подрядили себе подводку, чтобы поехать еще куда-то на гусей. Я же закинул на одно плечо рюкзаки с разобраннным ружьем и охотничьими пожитками, а на другое — привязанный на особом ремне тяжелый, крепко заку-

поренный бочонок с маринованной дичью, приходившейся на мою долю, и побрел на полустанок.

В поселок я пришел часам к пяти вечера, а в шесть должен был пройти нужный мне почтовый поезд в сторону Москвы. Билет на него мне выдали сразу же, загодя.

Я мог бы не заходить на квартиру охотника, но он просил передать записку его жене, и я зашел... И тут-то разыгралась совершенно не предвиденная мною история.

Жена его заявила, что я должен буду оставить бочонок ей, потому что он «чужой». Она, оказывается, одолжила его для меня у соседки в день нашего приезда, а соседка эта уже несколько раз выражала ей опасение, как бы я не увез его с собой в Москву.

Собственно, с охотником у нас так именно и было условлено, что я отвезу маринад в Москву и оттуда пришлю бочонок почтой обратно. На мой вопрос, нельзя ли мне купить у соседки этот бочонок, последовал категорический ответ: «Что вы, что вы! Она ни за что не согласится продать». Ей не в чем грибы засаливать, другого бочонка достать здесь негде и не у кого, для этого пришлось бы ехать в самый Свердловск.

У нее, жены охотника, к несчастью, никакой такой посуды нет, чтобы в нее можно было уложить маринад. А соседки, как на грех, дома нету: ушла не то в лес за грибами, не то еще куда-то.

Я пошел к соседям, в надежде с кем-нибудь из них столковаться, но встал только одну старушку с трясущейся головой. На все мои просьбы и клятвенные обещания немедленно по приезде в Москву выслать им бочонок обратно, а в залог сейчас оставить его двойную или тройную цену против той, какую они назначат, бабуся твердила одно: хозяйка здесь не она, дочь вернется — «заругает» ее за самовольство. А про бочонок она «ничего и не слыхала» и не видала его. И не ее это дело.

Жена охотника не отходила от меня ни на шаг и все уговаривала не огорчаться: приеду к ним на будущий год и настрою тетеревов, а муж ее зимою в Москву собирается съездить, вот и привезет мне «парочку-другую свеженьких тетеревков». Настреляет он их из шалашей обязательно, каждый год бьет.

Я было заикнулся, нельзя ли мне увезти этот бочонок с тем, чтобы они свой, по возвращении с охоты ее мужа, отдали бы взамен соседке? Не тут-то было! Посыпался целый град неопровержимых аргументов: и соседка-то ни за что не возьмет старого бочонка вместо нового, и ждать-то она не захочет, без бочонка грибы пропадут у нее — сейчас самые грибы пошли! А кроме всего прочего, с соседкой они в давнишней ссоре из-за кур и поросят, которые имеют привычку забираться в чужие сады и огороды, и теперь, если соседке сказать, что я увез бочонок в Москву, так с ней и вовсе сладу не будет, она и в драку может полезть: «Она скандальная!» И прочее, и прочее.

Стрелка на часах приближалась к минутам, в которые вот-вот должен был прибыть почтовый поезд. Я мог бы, опираясь на слова ее мужа, не посчитаться ни с чем и забрать бочонок, а потом прислать почтой. Но я видел, что для этого пришлось бы, вероятно, прибегать к физической силе. Бочонок мой стоял под лавкой, на которой сидела убеждавшая меня «не огорчаться» хозяйка дома.

Я в сердцах махнул рукой на мою двухнедельную охотничью добычу и ушел к поезду с одним заплеченным рюкзаком.

В вагоне я ехал мрачный, не будучи в силах отделаться от впечатления, что всю эту историю с «чужим» бочонком мне попросту подстроили. Черт их знает, чей на самом деле бочонок? Проверить я не могу. Но если и соседки, то уж, конечно, маринада-то ей не увидеть. Так или иначе, но эта «кулачка» (мысленно я другим именем ее не называл) меня объежила. Уж больно сладко меня уговаривали «не огорчаться» и даже обещали «парочку-другую свеженьких тетеревков» зимою. Поглядим, сдержат ли обещание!..

«Нет,— думал я,— в такой компании, на правах «бедного родственника», на охоту я больше не ездук. Калачом не заманишь».

Огорчительной была не столько самая утеря добычи (стоимость которой, как известно, никогда не возмещает нашему брату, охотнику-любителю, материальных затрат на поездку), сколько то обстоятельство, что я слишком поспешил с охоты уведомить моих домашних открыткой о бочонке с маринованным тетеревьем. «Но,— думал я,— должны же они будут меня понять. Не мог же я силой отбирать «чужой» бочонок, который добром не пожелали мне отдать. Не мог и задерживаться ради поездки в Свердловск за новым бочонком — мой отпуск кончался, да еще вопрос, удалось ли бы там купить его. Скажу им, что это судьба меня наказала за проявленную охотничью жадность».

Главное, все-таки, не в маринаде, а в той охоте, на какой удалось побывать. Теперь по крайней мере знаю, что такое великоленные уральские леса. В числе моей добычи были и два глухаря, выводок которых поднял Снарк в одну из вечерних охот, когда он ходил со мною одним. В те времена я еще не получил

что мне он, за мою охотничью страсть, предан больше, чем своему лежебоке-хозяйину. Волнующие стойки красавца сеттера, его по-человечески умные глаза, с ожиданием обращенные ко мне, и многие другие картины охоты всплывали в памяти, и я мало-помалу смирился с потерей.

Но мои домашние... Легко вообразить себе их разочарование, когда они выслушивали мои объяснения. Жена даже всхлипнула с досады.

Недели через две, рассчитав, что приятель мой давно уже вернулся к себе в Свердловск, я написал ему про обстоятельства со злополучным бочонком и вскоре получил ответное письмо. Он выражал мне сочувствие, а в заключение добавлял:

«Одного я не могу взять в толк: для чего ты хотел везти в Москву бочонок? Ты что: капусту или огурцы солить собираешься? А где же ты будешь держать зимой свои соленья? Балкона у тебя на четвертом этаже, насколько я знаю, нет, погребка со льдом под вашим пятиэтажным домом тоже, должно быть, нет. А в коридоре они у тебя протухнут.»

Находясь по этому пункту в полном недоумении,— продолжал он,— я уже стал было подумывать: не пришло ли тебе в голову увезти с собой тот маринад, который находился в бочонке? Но подобное нелепое предположение я вынужден был тотчас же отвергнуть, так как мне известна твоя порядочность. Не мог же я допустить мысли, что ты намеревался присвоить себе маринад из убитых не тобою тетеревов.

Правда, когда ты брал с собой на охоту бочонок, ты пребывал в наивном заблуждении, будто ты, действительно, способен настрелять тетеревов. Помню, я даже тогда удивился твоей наивности, только постеснялся тебе об этом сказать. К чему, думал я, ему бочонок? Он же стрелять вовсе не умеет и, конечно, ничего не убьет. Но, думаю, бог с ним, пускай себе потешится и потаскает на спине пустой бочонок.

Позднее, впрочем, выяснилось, что мы с охотником (без тебя) настреляли столько тетеревов, что нам своих двух бочонков для маринада не хватило и ты нам одолжил твой, который мы и наполнили маринадом из убитых нами тетеревов.

А ты ведь за две недели охоты ни одного тетерева так и не убил. Разве ты этого не помнишь?»

В ярости я изорвал его письмо в клочья и тут же уселся с намерением написать самый язвительный «ответ на ответ».

Однако на второй же строке я посадил на чистый лист почтовой бумаги здоровенную чернильную кляксу, на третьей изломал перо. Со зла я порвал бумагу и конверт и надвое переломил об колено ручку.

Так и вторично приятельским упражнениям в остро словии на мой счет суждено было остаться без ответа.

«Свеженьких тетеревков», разумеется, я ни зимой, ни когда-

Р. Байе, А. Кузнецов. Птицы нашего края. Изд-во «Московский рабочий». 1968. Тираж 50 000 экз. 144 стр. Цена 36 коп.

Эта книга о птицах средней полосы европейской части СССР, где обитает более 200 видов птиц, почти треть всей пернатой фауны нашей страны.

Чтобы ознакомиться с жизнью птичьего населения, читатель отправится в зимнее, весеннее, летнее и осеннее путешествие по Подмосковью, заглянет в самые живописные уголки нашего края.

Говоря о значении птиц для сельского хозяйства и их роли в жизни леса, авторы рассказывают, как привлечь полезных пернатых в сады и парки, огороды и поля. Любителям «комнатных» птиц они дают советы по содержанию дома зерноядных (чиж, снегирь, щегол, чечетка, зяблик) и насекомоядных (дрозд, соловей, славка, зарянка, синица и т. д.) птиц. Тем, кто увлекается записями в лесу птичьих голосов и песен, интересно будет узнать подробности охоты с микрофоном.

Книга оформлена цветными и черно-белыми фотографиями.

Е. Н. Мартынов. Определитель видов орнитофауны по гнездам и кладкам. Ленинград. 1968. Тираж 3000 экз. 117 стр. Цена 30 коп.

Данный определитель включает все виды птиц, гнездящихся на территории Ленинградской области; в нем имеется описание гнезд и кладок 191 вида пернатых. Практически с определителем можно работать и в южной Карелии, в Псковской и Новгородской областях, а также в восточных районах Эстонии и Латвии.

В таблицах содержатся сведения об экологических особенностях гнездования (конструкция, форма и размеры гнезда, строительный материал, использованный для его постройки; число яиц в кладке, их размеры, форма и окраска) и приводятся данные по отдельным экологическим группировкам.

Справочный текст иллюстрируется фотоснимками, сделанными автором, кандидатом сельскохозяйственных наук Е. Н. Мартыновым, в Ленинградской области.

Охотничьи просторы. Альманах. № 27. Изд-во «Физкультура и спорт». М., 1969. Тираж 100 000 экз. 270 стр. Цена 68 коп.

27 номер альманаха знакомит читателей с новыми произведениями известных охотничьих писателей: с очерком Ник. Смирнова «Крякуша» и его воспоминаниями об охотнике и природолюбце Дмитрие Зуеве, с «Охотничьими миниатюрами» Н. Пахомова, «Из рассказов о пане Гарабурде» А. Ливеровского, со стихами Александра Яшина.

С интересными очерками выступают Дм. Житенев — «Алтайские встречи» и Владимир Флинт, посетивший недавно национальный парк в Уганде — «На берегах Виктория-Нила».

О Джоне Голсуорси-охотнике, знаменитом английском романисте, рассказывает в своей литературно-критической статье В. Держкин.

В разделе «В помощь начинающему охотнику» внимание читателя привлечет материал Ю. Сапоженкова «Ловчие птицы Туркмении».

Книгу можно заказать по почте в следующих магазинах: Москва, Средтенка, 9, магазин «Спортивная книга»; Киев, ул. Ленина, 18, магазин «Физкультура и спорт»; Ваку, ул. Пушкина, 14, магазин № 57; Смоленск, ул. В. Советская, 12/1, Дом книги; Иркутск, пр. Ленина, 15, «Книга — почтой».

ПОЛУВОЛЬНОЕ РАЗВЕДЕНИЕ БОБРОВ В АМЕРИКЕ

А. АНТОНОВ

Прошло более 350 лет с тех пор, как шкурки бобра, добытые в Канаде и США, стали поступать в Европу. Сейчас в США и Канаде ежегодно забивают свыше 500 тысяч бобров. Шкурки бобров в разные годы ценятся с небольшими отклонениями от среднего уровня, но спрос на них имеется всегда.

Цена за шкурку бобра в зависимости от ее размера, окраски волосяного покрова и степени дефектности колеблется от 10 до 35 ам. долларов. Шкурки цветных бобров, т. е. бобров с волосяным покровом, отличным от коричневого или темно-коричневого цвета, ценятся значительно выше.

Клеточное разведение бобров в Канаде и США ставит своей целью значительно увеличить выход цветных вариаций этих зверьков, а также зверьков, дающих наибольшее количество детенышей в помете, имеющих очень крупный размер шкурки, плотный шелковистый волосяной покров с короткой остью и легкой мездрой. Созданы наиболее результативные рационы кормов, выработаны средства борьбы с заболеваемостью этих зверей, сконструированы экономичные бетонные вольтеры с бассейнами и жилищами для бобров.

Затрачиваются огромные усилия на проведение генетической племенной работы. Расходятся большие средства на содержание «штаба» работников, ведущих и направляющих племенное боброводство.

Хорсон в брошюре «Beaver. The Diamond of Furs» (1965 г.) пишет, что содержание в клетке одного взрослого бобра в течение года стоит 72 ам. доллара, а детеныша из выводка предыдущего года — 60 ам. долларов. На каждого детеныша текущего года (с сентября до декабря включительно) расходуется 16 ам. долларов. Такие высокие расходы на содержание бобров в неволе при средней цене за шкурку зверя около 20 ам. долларов возможны потому, что Американско-Канадская бобровая компания (АКБК) установила единую цену на живых взрослых бобров в размере 2400 ам. долларов за пару.

Естественно, никто из фермеров, разводящих бобров в неволе, не забывает их для получения шкурок. Фермеры стараются с помощью АКБК продать выращиваемых ими племенных бобров живыми.

Предвидя большое будущее клеточного разведения бобров, американское и канадское правительства поощряют фермеров путем снижения подоходного налога на капитал, вложенный в это дело. Попытки разведения бобров в неволе делались в провинции Северное Онтарио (Канада) фермой «Норс Райс Лейк Фер Компани» (1922 по 1930 г.), но были прекращены из-за резкого понижения цен на шкурки бобра в период экономического кризиса.

Мысль о возможности клеточного разведения бобров возникла в результате наблюдения за их жизнью в Канаде, за прирученными молодыми бобрятами, которые повсюду следовали за своими хозяевами, без боязни шли на руки и причули есть всякую растительную пищу.

Тяга к массовому разведению бобров в неволе возникла в связи с повышением цен на шкурки цветных особей, а также в связи со снижением себестоимости шкурок в результате значительного увеличения приплода, получаемого от каждой самки, и выработкой комбинированных дешевых кормов. Много надежд возлагается на вновь выведенные породы крупных размеров, на средства, стимулирующие рост животных и улучшающие качество их меха. Но для того чтобы разведение бобров в неволе приняло действительно массовый характер, по мнению АКБК, потребуется не менее 15 лет напряженного труда ученых и практиков-звероводов.

Однако и в настоящих условиях вольное и полувольное разведение бобров является весьма эффективным и широко распространено как в США, так и в Канаде.

В результате проведенных экспериментов Министерство сельского хозяйства США установило, что для нормальной жизни 1000 взрослых бобров до-

статочно 235 гектаров угодий, включающих водоемы и земли, поросшие осинником. Разумеется, это возможно в том случае, если человек построил для зверей жилища (хатки) на берегу водоема с выходом в кормушку и оттуда в воду. Выход из хатки должен закрываться подвижной дверкой на тот случай, если необходимо задержать бобров.

Чтобы приучить бобров к хатке, как показал опыт, достаточно продержать вновь привезенных животных в закрытой хатке в течение 48 часов. Бобры, пойманные на воле, при клеточном содержании первые 1—2 дня, как правило, не принимают пищи, но потом привыкают к новой обстановке и ведут себя нормально.

Конечно, при вольном или полувольном разведении бобров на заболоченном, поросшем водной растительностью проточном озере или пруду, по берегам которых растут различные деревья, содержание их обходится очень дешево. Канадские бобры употребляют в пищу кору осины, тополя, ивы, вяза, дуба, боярышника, различных фруктовых деревьев, орешника, ольхи, березы, бука, а также корни ивы, березы и других деревьев. Особенно они любят ростки и листья водных растений: рогоза, тростника, водяных лилий, осоки, кубышки, камыша, а также клевер и люцерну, посаженные вдоль берега, различные ягоды, яблоки, морковь, капусту, турнепс, свежие ветки с листьями; поедают вместе с початком кукурузу, а также очищенный овес. Зимой бобры полностью переходят на древесную кору, но, как правило, разнообразят пищу каждый день, выбирая поленья двух-трех разных видов деревьев. Часто они объедают корни крупных деревьев, выходящие в водоем, или корни водных растений.

Зимой в небольшом количестве звери употребляют в пищу также кору кедров; предполагается, что она служит им как лекарственное средство.

Летом бобры предпочитают питаться водной растительностью, ветками с листьями, ягодами, но поедают также кору березы, ивы и ольхи.

Такого разнообразия в питании бобров придерживаются и при полувольном и клеточном разведении этих зверей. За зиму семья из пары взрослых бобров и шести молодых поедает кору с 3,5 куб. метра поленьев и сучьев.

При полувольном разведении бобр хорошо уживается с ондатрой, нутрией, утками, но желательно, чтобы в водоеме не было выдр, чтобы к хаткам не проникали медведи, рыси, волки, лисы и собаки. В водоеме не должно быть хищных рыб — сомов и щук. Если в волосяном покрове бобров завелись кровососущие насекомые, то для борьбы с ними в водоем выливают небольшое количество керосина. мех плывущего бобра соприкасается с керосиновой пленкой на поверхности воды, пропитывается керосином, и насекомые погибают.

Лучшим временем для начала работ по разведению бобров как при вольном, так и при полувольном содержании считается начало осени, так как устройством жилищ и заготовки кормов на зиму требуют многих недель. Если же бобров выпускают в готовый водоем с построенными для них хатками, то осуществляют это примерно за 4—6 недель до ледостава.

В Канаде и США участки угодий, где поселены бобры, ограждают

ной сеткой. Это делается не только для того, чтобы отгородить свой участок от участка соседа, но также для того, чтобы не допустить проникновения хищников к поселению бобров.

Бобров отлавливают живоловушками таких же конструкций, но более крупных размеров, такими, какие используются при отлове ондатр. Зверей, предназначенных для переселения, не рекомендуют отлавливать капканами.

При выборе места для разведения бобров предусматривается, чтобы водоем был проточный, глубиной 1—3 метра, чтобы он не промерзал до дна, а также, чтобы была достаточно хорошо развита водная растительность. Во время паводка (в связи с появлением детенышей в конце мая) вода не должна подниматься выше пола хатки бобра. Для этого необходимо располагать жилище бобров так, чтобы оно находилось на 40—50 см выше уровня воды, а выход из него вел к кормушке, находящейся на 15—20 см выше поверхности воды.

При полувольном разведении бобров на участки, заселенные бобрами, подвозят деревья, срубленные в сентябре—октябре. Если в связи с рано наступившими холодами не удалось до ледостава обеспечить животных кормами, то небольшие деревья (10—15 см в диаметре) в течение ноября опускают под воду через проруби.

Шкурки бобров в условиях Канады становятся первосортными только в конце декабря и в январе, так как, ведя скрытый образ жизни, бобры почти не бывают на поверхности льда и снега и редко испытывают холод. При клеточном или полувольном разведении могут быть созданы такие условия, при которых бобры будут вынуждены чаще находиться на открытом воздухе или в помещении «столовой» с температурой, близкой к 0°С, что будет способствовать ускорению созревания волосяного покрова. В таких условиях шкурки становятся первосортными уже в конце ноября.

По наблюдениям канадских фермеров, две самки уживаются с одним самцом и обе приносят потомство; однако если в гнезде появится бобренок от другого самца, то его загрызет самец, живущий в этой хатке. Самки заботливо воспитывают своих детенышей в течение первых восьми месяцев, а молоком кормят их 6—8 недель.

Индейцы в Канаде иногда выкармливают молодых бобров разбавленным коровьим молоком, а после достижения ими шестинедельного возраста — хлебом, дроблеными овсом и кукурузой, а также проросшими семенами овса, ячменя, ржи и т. д.

При появлении бобров осматривают их волосяной покров. Если среди молодняка появляются бобры с цветным или черным волосяным покровом, отличным по цвету от родительского, то таких зверьков после 6—7 месяцев отлавливают живоловушками для клеточного разведения.

Установлено, что состав пищи оказывает влияние на изменение цвета волосяного покрова бобров.

При вольном разведении половая зрелость наступает у бобров во многих случаях в возрасте трех лет, тогда как при полувольном и клеточном разведении и при кормлении разнообразной, более калорийной пищей бобры достигают половой зрелости в возрасте двух лет.

2

1. Подрастающее бобрята очень забавные существа. Фото из журнала «Tur Review», 1965.
2. Американский бобр. Рис. из книги Хогсона

У бобров, живущих в природе, довольно часто происходит близкородственное скрещивание, что не может не влиять на сопротивляемость организма различным болезням; поэтому при клеточном и полувольном разведении бобров инбридинга стараются избегать, а при выведении цветных популяций применяют методы направленной наследственности.

Бобры очень чистоплотны. Они меняют подстилку в жилище каждые две недели, остатки и излишки пищи складывают в одном из углов кормушки. Если человек своевременно не убирает остатки, то бобры начинают регулярно складывать их в одном месте; поэтому, строя клетки, предусматривают такое место в «столовой», чтобы удобнее было производить уборку.

В США и Канаде полувольное разведение бобров считается выгодным предприятием. Участки земли, поросшие деревьями, граничащие с водоемами, приносят больше выгоды при разведении бобров, а вместе с ними ондатр, чем в том случае, если бы эту территорию использовали только для рубки и продажи леса.

Правительство, сдавая в аренду землю под заселение бобров, заинтересовано в том, чтобы количество зверьков не уменьшалось, а увеличивалось. В этой связи ежегодно летом, если необходимо, на месте решают, какое количество бобров можно забить на шкурку из каждой семьи. Иногда разрешается забить по два и даже по три бобра из каждой семьи из числа родившихся в предыдущем году или выбраковывают отдельных зверьков из молодняка. Каждая семья бобров находится на учете. Это дает возможность улучшать качество и размеры шкурок, увеличивать плодородность зверьков.

УГАНДА. Подстегиваемые усиленным спросом на крокодилюю кожу, браконьеры почти полностью уничтожили поголовье крокодилов у водопадов Мерчисона в низовьях реки Параа и свели к минимуму их поголовье в верховьях этого притока Нила. Сейчас там насчитывается всего 250 самок. Их кладки (каждая самка откладывает от 48 до 58 яиц), закопанные в песок сантиметров на 30, уничтожают обезьяны бабуины, пятнистые гиены и вараны, а выплывший из яиц молодняк — марабу, орланы, черные коршуны и аисты.

Для защиты крокодилов дирекция местного национального парка намерена усилить охрану, снабдить ее радиопередатчиками, запретить туристам отлов молодняка, снизить в окрестностях водопадов количество бабуинов, марабу и варанов.

ИНДИЯ. Летом 1968 г. в лесном заказнике Жир — единственном месте в Азии, где сохранились львы, на площади 1295 кв. км был проведен тщательный учет азиатских львов (*Panthera leo persica*). Сперва подсчитали следы зверей на дорогах и у водоёмов: они принадлежали 162 хищникам. Затем свыше сотни туш молодых буйволов выложили в разных местах заказника и в границах с ним районах, рассчитав, что все львы в 2-3 дня обнаружат приваду и останутся около нее в течение всех пяти дней учета; съеденные туши заменяли новыми.

Перед учетом администрация считала, что в заказнике держится 160 львов. Подсчет следов дал цифру 166, а учет у привады — 162. Реальную численность азиатского льва на обследованной территории руководители учета зоологи П. Жослен (Канада) и К. Ходд (Великобритания) определяют в 177 голов.

Итоги учета малоутешительны: в 1963 г. здесь насчитывалось 285 львов. Малоблагоприятны для них и условия обитания в заказнике: в нем живет 7 тыс. человек, которые содержат 17 тыс. голов домашнего скота; сельское хозяйство развивается за счет вырубки кустарников — основного укрытия зверей, сокращается поголовье кабанов — главного источника питания этих хищников.

Изучение популяций азиатского льва в Индии будет продолжено в течение последующих двух лет.

США. Головные волны, образующиеся при преодолении сверхзвуковыми самолетами звукового барьера, порождают мощные звуковые удары, которые уже теперь в Западной Европе и США причиняют убытки, исчисляемые в миллионы долларов. В горах энергия звукового удара может фокусироваться, увеличивая свой разрушительный эффект еще более. В 1966 г., например, звуковой удар, обрушившийся на охраняемый памятник природы Каньон-де-Шелли (штат Аризона, США), вызвал обвал 80-тонной скалы, раздавившей древние скальные жилища индейцев. Поскольку в 1980 г. на каждый квадратный километр территории США придется, в среднем, по 32 полета сверхзвуковых самолетов, в стране поднят вопрос об охране покоя заповедников и национальных парков. Для изучения этой новой природоохранительной проблемы создана и приступила к работе специальная комиссия.

ВЕНГРИЯ. Тесная дружба установилась между местными охотниками и любителями охоты — служащими Группы советских войск в Венгрии. Так, например, коллектив военных охотников, возглавляемый А. Ф. Семеновым, регулярно участвует в охотах, проводимых венгерским охотколлективом «Бичкеи Нимрод». За день друзья-охотники, проведя 3-4 загона, отстреливают по 100-120 зайцев и 40-50 фазанов. При этом советские охотники строго соблюдают венгерские правила и традиции охоты. Они не стреляют бегущего фазана и сколько бы ни добыли зайцев, приносят домой только по одному; остальные трофеи поступают в пользу венгерского коллектива, который, сдав дичь на приемный пункт, на вырученные деньги покупает патроны, заготавливает подкормку, строит в своих уголках вышки и т. п. Каждая охота заканчивается торжественным церемониалом: дичь раскладывают на земле в т. н. штреку, все снимают головные уборы и наиболее удачливый охотник выстрелом в воздух отдает штреке последний салют. Сегодня это право предоставлено Вуичу Шандору.

Фото В. ЖАБРОВЦА

ПУШНО-МЕХОВОЙ ТЕХНИКУМ

В. ТАРАСОВ

Иркутский пушно-меховой техникум Роспотребсоюза готовит специалистов средней квалификации для охотничьих хозяйств Сибири и Дальнего Востока. Раньше он назывался заготовительным. Выпускники отделения товароведения получают специальность товароведа по пушно-меховому, животному сырью и сельскохозяйственным продуктам; окончившие отделение охотоведения и звероводства — охотоведа-зверовода. Товароведы работают в системе заготовки потребительской кооперации, охотоведы-звероводы — заведующими производственными участками коопзверопромхозов, охотоведами и охоторганизаторами районных заготовительных контор, звероводами и зоотехниками звероферм. Заочное отделение техникума готовит работников этих же специальностей. Кроме того, имеется отделение сельхозпродуктов.

В октябре 1968 г. техникум получил новое здание учебного корпуса — четырехэтажное, оштукатуренное мраморной крошкой, с тематическими рисунками на торцах. Оно расположено на одной из самых оживленных улиц Иркутска — Байкальской. По соседству — Иркутская пушно-меховая база.

МОПЕДЫ

...Они пройдут там, где не пройдет ни «Волга», ни «Москвич», им не страшны любые дороги.

Они незаменимы для охотников, любителей рыбной ловли, загородных прогулок и путешествий, сельских жителей и дачников.

Это

МОПЕДЫ

Львовского мотозавода.

Небольшой вес, достаточно высокая скорость, малый расход топлива, простота эксплуатации делают этот транспорт доступным для людей всех возрастов.

Водительские права не нужны.

МОПЕД МП-045 стоит 130 руб.
МОПЕД МП-046 — 190 руб.

Отвечаем читателям

Моя гончая начала трясти головой, разбивая концы ушей до крови, и притом воет. Применял перекись водорода и камфару от серных пробок в ушах, серную мазь — от чесотки, но улучшения не наступило.

Ю. КУРАКИН

Видимо, у Вашей собаки ушная чесотка. Проведите следующие процедуры. Достаньте в ветучастке четыреххлористый углерод. Составьте смесь: 2 чайные ложки углерода и 4 чайные ложки растительного масла, хорошенько взболтайте. Уши очистите от пробок и влейте в каждое по 1/2 чайной ложки этой смеси. Основания ушей старательно помассируйте. Ту же процедуру повторите через 6 дней, затем через 3 дня и еще через 3 дня. Смесь надо хранить в темном месте, хорошо закупорить, иначе улетучится углерод.

После окончания курса лечения раз в неделю засыпайте в уши собаки сухую борную кислоту (по щепотке), пока не перестанет скапливаться сера.

У моего щенка мочка носа была черной, но с пяти месяцев стала светлеть. Чем это вызвано и что мне надо делать?

Л. ШАБУНЯ
Луганская область

Если мочка носа светлеет, значит, собаке не хватает витамина «А» и солнца. Летом цвет мочки обычно восстанавливается. К весне собаке надо давать ежедневно с едой по столовой ложке рыбьего жира.

Г. ЗОТОВА,
ветврач

журналу отвечают

● В статье Г. Монова «Рационально использовать запасы соболя», опубликованной в № 11 за 1968 г., подробно изложена современная методика определения возможного прироста поголовья соболей. Автор особенно подчеркивает сильною изменчивость этого показателя в различные годы в зависимости от возрастного и полового состава популяции, а также природных условий, главным образом кормовых. По данным автора, прирост поголовья соболей в различные годы и в различных популяциях может иметь амплитуду колебания более чем в 6 раз. Близкие к этим данные известны для соболей Урала и Камчатки, где работы по исследованию прироста поголовья соболей ведутся более 15 лет. В настоящее время у специалистов охотничьего хозяйства и практических работников, организаторов охотничьего промысла нет сомнений в том, что добычу соболей, как и других ценных пушных зверей, необходимо строго регулировать в зависимости от урожая их, состава и прироста поголовья. К сожалению, даже по соболю не удается пока собрать нужного для исследований материала с большинства территорий его обитания.

Вместе с тем следует отметить, что ВНИИЖП и его отделения в областях, края и АССР ежегодно проводят большую работу по сбору и обработке многих сотен тушек соболя, добытых на промысле, с целью получения необходимых данных для прогнозирования его численности на предстоящий сезон. Эти данные затем обрабатываются и направляются в государственные и хозяйственные охотничьи организации в виде прогнозов-рекомендаций о возможной добыче соболей. При определении планов и выделении лимитов на добычу соболей эти рекомендации служат обязательной основой и учитываются как местными планирующими и охотничьими организациями, так и Главохотой и Госпланом РСФСР.

Главное управление считает, что автор статьи правильно поднимает вопрос о развертывании работ по сбору возможно большего количества биологического и полевого материала. Местные органы управления охотничьим хозяйством, промысловые хозяйства, специалисты и охотники, безусловно, должны оказывать научным учреждениям возможную помощь в сборе материала.

Для этого, по-видимому, прежде всего необходимо отделениям ВНИИЖП в зоне их деятельности войти в более тесный контакт с организациями и специалистами охотничьего хозяйства и совместно наладить регулярное получение от промысловых хозяйств и охотников необходимого биологического и полевого материала. В свою очередь отделения ВНИИЖП должны сообщать организациям и хозяйствам результаты своих исследований и практические рекомендации по рациональному использованию запасов ценных пушных зверей.

Тесная связь и совместная работа научных и практических работников несомненно принесет пользу общему делу — дальнейшему развитию охотничьего хозяйства.

Г. АРУТЮНОВ,
начальник отдела
охотничьего хозяйства
Главохоты РСФСР

В специально оборудованных лабораториях и аудиториях высокие потолки, большие окна, люминесцентное освещение. Все это располагает к серьезной работе. По всем основным дисциплинам имеются специальные помещения для занятия предметных кружков и хранения наглядных пособий. На первом этаже — заочное отделение, рядом буфет, антовый зал на 280 мест, оборудованный киноаппаратурой, гимнастический зал.

Рядом с учебным корпусом высятся пятиэтажное здание общежития. Уютны комнаты общежития — каждая на четырех человек. Есть буфет и душевые. На каждом этаже — по две кухни с кипятильниками и электророллитами. При общежитии работают медицинский пункт, комнаты для отдыха и занятий.

Новые здания намного улучшили учебно-материальную базу техникума. Со следующего учебного года будет увеличен набор учащихся на два дневных отделения: товароведения пушно-мехового и животного сырья, а также охотоведения и звероводства. Увеличивается прием и на заочное отделение.

Подробные справки можно получить в комиссии по набору учащихся. Адрес техникума: г. Иркутск, улица Байкальская, 127.

мопеды

ТЕХНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

	Мопед-046	Мопед-045
База, мм	1155	1155
Максимальная скорость, км/час	50	40
Емкость бака, л	5,6	5,6
Сред. расход топлива на 100 км	2,2 л	2,0
Вес мопеда, кг	49	41
Максимальная мощность, л. с.	2	1,2
Грузоподъемность, до кг	120	100

Мопеды производства Львовского мотозавода можно купить в спортивных магазинах и специализированных отделах универмагов.

«СОЮЗТОРГРЕКЛАМ»

Иркутская областная универсальная научная библиотека

К 130-летию со дня изобретения фотографии

ФОТОГРАФИЯ — ПАМЯТЬ О ВИДЕННОМ — МЕТОД ПОЗНАНИЯ ЖИВОТНОГО МИРА — СРЕДСТВО ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

1.

2.

3.

Более ста лет прошло с того времени, когда гениальное изобретение человечества — фотография, говоря образно, обратила свой объект в сторону животных. Редоначальниками большой семьи фотографов-анималистов были замечательные английские натуралисты братья Черри и Рихард Киртоны. Еще в конце прошлого столетия они представили миру уникальные снимки. В те же годы много и успешно фотографировали животных их соотечественники Чарльз Кири и Френсис Хатерлай, а за океаном, в Америке, получил интереснейшие по содержанию фотографии из жизни колонии фламинго неустойчивый Френк Чапман. Основным стремлением этих фотографов было желание запечатлеть на снимке фауну определенной зоны, государства и даже материка. Поэтому большинство из них стремились получить прежде всего портрет животного.

В начале нашего столетия немалый вклад в дело фотографирования животных внес натуралист Шлиллингс, выступивший в 1904 г. с сенсационной книгой «Со вспышкой и карабином». Большую роль в пропаганде идей фотографирования животных в природе имели работы немецких фотографов Георга Шульца и Рудольфа Циммермана. В охотничьих журналах и в отдельных изданиях того времени часто публиковались их снимки.

В 1909—1910 гг. в Лейпциге увидела свет не потерявшая значения и по сегодняшний день прекрасно иллюстрированная серия книг Мерварта и Зоффеля — «Картины из жизни животных». Более шестидесяти фотографов-анималистов

приняло участие в этом издании. Этот труд явился одной из первых попыток создания относительно полной фотомониторизации животного мира.

Постепенно высокохудожественные идеи отражения природы в светочислительных картинах начинают приобретать ясно выраженный интернациональный характер. Охота с камерой становится популярной не только в Англии и Германии, но и в России, Швеции, Дании и других странах.

Говоря о первых книгах по фотографии животных, нельзя не вспомнить англичанина Бенгли Битаму. Именно с его работой, частично переведенной на русский язык С. А. Бутурлиным (Бутурлин и Иващенко, 1913, «Охота с камерой»), связано развитие идей фотографирования животных в природе у нас в России. Одновременно в русском издании увидела свет и одна из книг Г. Шульца — «Фотографирование с природы». Толчком к дальнейшей популяризации натуральных съемок в нашей стране явилось издание книг-руководств С. И. Огнева «Фотографирование живой природы» (1926) и С. С. Турова «Натуралист-фотограф» (1937).

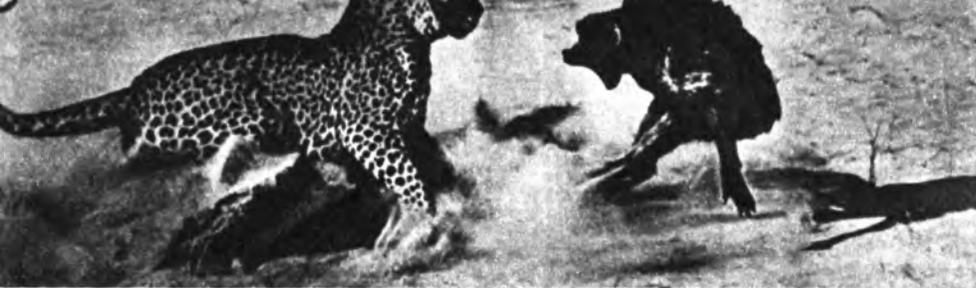
Примечательно, что, получив всеобщее признание, фотография с натуры начинает активно использоваться как действенное оружие охраны природы. И если оценивать заслуги первых фотографов с этих позиций, то прежде всего необходимо назвать имя Бенгта Берга. Его увлечательно написанные и хорошо иллюстрированные книги знакомили читателя не только с образом, но и с ха-

рактером животных. Благодаря этим книгам особое интернациональное звучание получили идеи необходимости охраны многих редких животных, в частности крупных хищных птиц.

В последнее время тяга к фотографированию в живой природе особенно возросла. И это понятно. Фотография — один из наиболее доступных и гуманных методов объективной регистрации проведенных в природе наблюдений. Несмотря на то, что само по себе фотографирование животных в природной обстановке предопределяет предварительное тщательное их изучение, в процессе съемки удается провести немало ценных наблюдений.

Стоит ли доказывать, что при изучении экологии охотничьих животных фотографии принадлежат далеко не последнее место. «Фотоаппарат прочно вошел в арсенал зоолога», а «умело сделанный и надлежащим образом этикетированный снимок является не простой иллюстрацией, а таким же научным документом, как запись в дневнике, карта, коллекционный материал» — так характеризует фотографию профессор Г. А. Новиков в своей книге «Полевые исследования экологии наземных позвоночных». Мы убеждены, что недалеко то время, когда научные коллекции и учебные пособия будут состоять не только из тушек и шкур животных, но и из отлично выполненных цветных фотографий, сделанных непосредственно в природе.

Однако применение фотоаппарата не ограничивается созданием вышеупомянутых коллекций. В настоящее время может оказаться неполноценным, напри-

4.

1. 1902 год. Фотограф в Африка, «вооруженный» зеркальной однообъективной камерой «Граффлекс» (размер кадра — 12×6 см).
2. Снимок нападающего носорога, сделанный камерой «Граффлекс» в 1902 году.
3. В наши дни «вооружение» фотографа-натуралиста позволяет ему делать моментальные снимки в сумраке рассвета под пологом леса. На снимке Славы Штохла, опубликованном в № 3 «F-65» (специальное ревью художественной фотографии, Чехословакия), — ревуший олень.

4. Снимок Джона Доминиса был опубликован в американском журнале «Лайф», а затем обошел многие издания. Искусствовед Сергей Морозов писал в № 4 «Журналиста» за 1968 г., что на этом снимке «с крайней обнаженностью раскрыта жестокая правда животного мира. Леопард и обезьяна. Последний миг существования обреченного».
5. У некоторых копытных, когда они уходят от опасности, есть интересная особенность — они высоко подпрыгивают. Снять в этот момент носую удалось нашему фотокорреспонденту Н. Немнонову.

5.

мер, изучение многих моментов жизни птиц без фотодокументации.

Совершенно новые возможности открыла фотография при изучении численности животных. Хорошо известны фотографии огромных стад северных оленей или водоплавающих птиц на зимовках, по которым нетрудно подсчитать общее число особей.

При фотографировании животных не следует забывать о том, что может пройти не так уж много времени и ряд фотоснимков окажется неповторимым. Вспомним хотя бы участь моржей на острове Медвежий, о чем писал Свен Ингльстер в книге «Волна за волной». Меньше двухсот лет понадобилось, чтобы эти великаны исчезли с этой точки земли. А «Последние орлы» Б. Берга? Не есть ли они памятники уходящим от нас птицам?

Хорошо известные фанты исчезновения животных отнюдь не приходятся рассматривать как печальные курьезы истории. К сожалению, эти примеры закономерны. Ведь не без помощи людей в XVII веке ушла от нас навсегда птица додо, в 1844 г. была убита последняя бескрылая гагарка, в 1850 г. исчез очковый баклан, а в 1914 г. пал последний странствующий голубь. И так далее, и тому подобное. Но среди видов животных, сегодня еще живущих, много таких, численность которых сильно подорвана. В этой связи развитие фотографирования животных можно рассматривать как исторически важное, не терпящее отлагательства дело.

Постоянно усложняющееся развитие техники и связанное с этим интенсивное

освоение человеком все новых и новых территорий, вырубка лесов, осушение болот, изменение уровня рек, перегороженных плотинами, — все это меняет лик Земли. Поэтому со временем будут особенно интересны фотографии, полученные с животных в их родной, дикой обстановке. Долг фотографов донести до своих потомков красоту девственной природы и животных, ее населяющих.

Помимо всего, фотографирование животных в природе для многих является «страстью, упражнением ума и тела, поводом провести в природе лишний день», как сказал о ней один из интересных фотографов-анималистов современности Эрик Хоскинг.

Однако, не умаляя всей положительной и природоохранительной роли фотографирования, мы должны все же оговориться, что не всегда этот метод познания и охраны живой природы может быть назван «бескровной охотой». Особенно это касается съемки птиц у гнезд, где постоянно имеется опасность погубить кладку или птенцов.

Естественно, что чем меньше опыта у человека, тем больше у него шансов принести животным вред. Хотя против ошибок не гарантирован никто, безответственно и даже преступно, когда в жертву неопытному фотографу приносятся редкие, стоящие на грани вымирания виды. И очень прискорбно, когда новички в фотографировании животных на натуре рассчитывают «заслужить славу» при съемке именно этих видов. Взглянув в руки фотоаппарат, воодушевленные миролюбивыми идеями, люди часто забывают о необходимости бережного отно-

шения к природе. Забывают это иногда и те, кто пропагандирует съемку животных, говоря, что для нее не существует ни запретов, ни сроков, ни лицензий (Бутурлин и Иващенко, 1913; Митрофанов, 1950; Мариновский, 1965 и др.).

Запреты и сроки для фотоохоты есть. Иногда они моральные, иногда юридические. Запрещено же в заповедниках всякое посещение колоний птиц до периода вылупления птенцов. В ряде стран даже приняты законы, запрещающие беспокоить (в том числе и фотографировать без специального разрешения) редких диких животных. В принятом, например, в ГДР в 1954 г. законе об охране природы специально оговаривается запрет фотографирования ряда птиц без особого на то разрешения, например, беркута, орлана-белохвоста, черного аиста, филина, дрофы и др. Лицензии на съемку этих птиц выдаются только опытным, проверенным фотографам-натуралистам.

У нас пока еще нет закона, запрещающего беспокоить редких животных. Но долг каждого, кто сталкивается в природе с дикими животными, заботиться о них. Тем же, кому может показаться, что фотографирование «обычных» животных недостаточно интересно и спортивно, можно посоветовать снять хорошо знакомую всем ворону! Поверьте, что сфотографировать ее ничуть не легче, чем орлана-белохвоста.

З. ГОЛОВАНОВА и Ю. ПУКИНСКИЙ,
кандидаты биологических наук

УДК 77.05

СЫН ТАЙГИ

Легкими неслышными шагами идет он по тайге. За плечами поняга, старенькая тозовка. Коренастый. Загорелое молодое лицо, внимательные с прищуром глаза. Все примечает штатный охотник Ваунтовского коопзверопромхоза П. В. Курдюнов, читает следы на снегу, как книгу. Вот протянулась цепочка следов колонка, а чуть вдали явственно обозначились глубяние заячьи следы.

Когда-то, тринадцатилетним пареньком, Павел Васильевич из старой отцовской берданы убил первую белку. Отец его был опытным следопытом, уважали его на стойбище сородичи-звенни. Год за годом он передавал сыновьям секреты не легкого труда таежника, рас-

крывал свое охотничье мастерство: учил выслеживать соболя белку, ставить хитроумные ловушки на колонка, горностая, метко стрелять. Все перенял Павел Васильевич у отца: и легкую бесшумную походку, и острый глаз, и умение бить без промаха зверя. Научил этому и своего брата Ивана. Ежегодно они с братом уходят в тайгу на промысел, с богатой добычей возвращаются домой.

В 1968 г. П. В. Курдюнов был утвержден участником ВДНХ СССР.

В. ЧУНАВЛЕВ,
сотрудник газеты «Витимские зори»

пос. Вагдарин.
Ваунтовский район,
Вурятская АССР

МОИ ПОЖЕЛАНИЯ

У вашего ружья сломалась боковая пружина. Где ее сделать? Оружейной мастерской нет, частный мастер берет втридорога. А почему бы не продавать запасные части к нашим отечественным ружьям в спортивных магазинах?

Вышли из строя ружейные стволы, а ствольная коробка и ложа сохранились. Что делать? Выбрасывать на свалку? А ведь можно так организовать дело, чтобы заказ на стволы принимали заводы. Думаю, что совершенно обязательно покупать новое ружье, если у вас вышла из строя какая-то его часть.

В спортивных магазинах продают

картонные пыжи (прокладки). Они, как правило, одной толщины и диаметра. А почему бы их не иметь на порохо одной толщины и прочности, а на дробь — другого качества, т. е. из сухого и ломкого материала. Почему бы не иметь в продаже дробовые картонные пыжи с нумерацией и указанием диаметра дробы (в мм)? Это создает определенную культуру при снаряжении патрона. Следует также продавать нумерованные дробовые пыжи от № 4/0 до 10. Они нужны и охотникам и стрелкам-спортсменам.

М. ИВАНОВ,
охотник-любитель

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

Егерь Иргенского охотничьего хозяйства ВВОО Забайкальского военного округа В. А. Никитин добыл самца косуля. Обработав его, он обнаружил что легкие не отделялись от ребер, как обычно. Оказалось, что зверь был проткнут палкой длиной 15 см, а толщиной более двух сантиметров. Один конец палки прошел между вторым и третьим ребрами, другой — между шестым и седьмым. Выли пронизаны оба легкого. Палка прошла около сердца, подняв аорту.

Судя по тому, что дерево в теле животного обросло мясом, а снаружи на коже не было признаков ранения, это произошло уже давно, вероятно, после прыжка зверя где-нибудь в зарослях или лесных завалах.

Зверь, перед тем как его добыл егерь, в поведении ничем не отличался от своих собратьев, был хорошо упитан, а это дает основание предполагать, что косуля была вполне здорова.

А. МОСКОВЕЦ

г. Чита

ЖДЕМ ОТВЕТА ОТ ЗАГОТОВИТЕЛЕЙ

В районах Крайнего Севера и районах, приравненных к ним, в 1968 г. повысили заготовительные цены на шкурки соболя. Это постановление, значительное на слете охотников, было одобрено и значительно повысило интерес и охоте. Все стали усиленно готовиться к предстоящему сезону промысла. Нижне-Илимский коопзверопромхоз и общество охотников в 1968 году в отдаленные продуктивные уголья завезли охотников-любителей на вертолете.

В тайгу пошли даже те, кто успел потерять интерес к охоте. Промысел был удачным. Пушнина непрерывно поступала на приемный пункт, и план заготовок был успешно выполнен. Сдавая пушнину, охотники радовались, что в среднем соболя проходил по 35—40 руб. В приеме участвовал опытный охотовед В. И. Имигеев. Но радость быстро сменилась удив-

лением, когда из Иркутской пушно-меховой базы пришли акты приема соболей. Наши соболей занизили, удешевили даже по сравнению с прежними ценами. Так, например, у охотников Ф. П. Агафонова, А. С. Куклина, Ю. А. Черемных и у меня соболя проходили в прошлом году в среднем по 32—33 руб., а в этом году — в среднем по 28 руб.

Охотники возмущены и приходят в контору с жалобами, спрашивают: почему наших соболей занизили? Зачем надо было повышать цены, если от этого соболя стал для охотника еще дешевле?

Мы не можем найти правильного объяснения столь загадочному явлению, а поэтому просим работников Иркутской пушно-меховой базы дать через журнал правильный ответ охотникам.

В. БУБНОВ,
бухгалтер Нижне-Илимского общества охотников

ДОЖДЕВИКИ

Обычно они появляются на полянках и обочинах лесных дорог в июне—июле, и собирать их можно до самых заморозков.

В народе эти грибы называют порховками или волчьим табаком: при созревании их белая мякоть превращается в темно-коричневый пылящийся порошок — споры. Молодые же дождевики по содержанию белка превосходят даже знаменитые боровики, а что касается азотистых веществ, то среди лесных грибов им нет равных.

Дождевики хороши не только в жареном и тушеном виде: их можно еще и сушить. Сушеные, они не теряют своей формы и так же, как и белые, дают светлый бульон. Но, по

незнанию, даже иные охотники не кладут их в лукошко.

Вспоминается такой случай... Стояла чудесная осенняя погода. Что могло быть приятней последнего обеда в лесу, обеда, приготовленного из продуктов щедрой кладовой природы? Я набрал дождевиков. Товарищи не верили в их съедобность, шутили.

— Накормишь ты нас поганками, а после некому будет есть и хорошие грибы!

Но стоило отведать приготовленного на костре ароматного бульона, как всякая мысль о его несъедобности отпала. Не теряя времени, они пустились собирать белые мясистые шарики, чтобы угостить ими дома своих близких.

Ю. НОВИКОВ

ВСТРЕЧА НА АВТОВОКЗАЛЕ

Полдень. Курганский автовокзал в воскресный день. Заполненные пассажирами автобусы один за другим отходят по разным направлениям. Приближается время и моего отъезда. А пока сижу на скамье рядом с другими пассажирами, греясь на солнышке.

Вдруг слышим пронзительный утиный писк! Утки на асфальте? Домашние? Или кто везет их в корзине с собой? Но нет, не в корзине! Из-под киоска, который стоит в трех метрах от здания автовокзала, вы-

шла маленькая уточка-чирок. Вслед за нею выбежали десять крохотных пушистых утят... Мы повскакивали с мест. Водители такси высочили из своих машин. Даже шоферы автобусов, готовых к отправке, покинули свои кабины. Наблюдаем. Маленькая уточка, расправив крылья, прямо ползет по земле, стараясь быть незамеченной. Утята-пушинки, перевалявшись с боку на бок, смело бегут за нею.

Не один десяток пар пассажирских глаз проводил утиную семейство до кустов возле железнодорожной насыпи.

И. РЫБИН
г. Курган

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КУКЛИН

Скончался один из старейших охотоведов Урала — Сергей Алексеевич Куклин.

С. А. Куклин родился в 1896 г. в семье крестьянина Вятской губернии. Окончив с золотой медалью реальное училище, он в 1915 г. поступил в Петроградский лесной институт, но в 1916 г. был призван в армию и вскоре отправлен на фронт. В царской армии С. А. Куклин включился в революционную борьбу, после революции избирался от солдат в президиум уездного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Из армии он был демобилизован в 1918 г. и при-

нимал активное участие в гражданской войне. В 1919 г., вступив добровольцем в Красную Армию, стал командиром роты, а с 1921 г. — командиром 16-й Отдельной стрелковой бригады. В одном из боев был тяжело ранен и по болезни демобилизовался, после чего продолжал учебу в Лесном институте. По окончании учебы работал на ответственных должностях в органах лесного хозяйства Урала.

Любовь к животному миру, увлечение охотой определили направление дальнейшей трудовой деятельности Сергея Алексеевича. С 1927 г. он переходит на охотоведческую работу и не

расстается с ней до конца жизни. Сорок лет отдал С. А. Куклин охотничьему хозяйству. Старший охотовед Уралоохотсоюза, директор Уральской научно-исследовательской охотбиостанции (ныне отделение ВНИИЖП), начальник Пермской облохотинспекции, старший охотовед Свердловского облуправления охотничье-промыслового хозяйства — вот далеко не полный перечень его служебных постов. С. А. Куклин по праву считается одним из основоположников охотничьего хозяйства Урала.

Будучи неутомимым полевым исследователем, Сер-

Много озер в Тюменской области. И много птицы водится в этих озерах. В один октябрьский выходной день я с друзьями охотниками выехал на одно из безымянных камышовых озер. Нас было семь человек. Подъехав к озеру, мы увидели посреди него много уток и девять лебедей. Озеро было большое и на наше появление птицы внимания не обратили.

Дно у озера твердое, а у нас у каждого было по сидульке. Это палка, на конце которой прибита дощечка. Воткнешь палку в дно, а на дощечку сядешь. В камышах сидулька очень полезна охотнику.

Выбрав места и расставив чучела, мы замолкли. Я расположился на камышовом мыске, выдавался он от берегового камыша. Очень хорошее место, видимость почти круговая. И чучела на чистой воде далеко видно. Чучела у меня сделаны из пенопласта, легкие, все время в движении, как живые.

И вот на противоположном конце озера вижу дымки выстрелов. Утки стали подниматься,

то все не в мою сторону. Я начал наблюдать за лебедями. Они стойкой стали отплывать в мою сторону. Туда, где тихо. И подплыла вся стая к моим чучелам. А чучела были расставлены от камыша метров на 15. Пара старых лебедей подплыла ко мне почти вплотную. Самец играл с самкой. Ласкался к ней, то голову свою ей под крыло спрячет, то на спину ей положит, тихонечко подтолкнет ее и тихо-тихо прокурлычит. Я сидел, не шевелясь, боясь даже моргнуть. На уток и смотреть боялся, только бы не потревожить лебедей, любовался этой действительно умной и красивой птицей. Потом они, видно, почувяли опасность и начали тихо отплывать. А я все равно не шевелился. Пусть отплывают тихо. Так и просидел, не шевелясь, пока они не уплыли далеко. И стрелять мне расхотелось. Просидел на своей сидульке без выстрела. Но увидел то, что редкому охотнику удастся увидеть. И что не забывается никогда.

Б. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

г. Ялуторовск,
Тюменская область

НАПАДЕНИЕ

Случай этот произошел со мной в начале лета прошлого года.

Вечером я отправился в лес, в избушку, где меня ждали мой брат и товарищи. Мы часто проводим в лесу свободное время. И вот, отойдя от города на почтительное расстояние, я шел ночью по лесной дороге. Кругом стояла тишина, лишь слышался тихий шелест молодой листвы. Вдруг сзади на мою голову обрушился удар, от которого я еле устоял на ногах. Схватившись рукой за уши, я выпрямился и, в просвете между верхушек деревьев успел заметить большую птицу, которая сделала круг и села на вершину клена. Я почувствовал, как на мою шею потекло что-то теплое,

Это была кровь. Я не стал дожидаться нового нападения и быстро пошел вперед.

Придя в избушку, я рассказал товарищам обо всем случившемся. Сначала они не поверили, но увидев мой окровавленный затылок, удивились. На следующее утро я отправился к тому месту. Как я уже понял, на меня напал филин, но почему — для меня это пока оставалось загадкой. И вот, подойдя к тому месту, я увидел с одной стороны дерева дупло. Подобрав ветку, я постучал по дереву. Пикирующего филина я успел заметить метров за десять. Сделав резкий рывок, я уклонился от удара. Теперь мне стало ясно, что у филина здесь устроено гнездо.

Э. ОБОТУРОВ

г. Аша,
Челябинская область

ИСПЫТАЙТЕ...

На страницах нашего журнала нередко печатаются советы охотников о том, как лучше запыживать дробь в металлических гильзах.

У меня ружье 16 калибра. Запыживаю дробь я следующим образом. На дробь в металлических гильзах кладу одну третью часть древесно-волокнистого

пыжа 12 калибра. Если случается ехать с этими патронами в дальнюю дорогу, то бона дробового пыжа обмазываю клеем БФ-2.

Такой пыж удобен, легок, вылетая из ствола, он разлетается мелкими кусками, и дробь идет кучно, а до выстрела пыж хорошо держит дробь.

А. ВИДАЕВ

Ульяновская область

гей Алексеевич почти во всех практических мероприятиях по охотничьему хозяйству участвовал лично. Он был зачинателем и исполнителем работ по реаклиматизации бобра на Урале, возглавлял многие экспедиции по изучению охотничьих животных, обследованию угодий, организации промыслово-охотничьих хозяйств.

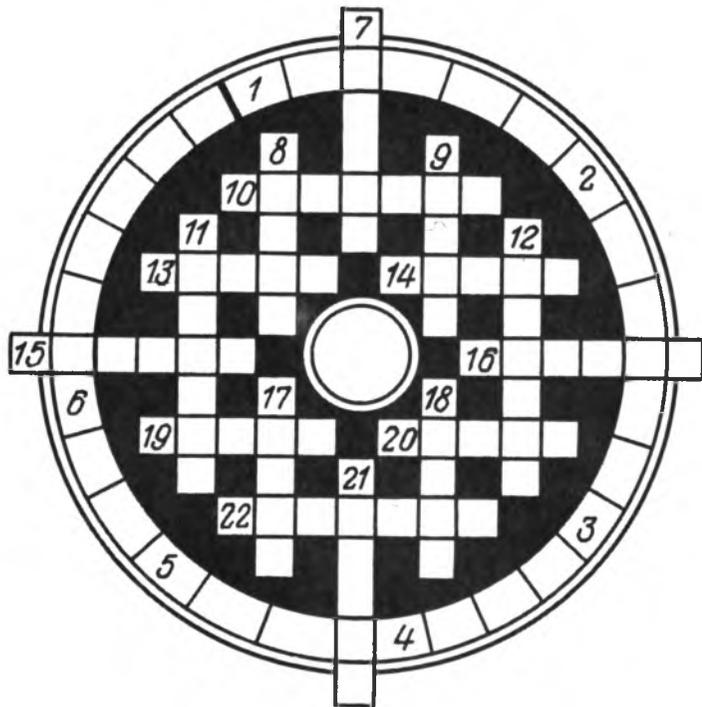
Широкой охотничьей общественности страны С. А. Куклин известен как автор научных и популярных книг и статей об охоте, охотничьем хозяйстве и охране природы. Книга С. А. Куклина «Звери и птицы Урала и охота на них» до сих пор

является настольным пособием охотоведов, охотников и любителей природы Урала. Уже находясь на пенсии, С. А. Куклин не прекращал большой общественной работы в обществе охотников и в обществе охраны природы.

В лице Сергея Алексеевича мы потеряли крупного специалиста-охотоведа, писателя, страстного защитника природы, скромнейшего человека и отзывчивого товарища. Светлая память о нем навсегда сохранится в наших сердцах.

Группа товарищей

на привале

Ружейная Задача

По внешнему кругу (чайнворд): 1. Часть ударного механизма ружья со скользящим затвором. 2. Химикат, применяемый при слесарной обработке деталей ружья. 3. Деталь ударно-спускового механизма. 4. Часть ствола, служащая для прохождения снаряда. 5. Часть ружья, предназначенная для соединения его остальных узлов воедино и удобства пользования им. 6. Самоперезаряжающееся ружье.

По вертикали: 7. Осадок, образующийся в канале ствола после выстрела. 8. Основной механизм ружья. 9. Деталь, соединяемая к шомполу для чистки канала ствола. 11. Человек, стреляющий из ружья. 12. Часть ружья, с которой соединяется ствол. 17. Марка пороха. 18. Принадлежность для чистки ружья. 21. Деталь запирающего механизма.

По горизонтали: 10. Характерная часть многозарядного ружья. 13. Основная часть огнестрельного оружия. 14. Футляр, служащий для предохранения ружья от загрязнения и для переноски. 15. Металл, используемый при стрельбе из ружья. 16. Стержень для чистки ружья. 19. Вещество, аккумулирующее энергию, используемую при выстреле. 20. Часть ложки. 22. Ответственная деталь ударного механизма.

Составил С. КОВАЛЕНКО
г. Почеп

Из старых хроник

Из пограничного с Финляндией шведского городка Гапаранды сообщают, что на финской стороне границы недавно произошел случай, напоминающий удивительные охотничьи приключения барона фон Мюнхгаузена, но с той разницей, что произошел на самом деле. Была убита зайчиха на снегу и немедленно после выстрела ей сделали удачную кесарскую операцию, имевшую последствием рождение пяти покрытых серыми пятнами зайчат, которые по инстинкту тотчас же кинулись сосать свою мертвую родительницу. Зайчата были посажены к двум только что оцененным собакам, которые приняли их с материнской нежностью и кормят вместе с собственными щенками. Гапарандский корреспондент, собственными глазами видевший собак и их приемных детей, прибавляет, что из зайчат околел только один, а четверо находятся в добром здравии.

12 октября встретился я на Екатерининской улице с Фелицианом Карловичем Гвенковским, с которым, поужинавши в одной из гостиниц, отправились гулять по Харькову. Гуляли долго, по многим улицам. Вдруг я спохватился, бросился к своему карману, в котором было в кошельке 183 рубля, и его не оказалось. Тогда спутник мой, Гвенковский, послал бывшую тут с ним собаку по имени Ральф, которая спустя час принесла деньги. Не знаю слов для выражения благодарности Фелициану Карловичу и дивно выдрессированной им собаке Ральфу.

(Газета «Харьков». 1879 г.)

К числу последних мировых рекордов, бесспорно, можно отнести 1200-километровый пробег пятилетней Ласси. Живущий на севере Италии, в г. Турине, Панкразио Скорано отвез Ласси к родным, проживающим на юге страны, в Бриндизи. Четыре месяца потребовалось собаке, чтобы вернуться назад. Сколько больших городов и городишек пришлось ей обследовать по пути, сколько опасностей и посягательств на ее шкуру избежать, чтобы вновь оказаться у родного порога!

(Рисунок из газеты «Юманите», Франция)

Возраст собаки

Его определяют главным образом по резцам собаки (подробнее см. журнал «Охота и охотничье хозяйство» № 12 за 1960 г.). Относительный возраст, соответствующий тому или иному возрасту человека, недавно разработал для собак французский ученый А. Лебо. Так, 6-месячный щенок соответствует 10-летнему ребенку, собака в возрасте одного года — подростку в 15 лет, 2 года — 24 годам, 3 года — 28 годам, 4 года собаки равны 32 годам человека, 5 лет — 36 годам, 6 лет — 40 годам, 7 лет — 44 годам, 8 лет — 48 годам, 9 лет — 52 годам, 12 лет — 64 годам, 14 лет — 72 годам; собака 16 лет соответствует 80-летнему человеку.

Ответ на задачу «По следам».

помещенную в № 5 ЖУРНАЛА

На пяти рисунках изображены следы лисы, хоря, мыши, белки и ондатры. Поставьте соответствующие буквы в клеточки с цифрами (например, 1—л, 11—и, 13—с, 4—а) и тогда легко расшифруете нижние цифровые строки: «На промысел идешь на день, а хлеба бери на неделю».

Пушнину — государству!	1
М. КАЛИНИН. Жизнь, посвященная охоте	3
Л. ЖИРНОВ. Перспективы промысла сайгаков	4
В. ЛОБАЧЕВ. Повысить ответственность охотников	7
И. КОЛЕСНИКОВ, Ф. ПУШНИЦА. Возобновить промысел малого суслика	8
Д. БУТЕНКО. Это касается всех!	8
Н. МУХИН, А. КРУГЛОВ. Приговор приведен в исполнение	10
В. СОКОЛОВ. Усовершенствовать охотничье законодательство	11
А. МАРИНОВИЧ. Волжско-Камский заповедник	12
Г. ЯКУШКИН, Б. ПАВЛОВ, Б. БОРЖОНОВ, В. ЗЫРЯНОВ, В. КУКСОВ. Необычный год на Таймыре	14
Л. ЛАВРОВ. Консервирование бобровой струи	18
Н. РУКОВСКИЙ. Енот-полоскун	20
А. КОЗЛОВСКИЙ. Регулирование численности копытных	22
П. ЮРГЕНСОН. О кормовой емкости угодий	22
С. ТУРОВ. К. А. Воробьев (к 70-летию со дня рождения)	23
К. ВОРОБЬЕВ. В Зоологическом музее	24
Рефераты охотоведческих работ	25
А. ГЕЙЦ. Промысловое собаководство Камчатки	26
Словарь охотника-собаковода	27
А. ЕГОРОВ, Н. КОМАРОВ. О психологической подготовке стрелка	28
Э. ВЛАДИМИРОВ. Когда же будет вездеходный транспорт	28
Охота Ленина в Шушенском	30
А. ТРУХАЧЕВ. Незабываемые встречи	32
Вл. ХОЛОСТОВ. В пущах Полесья	33
Леонид КЕЛЬМАН. Анималистическая игрушка	35
И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ. Волки	36
В. АСТРОВ. Не повезло	38
Библиотека охотника	40
А. АНТОНОВ. Полувольное разведение бобров в Америке	40
На земных меридианах	42
Э. ГОЛОВАНОВА, Ю. ПУКИНСКИЙ. Фотография	44

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О. К. Гусев (главный редактор),
 А. Г. Банников, В. Ф. Гаврин, В. Г. Гептнер, Д. Н. Данилов, В. В. Дежкин, **Г. П. Дементьев**, Н. В. Елисеев, А. М. Колосов, А. И. Корольков, А. П. Мазовер, И. А. Максимов, А. В. Малиновский, С. П. Наумов, Е. Н. Пермитин, В. Е. Попов, С. М. Успенский, К. А. Ястребов [зам. гл. редактора].
 Оформление А. А. Шварца.
 Технический редактор Л. А. Гребцова
 Корректор И. М. Силина

Издательство «Колос».
 Адрес редакции: Москва, И-139, Садово-Спасская, 18.

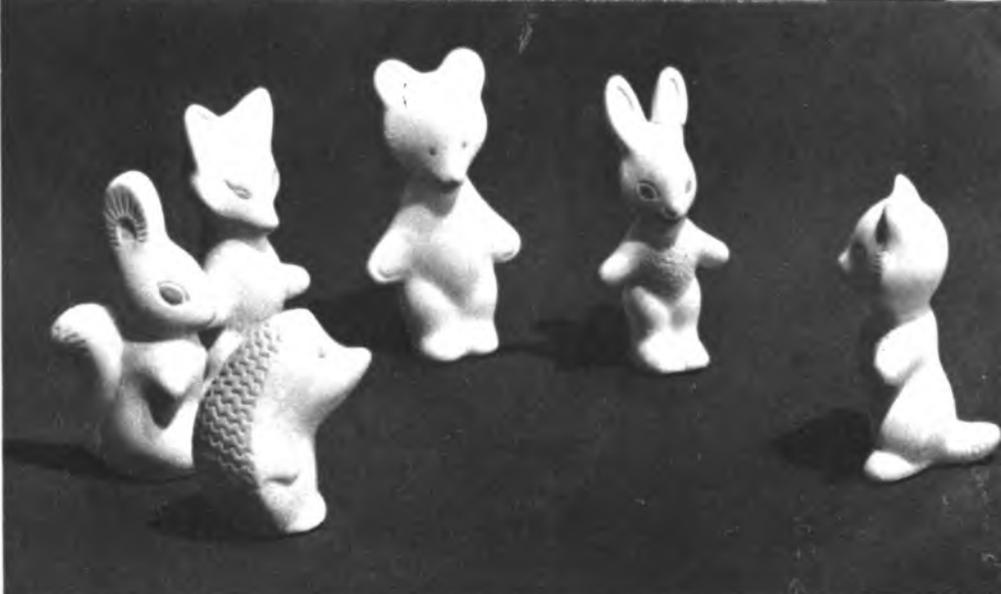
Тел. 228-50-91; 228-51-05.
 Рукописи и фото не возвращаются.

Т 07414. Сдано в набор 27. III. 1989 г. Подписано в печать 5. V. 1989 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумажн. л. 3. Печати. л. 6. Уч.-издат. л. 9,45. Тираж 680 000 экз. Зак. 0782. Цена 30 коп.

Издательство и комбинат печати «Радянська Україна», Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

О. МАНАННИКОВ. «Котины сказки»

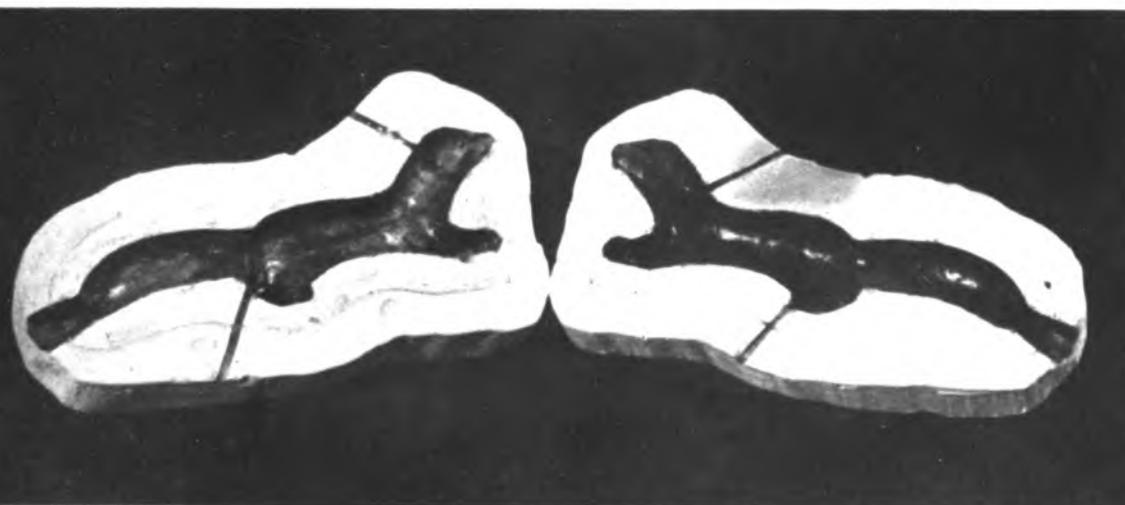
Ю. СЕРГЕЕВ, А. СУРКОВ. Соболь

Анималистическая игрушка

Фото Г. ЗАРАХАНИ

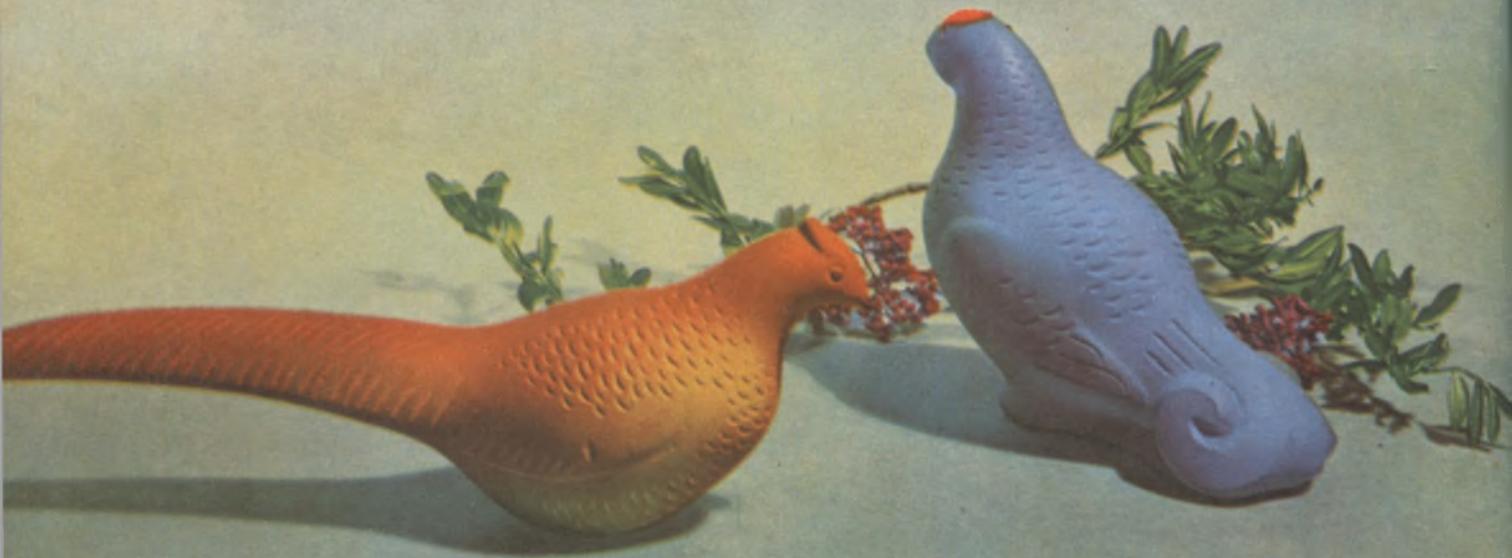
Отливная форма

О. МАНАННИКОВ. Венгерская народная сказка «Два жадных медвежонка»

О. МАНАННИКОВ. «Дед Мазай и зайцы»

Ю. СЕРГЕЕВ, А. СУРЕНКОВ. Фазан и тетерева

Анималистическая игрушка

Ю. СЕРГЕЕВ, А. СУРЕНКОВ. Морж

Ю. СЕРГЕЕВ, А. СУРЕНКОВ. Страусенок

Фото Г. ЗАРАХАНИ

ЦЕНА 30 коп.
ИНДЕКС 70673

